

**Образ женщины
в отражении веков:
по материалам
из Большого Тургая
и сопредельных
регионов**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ А. Х. МАРГУЛАНА

**Образ женщины в отражении веков:
по материалам из Большого Тургая
и сопредельных регионов**

Коллективная монография

Алматы
2020

УДК 902/904
ББК 63.4
О 23

Книга издается в рамках грантового финансирования Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан,
ИРН проекта AP05131573, тема: «Цивилизация номадов Тургая: от истоков к современности
(по данным археологии и этноархеологии)»

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А. Х. Маргулана
Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Рецензенты:

М. К. Хабдулина, кандидат исторических наук, доцент
М. В. Бедельбаева, кандидат исторических наук

Авторский коллектив:

Базарбаева Г. А., Джумабекова Г. С., Логвин А. В., Лукпанова Я. А.,
Сеитов А. М., Хасенова Б. М., Шевнина И. В., Шкляева С. А.

Образ женщины в отражении веков: по материалам из Большого Тургая и сопредельных регионов. Коллективная монография / отв. ред. Г. А. Базарбаева, Г. С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2020. 160 с.

ISBN 978-601-7106-52-2

Книга посвящена анализу женских украшений, элементов костюма, вопросам социальной стратификации древнего общества – характеристике составляющих образ женщины на протяжении веков. Исследованиями охвачены различные эпохи от верхнего культурного горизонта к нижнему: современность, Новое время, Средневековье, ранний железный и бронзовый века Большого Тургая и сопредельных регионов.

Издание адресовано тем, кому интересен образ женщины, а также вопросы палеосоциологии, гендера, история костюма.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-601-7106-52-2

© Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2020

Предисловие

В жизни каждого из нас особая роль принадлежит женщине – матери, бабушке, первой учительнице. Мы девять месяцев находимся под сердцем матери, впитываем заботу и любовь бабушек, получаем первые знания благодаря школьному учителю. Также невозможно представить жизнь без доброго совета и душевной поддержки тёти, сестры, подруги... Роль женщины – огромна как бесконечный океан ковыльной степи, волнующийся от легкого дуновения ветерка.

Проходят дни, месяцы, года складываются в века и тысячелетия. Уютный горящий очаг сменился современной плитой. Но всё также матери качают колыбели, рассказывают сказки, заплетают косички дочкам, учат детей премудростям жизни. Нам необходимы тепло маминых рук, звук родного голоса, ободряющая улыбка. В образе матери впервые предстает перед нами Женщина – кудесница, врачевательница, хранительница. Но как этот символ дома, родины складывался, развивался в течение лет?

В данной книге представлены результаты изучения образа женщины и вопросов, связанных с данной темой. Несмотря на то, что работа выполнялась в течение трех лет (2018–2020 гг.), она охватывает гораздо больший интервал времени, связанный с накоплением источниковедческой базы и осмыслением материала.

Творческий коллектив представлен специалистами из различных научных центров страны: Института археологии им. А. Х. Маргулана, Казахской национальной академии искусств им. Т. Жургенова (г. Алматы), Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (г. Нур-Султан), лаборатории археологических исследований Костанайского регионального университета имени А. Байтурсынова (Костанай), Западно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (г. Уральск).

Материал изложен в двух главах. В первой главе разделы хронологически расположены по нисходящей – от современности к эпохе бронзы; во второй – представлен анализ данных по раннему железному веку некоторой части казахских степей.

В первом разделе первой главы, подготовленном *С. А. Шкляевой*, представлены результаты масштабной работы с казахскими ювелирными украшениями. Автор приходит к интересным наблюдениям, привлекая также широкий круг аналогий из памятников археологии Сарыарки, в том числе.

В разделе *Б. М. Хасеновой* отмечается, что гендерные исследования в средневековой археологии Казахстана специально не проводились, однако учеными был накоплен определенный опыт в этом направлении. С целью выяснения изученности этой темы, подготовлен обзор литературы, в рамках которого обращено внимание на основные тенденции в археологии нашей страны при освещении гендерных ролей прошлого.

Раздел, подготовленный *И. В. Шевниной* и *А. В. Логвиным*, подводит некоторый итог анализу материалов известного в Казахстане и далеко за его пределами могильника Бестамак – яркого

памятника, вобравшего в себя историю тысячелетий. Впервые данные раскопок были озвучены в 1992 г. на традиционной конференции археологов «Маргулановские чтения» [Калиева, Колбин, Логвин, 1992].

В главе, посвященной вопросам изучения статуса женщины в эпоху раннего железа, авторский коллектив составляют археологи: *Г. С. Джумабекова, Г. А. Базарбаева, Я. А. Лукпанова и А. М. Сеитов*.

В первом разделе второй главы авторы приходят к выводу о том, что женщина по природе своей связанная с тайной рождения, дарения жизни, подательница жизни, вероятно, представлялась как обладающая особыми знаниями. Образ Великой богини – покровительницы плодородия – существовал в мировоззрении как скифо-сакских племен, так и тюркских народов. В нем акцентировались черты, указывающие на ее материнскую природу.

Во втором разделе второй главы впервые в отечественной науке предметом специального исследования стал анализ женских погребений VI–IV вв. до н.э. из Западного Казахстана. Сделан интересный вывод о том, что ни в одном из проанализированных захоронений не обнаружены предметы вооружения. Социальная роль женщины была разнообразна, в ее функции входили не только хозяйственные работы, но и ритуально-магические действия.

Определенным этапом в изучении гендерного вопроса можно считать исследование материалов погребения № 138 могильника Бестамак, датируемого в пределах конца III–II в. до н.э. (раннесарматская культура). Сделаны выводы о том, что организация сакрального пространства свидетельствует об относительно равном положении женщин по отношению к мужчинам, а также о возможных путях проникновения населения в регион из более восточных или южных территорий.

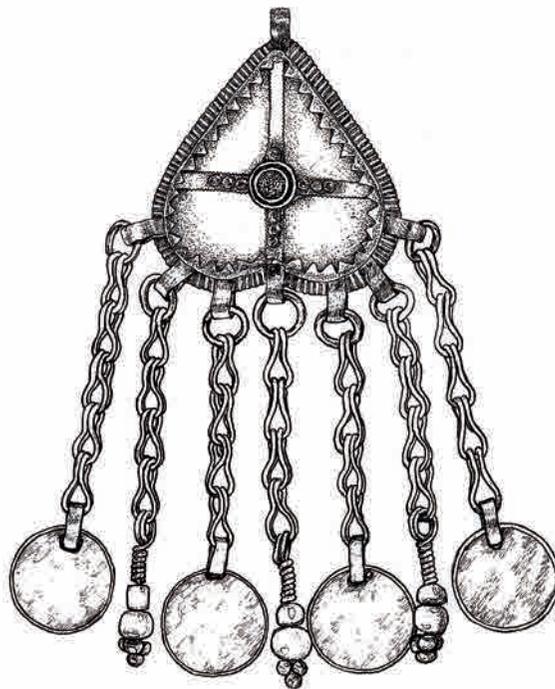
Пользуясь, случаем, приносим искреннюю благодарность *Джанболату Джанабаеву и Айжан Калшора* за профессиональную подготовку иллюстративного материала по казахской этнографии.

Искренне надеемся, что книга будет интересна читателям.

*С уважением,
Галия Базарбаева и Гульнара Джумабекова*

Глава 1

УКРАШЕНИЯ: ИЗЯЩЕСТВО СКВОЗЬ ВЕКА

1. 1 Региональные особенности украшений народной казахской одежды Сарыарки конца XIX – начала XX в.

(коллекции музеев Алматы, Аркалыка и Костаная)

© С. А. Шкляева

Введение

В разделе изложен опыт визуального изучения композиционных особенностей и интерпретации символического смысла нашивных и прикрепляемых украшений одежды и женских праздничных камзолов Северного и Центрального Казахстана конца XIX – начала XX в. по материалам фондовых коллекций музеев Алматы, Аркалыка и Костаная.

Функциональное и стилистическое многообразие музейных украшений одежды позволило систематизировать их в основные типологические группы. В результате исследования удалось выяснить, что образы и технологии выполнения нашивных и прикрепляемых деталей одежды региона представляют, также как и снимаемые украшения, рассмотренные ранее, локальную школу ювелирного дела Северного и Центрального Казахстана. Приёмы построения композиции и семантика образов некоторых украшений восходят к сакральным символам украшений самых древних эпох, прослеживаемых археологами в регионе. Важнейший из них – солярный.

С другой стороны, ислам, ставший официальной религией Центральной Азии, внес свои акценты в формирование многих других сакральных украшений, наблюдаемых в носимой одежде, а именно: финиковых пуговиц, брошей с символами луны и звезды; элементов – сердоликовых вставок, фрагментов арабской каллиграфии как композиционных, так и смысловых компонентов.

В украшениях одежды отразились и социальные изменения начала XX в. – в них встречаются символы действительности начального периода советского времени – серп и молот, интерес к применению в композициях украшений букв, сходных по начертанию в текстах плакатной графики.

Анализ праздничных камзолов, сохранивших традиционное расположение нашивных и прикрепляемых украшений, позволил сделать некоторые выводы: значимые украшения на женском камзоле помещались в верхней части левой полы, что в понимании телесности как знаковой системы соотносится с расположением сердца как центрального духовного символа.

Среди украшений отмечены апотропейные символы, выполнявшие роль сакральных в прошлых эпохах истории Сарыарки, и сакральные исламские. Особая роль в декоре праздничных камзолов принадлежит серебряным монетам, воспринимающимся как архетип круга или солярный символ и реальный знак множественности достатка. Обозначена народная цветосимволика тканей и роль окантовки камзолов, в некоторых случаях – константная символика количества нашивных украшений.

Таким образом, рассмотренные нашивные и прикрепляемые украшения как визуальные символы в региональной одежде и знаковые особенности праздничных женских камзолов представляют определённую этносемиотическую систему, репрезентирующую исторические духовные ценности и, в какой-то мере, социальные изменения, наблюдаемые в обществе.

Предлагаемый раздел – это вторая часть исследования многочисленных украшений региона конца XIX – начала XX в. Первая часть работы была посвящена анализу снимаемых женских украшений, рассмотренных в разделе опубликованной коллективной монографии [Шкляева, 2017, с. 12–49]. В разделе обозначены результаты визуального изучения нашивных и прикрепляемых ювелирных украшений казахских народных женских камзолов Центрального и Северного Казахстана по материалам фондовых коллекций конца XIX – начала XX в. Государственного музея искусств Республики Казахстан им. А. Кастеева, Областного музея истории степного края в г. Аркалык, Костанайского областного историко-краеведческого музея и, отчасти, Центрального государственного музея РК.

Моя глубокая и искренняя благодарность за помощь над работой директору ГМИ РК им. А. Кастеева Г. К. Шалабаевой, главному хранителю Г. Б. Молдашевой; директору Областного музея истории степного края в г. Аркалыке А. А. Касенову, главному хранителю А. С. Уткельбаевой; директору Костанайского областного историко-краеведческого музея У. Б. Акимбаевой, главному хранителю И. Е. Тыштыкпаевой.

Теоретико-методологическое обоснование исследования

В украшениях, используемых для традиционной народной одежды, отметим естественное присутствие ювелирных традиций, сложившихся в творчестве сарыаркинских мастеров того времени при изготовлении снимаемых украшений. Поэтому в исследовании использовались те же методы искусствоведческого изучения материала, что и в первой части работы: визуальный (феноменологический аспект), формально-типологической систематизации, сравнительно-сопоставительный, семиотический, стилистический и, в какой-то мере, технологический. В одних случаях в исследовании прослежен генезис, в других – исток существования того или иного вида и типа или группы рассматриваемых изделий. Количественный анализ, предполагающий рассмотрение ряда подобных украшений, показывает характерные признаки сравниваемых украшений и позволяет уточнять атрибуцию украшений. Сравнительно-сопоставительный метод и семиотический анализ предоставили возможность увидеть знаки и символы, распространенные в ювелирном творчестве, в историческом ракурсе.

Современная методологическая парадигма исследовательских визуальных подходов (феноменологический аспект), актуализированных в конце XX в., позволяет выявить понимание того, что реципиент чаще всего видит только то, что представлено. Это помогает осознать исследовательские проблемы, связанные с постижением «глубины сокрытия смысла и стратегии его реконструкции», с одной стороны, а, с другой, определением «...“типа понимания и степени неавязчивости”, которой обладает смысл» [Реутов, 2018, с. 26].

Отметим, что выделенные в исследованиях теоретические аспекты изучения феномена визуального отличаются друг от друга. Например, «интерпретативный» (У. Митчелл, С. Холл, Н. Мирзоев), согласно которому образ понимается как “культурная репрезентация”, опосредованная социальными и идеологическими практиками, и “нерепрезентативный” (Н. Трифт, К. Мокси, Г. Бальтинг), рассматривающий способности визуального образа не только активно вмешиваться в повседневный опыт и конструировать его, но и жить автономно» [Дроздова, 2015, с. 254].

У К. Мокси объекты визуального «обладают экзистенциальным статусом, способны действовать, наделены собственной жизнью», и они «...служат монументами коллективной памяти, индексами культурных ценностей...» [Круткин, 2011].

Эти краткие определения изучения визуального, безусловно, затрагивают и исследуемые образы казахского ювелирного дела конца XIX – начала XX в.

Отдельные исторические примеры ювелирного дела как артефакты народной традиционной культуры все чаще становятся темой для выполнения арт-объектов в городской среде Казахстана, вызывая неподдельный интерес у населения. Только один из ярких примеров в нашей действительности – иллюминированный арт-объект «Түйме/Пуговица», недавно (осень 2019 г.) установленный на пересечении проспекта Сейфуллина и улицы Шолохова в г. Алматы.

Другой убедительный пример пристального внимания к народному наследию, его интерпретации, вызвавших интерес исследователей, мастеров, любителей украшений и в стране, и за рубежом, это ювелирное творчество современных художников Северного и Центрального Казахстана – Сержана Баширова (Нур-Султан) и Ильи Казакова (Караганды). Доминирующая тенденция творчества художников – это внимание к знаковой символике народных ценностей, сложившихся в течение тысячелетий и отраженных в особенностях «языка» современной ювелирной практики.

И ещё одна цитата из статьи В. Л. Круткина, которая невероятно точно определяет степень важности обращения к материалам исследования: «К. Мокси упоминает работы А. Аппадурраи о “социальной жизни вещей”, о способности объектов незаметно входить и выходить из различных ролей, наделяться и лишаться каких-то преимуществ, когда преобразуется их культурный статус и значимость в ходе времени...» [Круткин, 2011].

Наше исследование начнем с *түймелер* – пуговиц, элемента одежды непростого и интересного в развитии своей истории.

Түймелер – пуговицы. К истории пуговиц Сарыарки

Важный декоративный и конструктивный элемент мужского и женского костюма – пуговица – имеет свою давнюю историю: функция крепления деталей одежды разными способами прослеживается с самых ранних периодов истории человечества. Широко известны предположения исследователей о функциональных способах соединения различных частей одежды – продевания тканей в прорехи, скрепления при помощи костяных, роговых, металлических изделий и т. д.

Благодаря известным опубликованным археологическим и этнографическим материалам, можно попытаться проследить этапы становления применения пуговиц, их формы и технологию выполнения в одежде племен ранней истории Сарыарки, средневековья и времени развития традиционной казахской культуры. Подобранные для публикации примеры не многочисленны и, конечно, не ограничиваются именно этим количеством изделий.

К бегазы-дандыбаевской культуре эпохи бронзы относятся материалы исследования В. Варфоломеева, В. Ломана, В. Евдокимова, изучавших артефакты города Кент XIV–X вв. до н.э., расположенного на территории Центрального Казахстана.

Кент, по мнению авторов, «самый древний город Казахстана, который начал формироваться во второй половине II тыс. до н.э.» [Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 78], был населён умелыми мастерами. Они изготавливали, в том числе, интересующие нас пуговицы, костяные и роговые, которые, как считают исследователи, могут быть отнесены «к изделиям типа бляшек <...>» [Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 79, фото 8–15; с. 48, рис. 112: 3, 7, 12, 15]. По описаниям ученых, костяные и роговые отшлифованные и отполированные пуговицы круглой формы диаметром 20–35 мм «...имеют выпуклую лицевую и плоскую внутреннюю поверхность».

Археологи предполагают, что скрытое ушко на тыльной стороне пуговицы крепилось к ткани узким ремешком. Пуговицы были, видимо, разных технологических и композиционных решений. «Одна пуговица имеет в центре прямоугольное отверстие, перпендикулярно перекрытое овальным углублением; вероятно, она крепилась с помощью ремешка и костяного фиксатора», – замечают они [Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 48]. Можно предположить, что пуговицы, как и некоторые другие украшения, имели значение солярного знака. Исследователи описывают резной, заполненный черной пастой, пуговичный декор «в виде множества двойных лучей, обрамленных окружностью» [Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 48; рис. 112, 3, 7; с. 60].

В географии археологических находок можно отметить пуговицы из соседних областей Сарыарки.

Хорошо сохранились золотые украшения эпохи железа Западного Казахстана. В золотой серьге с цепочкой из кургана 9 могильника Бесоба (VI–V вв. до н.э.) завершающая нижняя деталь в форме золотого шарика спаяна из двух половинок и имеет петлю-ножку [Онгарулы, 2018, с. 125, рис. 27]. Ей подобно золотое украшение, покрытое зернью из кургана 3 могильника Сынтас (VI–V вв. до н.э.) и элементы золотых подвесок курганов Есен-Амантау (VI в. до н.э.) [Онгарулы, 2018, с. 125, рис. 28; с. 114, рис. 10]. Эти детали украшений визуальны сопоставимы с пуговицами донационального, традиционного и современного времени.

А. Т. Толеубаев пуговицей называет известную бляшку из Восточного Казахстана – «пятиконечную звезду» из кургана Байгетобе могильника Шиликты–3 [Толеубаев, 2018, с. 197, рис. 7] с золотой петелькой на обороте (последняя четверть VIII в. до н.э.).

Скорее всего, найденные технологические приемы выполнения подвески или пуговицы на ножке были универсальными и применялись как элементы декора и соединения компонентов ювелирных изделий, так и для сшивания с тканью как декоративного элемента. Но застёгивались ли на пуговицы разные части одежды?

Полусферическая костяная пуговица с трехсторонним изображением морды тигра, трактованной в скифо-сибирском зверином стиле, упоминается в статье Т. Н. Смагулова, Г. Ю. Пересветова, Т. К. Айлыбаева, проводивших охранные раскопки и исследования могильника у посёлка Кызылтан (Качирский р-н, Павлодарская обл.). Плоская обратная сторона пуговицы имеет перемычку-петельку, образованную выбранной под ней ложбинкой части кости. находка предварительно датируется авторами сообщения концом I тыс. до н.э. (IV–II вв. до н.э.) [Смагулов, Пересветов, Айлыбаев, 2014, с. 227; рис. 2, 18].

Избранный образ тигра в сакском искусстве не раз упоминался исследователями: он, по А. К. Акишеву, имел космогонический и солярный характер, был связан с культом огня и обладал функцией оберега [1984, с. 47, 48]. Исследователь из Кореи Сонлан Ли предполагает, что «...тигр или барс считались стерегущими небо животными» [Ли, 2018, с. 471].

В подобной стилистической манере и технологии выполнены деревянные полусферические пуговицы с вырезанным рельефом, изображающим «скрученные целые фигуры горного барана». Они найдены в кургане 10 могильника Берел и определены З. Самашевым как «элемент одежды» [Самашев, 2012, с. 203].

По мнению исследователей, пуговицы с петельками эпохи скифов не всегда соотносятся с функцией своего прямого назначения. Например, П. И. Шульга, занимавшийся раскопками в Горном Алтае, классифицирует бляхи и пуговицы с петельками на оборотной стороне, выделяя их в четыре группы. Перечислим их по статье автора: «1) колчаные застёжки (рис. 1, 1–6); 2) пуговицевидные застёжки для крепления ножен к портупейному ремню (рис. 1, 9–17); 3) поясные (?) пуговицевидные бляшки (рис. 1, 18–21); 4) пуговицы поясной фурнитуры (рис. 1, 22–25)» [Шульга, 2008, с. 116–119].

Для нас важно его замечание: «Между тем эти полифункциональные изделия иногда включались в фурнитуру ножен, могли использоваться в одежде» [Шульга, 2008, с. 119].

Овальные золотые (?) пуговицы с кабошоном сердолика (?) в глухом касте с пояском зерни на плоском щитке, обрамленном зернью, встретились в альбоме К. А. и А. К. Акишевых [Акишевы, 1983, с. 193] и книге А. Х. Маргулана [1986, с. 65]. Пуговицы – случайная находка у озера Боровое, они датированы III–V вв. и хранятся в Государственном Эрмитаже.

Подвески в виде бусины, которые могли быть и застежками, «выявлены в памятниках некоторых культур евразийских кочевников, относящихся к раннему и развитому Средневековью» [Худяков, Борисенко, Кечиева, 2017, с. 74].

Примеры археологических находок пуговиц или их фрагментов XI–XIV веков упомянуты в исследованиях по средневековью Сарыарки [Хасенова, 2017, с. 71, рис. 20, 1; с. 78, рис. 27, 2]. По этим материалам, чаще всего, бронзовые пуговицы имеют округлую либо шаровидную форму с петлей. Изготавливались они из двух полых полусфер. Такие пуговицы можно сравнить с находками в одном из курганов Гнёздова (110384, оп. 2762/15–22) и Белогостицкого клада XI в. (Ярославская обл.) [Авдусина, 2016, с. 486, рис. 420] или древнерусскими пуговицами – «гирьками» (около X в.) [Серова, 2011, с. 32, рис. 2].

Археологические находки объёмных металлических пуговиц с пластинчатыми ушками связаны с изучением золотоордынской культуры. Первой половиной XIV в. датируются золотые штампованные бипирамидальные пуговицы с 12-ю гранями, спаянные из двух половинок и украшенные гравировкой и чернью (99264/2013 № 89–93); золотые эллипсоидные пуговицы с ребристой поверхностью, декорированные гравировкой, чернью, круглой бирюзой на вершине (99264/2013 № 94–98) и серебряные пуговицы с пирамидками зерни, выделенными гладкой проволокой (99264/2013 № 241, 242). Они найдены в кладе близ Симферополя [Сокровища Золотой Орды, 2000, с. 130; 320, рис. 498–502, 503–507; с. 321, рис. 508–509] и хранятся в ГИМ (г. Москва). К XIV в. относятся золотые пустотелые, яйцевидные, ажурные пуговицы из Золотой Орды (Крым), выполненные выколоткой, чеканкой и дополненные чернью и бирюзой [Сокровища Золотой Орды, 2000, с. 240, рис. 95–106].

Как долго бытовали роскошные пуговицы показывают коллекции многочисленных русских серебряных и золотых сканых, покрытых сплошь зернью, рельефных или гладких пуговиц, украшенных эмалью, драгоценными камнями, датированных XVI–XVII вв., хранящихся в ГИМ [Постникова-Лосева, 1981, с. 51–53, ил. 106, 107] или XVIII в. – в РЭМ [Jewellery, 1988, с. 28]. Некоторые образцы пуговиц XVII–XVIII вв. были представлены в МНИ (ныне Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства, РФ) [Уткин, 1970, с. 78, рис. 25].

Обращаясь к пуговицам Сарыарки конца XIX – начала XX в., сохранившимся в собрании ГМИ РК им. А. Кастеева, Областного музея истории степного края в г. Аркалыке и Костанайского областного историко-краеведческого музея, отметим, что они отражают разнообразие композиционных и технологических приемов работы народных мастеров-ювелиров. Одновременно функциональное и декоративное украшение традиционной народной одежды, пуговица ещё и элемент, сохранивший семантический пласт народных представлений, в том числе, сакральных.

Пользуясь количественным методом анализа, выделим типологические группы хранящихся пуговиц в ГМИ РК им. А. Кастеева. К самой распространенной группе отнесём пуговицы бусины на «ножках», характерные для Северного, Центрального, Восточного и Южного Казахстана. Они имеют довольно простую форму – круглая или граненая бусина с просверленным сквозным отверстием нанизана на проволоку, нижний конец которой создает высокую или невысокую ножку с округлой петлей и закрепляется плотными витками проволоки до основания укрывной бляшки или другого декоративного элемента. Другой конец проволоки заканчивается навершием, состоящим

из шариков зерни либо других элементов. Часто бусину сверху и снизу обрамляют чашечки с фестончатыми краями, украшенными штампованной зернью и гравированными штрихами (1684-юв, 1717-юв, Кустанайская обл. *, XX в.; 1699-юв, Северный Казахстан, XX в. и др.) (рис. 1). Бусина иногда охватывается пластинчатыми металлическими полосами, скрепляющими её с четырёх сторон по форме (1738-юв, Северный Казахстан, XX в.).

Рис. 1. Моншақ түйме/пуговица-бусина. XX в. Павлодарская обл. Металл белого цвета. Стекло. Спиральная навивка, штамп. 2,6×1,4. 1743-юв. ГМИ РК им. А. Кастеева

Технологическая традиция закрепления сверлёного камня или другого материала плотно уложенными витками проволоки была известна уже в эпоху железа [Шкляева, 2016, с. 559]. Материал таких пуговиц довольно разнообразен: сердолик, смальта, коралл, стекло, халцедон, дерево и др.

Выбор формы бусин мастерами не был случаен: почитание бусин как оберегов [Борозна, 1975, с. 289] и овеществленных носителей будущего семейного благополучия [Львова и др., 1988, с. 174] описано в археологических и этнографических исследованиях.

Среди этой группы пуговиц встретилось интересное изделие из Тургайской области. Её головка собрана из трёх пар бусинок перламутра (1682-юв, Тургайская обл., XX в.). Символика перламутра, по народным поверьям, связана с мощной обережной силой от глаза. Каждая пара бусинок посажена на отдельную проволоку, верхний конец которой согнут в виде петли. Петли собраны вместе при помощи сомкнутого кольца, а нижнюю часть проволоки мастер согнул в петлю. Соединяются три проволоки вместе при помощи плотной навивки спирали отдельной проволокой, концы которой видны у основания «ножки» пуговицы.

К особой, сакральной, группе пуговиц с подобным креплением можно отнести пуговицы с косточками фиников (хурмы), заключенных в системе горизонтальных и вертикальных круглых проволочных ограждений, соединенных плотно уложенными витками проволоки. Круглая проволока в некоторых образцах пуговиц заменяется прокатанной в вальцах лентой с выпуклыми по краям полосами либо другими декоративными рельефами. Рассмотрим коллекцию этих пуговиц, хранящихся в ГМИ РК им. А. Кастеева (1685-юв, 1700-юв, 1703-юв, 1705 а, б-юв, Северный Казахстан, XX в.; 1686-юв, Кустанайская обл., XX в.) (рис. 2).

Мы полагаем, что обычай носить такие пуговицы возник в те времена, когда почитаемый в Казахстане и Средней Азии Арслан Баба, по преданиям учитель Ходжи Ахмада Ясави, передал финиковую косточку (хурмы) как предмет силы и сохранения доверенного – аманат – семилетнему Ясави, ставшему впоследствии основателем и главой суфийского ордена и известным философом средневековья. Визуально внешний вид косточки финика явно не совпадает с образом использованной в пуговицах косточки хурмы, но этимология слова финик в wikipedia объясняется так: «В русский язык слово “хурма” попало из фарси, где в оригинале звучит как خرمالو *khormâlu* – то есть финиковая слива. Само слово خرما *khormâ* означает

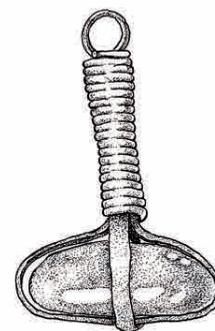

Рис. 2. Түйме/пуговица. XX в. Северный Казахстан. Металл белого цвета. Косточка финика. Спиральная навивка, штамп. 3,2×1,9. 1700-юв. ГМИ РК им. А. Кастеева

* Здесь и далее названия областей даны на момент формирования коллекции. В настоящее время название области – Костанайская. Жезгазганской, Кокчетавской и Тургайской областей нет, поскольку они расформированы и переименованы. Последнее касается Кокчетавской/Кокшетауской, которая в настоящее время Акмолинская. Размеры предметов даны в сантиметрах. Прим. ред.

финик, слово *ألو âlu* – слива. Название *khormâlu* первоначально относилось к хурме кавказской. Вяленая хурма по вкусу очень напоминает финики, отсюда и произошло название хурмы кавказской на фарси. Затем это название распространилось на другие виды хурмы, в том числе, и на восточную (японскую). Виды со съедобными плодами могут называть: “дикий финик”, “финиковая слива» [Хурма, Интернет-ресурс].

Такие пуговицы напоминают ещё и смысл многих исламских представлений о плодах в аятах, например: «Аллах возвращает для вас злаки, маслины, финики, виноград и всякого рода плоды. Воистину, во всем этом – знамение для людей, способных размышлять!» [Сура 16, аят 11].

Но есть и другое исследовательское мнение. Например, Ш. Ж. Тохтабаева считает, что такие пуговицы заказывали паломники, побывав в хадже в Мекке [2005, с. 243], что, конечно, вполне может быть.

Продолжая рассматривать пуговицы из собрания ГМИ РК им. А. Кастеева, отметим, что в нем хранится коллекция объёмных металлических пуговиц разных форм: шарообразных (1756-юв, XX в., 1768-юв, конец XIX в., Центральный Казахстан; 1760-ю в, конец XIX в., 1754-юв, начало XX в., Кустанайская обл.), чечевицеобразных (1801 а, б, в-юв, Павлодарская обл., начало XX в.), эллипсоидных (1753, Кустанайская обл., начало XX в.). Подобные пуговицы встретились в фондах Костанайского областного историко-краеведческого музея.

Изготовленные *зергерами* пуговицы из двух штампованных половинок, лицевая часть которых нередко украшена чеканными орнаментальными мотивами (18759, Костанайский музей) или гравировкой с чернью, отличаются гладкими или разнообразными декорированными поясками, закрывающими следы пайки половинок и соединяющими детали в единое целое украшение.

Рубежом XIX–XX в. датируются эллипсоидные пустотелые ажурные пуговицы из ГМИ РК им. А. Кастеева, набранные при помощи согнутых по рисунку полосок металла (1796-юв, Павлодарская обл., конец XIX в.) или штампованных деталей, иногда с гравировкой (1753-юв, Кустанайская обл., начало XX в.) (рис. 3). Интересно и разнообразное решение крепления круглых либо плоских ушек пуговиц. Они могут быть припаяны к вершине пуговицы либо входить в её тело через отверстие и закрепляться при помощи отогнутых концов-усиков.

Рис. 3. Түйме/ пуговица. XX в. Кустанайская обл. Металл белого цвета. Штамп, гравировка. 4,1×2,1. 1753-юв. ГМИ РК им. А. Кастеева

Рис. 4. Түйме/ пуговица. XX в. Центральный Казахстан. Металл белого цвета. Гравировка, чернь. 1,7×1,7. 1773-юв. ГМИ РК им. А. Кастеева

Декоративная и функциональная особенность пуговиц использовалась в съёмных украшениях: в альбоме акварелей В. Н. Плотникова (1859–1861), хранящегося в РЭМ (8762-23617), встречается изображение *тік жаға* с металлическими пуговицами яйцевидной формы из Западного Казахстана [Попова, 2019, с. 124].

В коллекциях пуговиц из фондов казахстанских музеев выделяются дисковидные выпуклые пуговицы с чернением начала XX в. из Целиноградской, Павлодарской, Кустанайской и Карагандинской областей. Выполненные в характерной для казахских украшений технологии чернения, отличающегося синеватым цветом, они подчас повторяют изображения очень древних астральных и солярных символов. Например, наивную геометрию шестиугольной звезды эпохи бронзы видим на пуговице из музея Костаная (1875 717) или крутящийся вихрь четырёх вогнутых лучей свастики эпохи железа изображён на пуговице из хранения ГМИ РК им. А. Кастеева (1773-юв, Центральный Казахстан) (рис. 4).

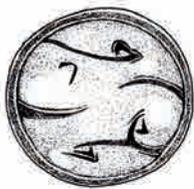

Рис. 5. Түйме/
пуговица. XX в.
Центральный
Казахстан. Металл
белого цвета.
Гравировка, чернь.
2×2. 1774-юв.
ГМИ РК
им. А. Кастеева

Фрагменты параллельных строчных знаков, скорее всего, букв почерка насх басмалы (?) – фразы «Бисмиллахи-р-рахмани-р рахим» «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного» – на пуговице из ГМИ им. А. Кастеева (1774-юв, Центральный Казахстан) свидетельствует о прикладном использовании каллиграфии как самого изысканного направления искусства ислама (рис. 5), часто отмечаемого в ювелирных изделиях Ближнего Востока [Шалимова, 2012].

Другая группа выпуклых черненных пуговиц, видимо, более поздняя по времени изготовления, на поверхности украшена подвижными растительными завитками с крупными пятнами-завитушками, свободно располагающимися в виде диагональной буквы S в круглом поле украшения (рис. 6). Они хранятся и в ГМИ РК им. А. Кастеева (1795-юв, 1794-юв, Павлодарская обл., XX в; 1776-юв, Карагандинская обл., нач. XX в. и др.), и в фондах Костанайского областного историко-краеведческого музея (18757/1, 2 и др.).

Қапсырмалар – парные застёжки

Рис. 6. Түйме/
пуговица. XX в.
Северный
Казахстан. Металл
белого цвета.
Гравировка, чернь.
2×2. 18757/2.
КОИКМ

Рассмотрим другой важный декоративный и функциональный вид нашивных украшений казахской одежды – *қапсырма* – парные застёжки, разнообразие сюжетов, композиций, форм, материалов и технологий которых в собраниях ГМИ РК им. А. Кастеева, Областного музея истории степного края в г. Аркалыке и Костанайского областного историко-краеведческого музея поражает исследовательское внимание. Собранные музеями коллекции *қапсырма* позволяют выделить несколько важных типологических групп с сюжетными идеями и композиционными построениями, характерными для ювелирного дела Сарыарки и, отчасти, прилегающих к ней областей.

Предлагаемые нами обозначения типов в систематизации *қапсырма* основаны на разнообразии форм, композиционных решений, технологических способов выполнения (литьё, штамп, сборка) и применения материалов. В выделенных группах украшений мы отмечаем приёмы выполнения декора избранных форм (гравировка, чеканка, чернение). В коллекциях музеев есть единичные уникальные экземпляры парных застёжек, рассмотрение которых представляет несомненную важность в исследовании.

История развития застёжек-крючков, складывающаяся по мере изучения археологических и этнографических артефактов исследователями, пока похожа «на большую разбитую мозаику», по словам В. М. Прокопенко, рассмотревшего на значительном материале типы функциональных украшений одежды в разных странах Востока и Восточной Европы. В его исследованиях приводятся примеры и анализ застёжек Китая, Монголии, Центральной Азии, Древней Греции, Ирана, Османской Империи, Балкан, Причерноморья, Российской империи и Европы [Прокопенко, 2013; 2015].

Автор интереснейшей темы исследования этого элемента костюма, военных доспехов, аксессуаров одежды считает, что конструкция крючка влияет на классификацию групп застёжек, изучение их истории. Он предполагает, что «возникновение парных застёжек с горизонтальным крючком связано с иранским (парфянским) кругом древностей. Так, в курганах Тилля-тепе (Афганистан) (I в.) был найден один из самых ранних предметов этого типа (рис. 5, 1, а), а несколько позже (в II–IV в.) они появляются и на Кавказе — в Грузии (рис. 5, 1, б, в)» [Прокопенко, 2015].

Разнообразные парные горизонтальные застёжки из курганов Казахстанского Прииртышья, Семипалатинска с образами летящих птиц и орнаментальных вариаций имеют замок и крючок-

ключ. Ключ с наклоном входит в отверстие замка и при выпрямлении «запирает» застежку. Такой тип застежки характерен для памятников рубежа IX–X в. Восточного Казахстана и Сибири и, по мнению исследователей, мог использоваться для верхней одежды [Арсланова, 2013, с. 114, рис. 1, 2; Прокопенко, 2013, рис. 3, 11, 12].

В Китае, при монгольской династии Юань (1271–1368), появляются парные застежки, в которых одна часть выполнялась со штырьком-пуговицей (ключ), а вторая (замок) в виде диска с прорезью, куда входил ключ [Прокопенко, 2013, рис. 1, 10]. Технология крепления парных застежек Китая династии Мин [Прокопенко, 2013, рис. 1, 13] поразительно похожа на крепление золотоордынских серебряных чеканных застежек XIV в. (ЧМ-1029, ЧМ-1030), приведенных в каталоге выставки Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург) [Сокровища Золотой Орды, 2000, с. 287, рис. 302, 303]. Дисквидный ключ входит в трапециевидную прорезь – застежка замкнута. У В. М. Прокопенко этот период упоминается как время широко используемых застежек для одежды, что подтверждается находками текстиля и изобразительными памятниками [Прокопенко, 2013, рис. 1, 14, 15]. Застежки-крючки упоминает М. В. Горелик, анализируя мужской костюм средневековья «на одной из среднеазиатских миниатюр XVI в.» [1979, с. 52].

В ГИМ хранится серебряная сердцевидная бляшка с крючком и петлей в центре, с отверстиями для пришивания по периметру застежек (вторая половина XVIII в.). Пышные, прочеканенные рельефом, акантовые листья обрамляют барочные орнаментальные мотивы – изображения птицы, корзины с цветами. В русском костюме барокко пряжки поясов и застежки кафтанов выполнялись не только из серебра, но и других металлов [Уткин, 1970, с. 100–101, рис. 30].

В XIX–XX вв. появляется декоративный щиток, закрывающий функциональный крючок с петлей застежки [Прокопенко, 2015].

Но, возвращаясь к нашим музейным нашивным парным застежкам и обращая внимание на формы и элементы композиционных построений *қапсырма*, заметим, что некоторые из них имеют довольно древние истоки и сравнимы с известными археологическими артефактами. Так, например, сложный в решении декор *қапсырма* из ГМИ РК им. А. Кастеева (1001-юв, XX в., Тургайская обл.; 1096-юв, XX в., Северный Казахстан; 1115-юв, 1116-юв, 368-сб, Центральный Казахстан, XX в.); из Областного музея истории степного края в г. Аркалыке (3822, 3823, 4332, XX в.?), Костанайского областного историко-краеведческого музея (292) напоминает орнаментацию бронзовых блях эпохи бронзы (рис. 7).

Что объединяет эти композиции, визуально сопоставляемые с древними и традиционными художественными навыками работы? Рассматривая бляшки из Джангельды 5, п. 41 (Мендыкаринский р-н, Костанайская обл.)*, которые Э. Р. Усманова описывает как детали украшения челюстно-лицевой подвески [2010, с. 43, рис. 73], отметим, что это, прежде всего, ритмический контраст

Рис. 7. *Қапсырма/парная застежка. XX в. Северный Казахстан. Металл белого цвета. Стекло, кораллы. Штамп. 11,4×5,1. 3823. Областной музей истории степного края в г. Аркалыке*

*Памятник исследовался археологической экспедицией под руководством В. Н. Логвина [Калиева, Колбина, Логвин В.Н., 2016]. Прим. ред.

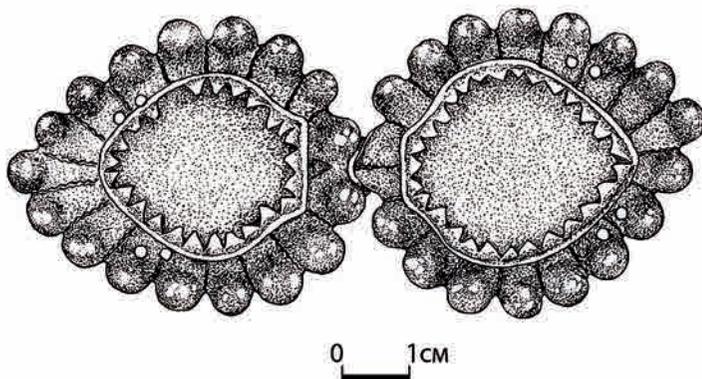

Рис. 8. Қапсырма/парная застежка. XX в. Северный Казахстан. Металл белого цвета. Смальта. Штамп, гравировка. 10,6×4,3. 1004-юв. ГМИ РК им. А. Кастеева

Другая довольно большая группа *қапсырма*, завершенных выпуклыми полусферами по краю украшения, на наш взгляд, также имеет исторический прототип, относящийся к эпохе бронзы. Можно вспомнить найденные при археологических раскопках в разных областях Казахстана круглые бляшки с бордюром, состоящим из полусфер [Усманова, 2010, с. 63, рис. 102, 7, 8]. Использование пуансонных полусфер как элементов ритмичного опоясывающего бордюра встречается на *қапсырма* разных форм из ГМИ РК им. А. Кастеева – круглых (963-юв, 965-юв, *Кустанайская обл., XX в.*; 1009-юв, 1175-юв, *Северный Казахстан, XX в.*; 1025-юв, *Карагандинская обл., XX в.*); изящных листовидных (1004-юв, 1005-юв, 1136-юв, *Северный Казахстан, XX в.*) (рис. 8). В некоторых из них отметим лучевидные гравированные зигзагом линии, протянутые к центру, – смальте с исламской надписью в оправе (1004-юв, 1005-юв, *Северный Казахстан, XX в.*). Вновь мы видим стремление мастера увидеть и изобразить солярный знак доступными способами.

На застёжке из фондов Областного музея истории степного края в г. Аркалыке центр левой бляшки отмечен круглой плоской вставкой из смальты, заключенной в зубчатую оправу, оформленную чеканными окружностями (4329).

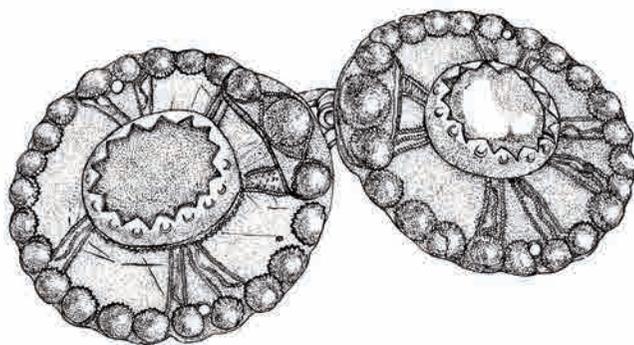

Рис. 9. Қапсырма/парная застежка. Начало XX в. Северный Казахстан. Серебро. Смальта, стекло. Штамп, гравировка. 9,0×4,5. 4329. Областной музей истории степного края в г. Аркалыке

между доминирующими вертикалями коротких линий, расположенных по окружности, и круговыми валикообразными рельефами. Он и создает уникальные примеры подобию, несмотря на то, что многие круглые застёжки *қапсырма* решены более разнообразно в пластическом выражении (сердоловковые вставки в высоких кастах, полусферы, подвески и т. д.). *Қапсырма* из ГМИ РК им. А. Кастеева (1001-юв, *Тургайская обл., XX в.*) оформлена ещё и подвесками с пуансонным изображением солярного знака – выпуклой полусферы, окруженной лучами, нанесенными в виде небольших полусфер.

Правую половину парной застёжки украшает стеклянный кабошон. Двойные линии лучей, обрамляющие зигзаги и отходящие от высоких кастов украшения, опять-таки напоминают о присутствии изображения солярных знаков, характерных для украшений Сарыарки. Солярный мотив, центром которого стало цветное пятно вставки, не один раз повторяется и в парных застёжках, и в других украшениях Сарыарки (рис. 9).

Безусловно, встречаемые изображения солярных знаков в украшениях Северного и Центрального Казахстана, это не только визуальные отражения видимого нам Солнца. Во всех религиях, существовавших

на протяжении долгой истории Казахстана, есть образы знаковых обозначений высших реальностей, например, Митра в зороастризме [Дюмезиль, 1986, с. 88], Тенгри в тенгрианстве [Бисенбаев, 2008, с. 13], Аллах в исламе [сура Аль-Анбия, 33] и т. д., чьими сакральными символами было Солнце.

В этом отношении любопытна зооорнитоморфная *қапсырма* из коллекции ГМИ РК им. А. Кастеева (951-юв, Тургайская обл., XX в.), половинки которой имеют необычную изобразительную трактовку. Скорее всего, это стилизованное рельефное изображение грифоподобного синкретического существа, которое узнаётся по характерной линии крупного обобщенного клювообразного объёма и загнутого назад уха (рис. 10). Образ грифона в казахских украшениях упоминался исследователями ювелирного дела Казахстана – А. Х. Маргуланом [1986, с. 42], Ш. Ж. Тохтабаевой [2005, с. 111] и Н. Ф. Нурфеизовой [Ювелирное искусство Казахстана, 2008, с. 205]. Парная застежка настолько интересна для интерпретации, что опишем её подробно.

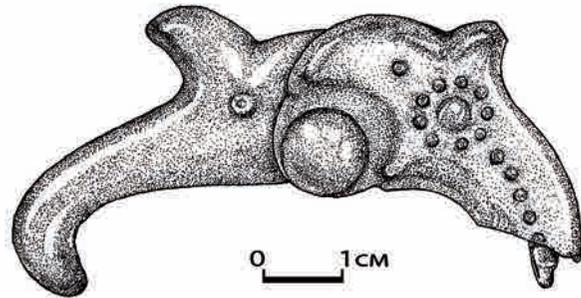

Рис. 10. *Қапсырма/парная застёжка. XX в. Тургайская обл. Металл белого цвета. Штамп. 3,8×2; 3,3×2,1. 951-юв. ГМИ РК им. А. Кастеева*

Форма и декор правой верхней части (по отношению к зрителю) штампованной застёжки, не сохранившейся полностью, в деталях не повторяется в левой половине. Прочеканенный на ней шарик зерни воспринимается как изображение глаза, открытая пасть грифона расположена на плоском фестоне, завершённом куполком полусферы и сохранившем узкий ободок обля металла. Рельеф, вытянутый штампом и слегка заovalенный по краям туловища фантастического существа, декорирован: на уровне уха и нижней части пасти расположена полусфера, выделенная как центр окружающими её девятью штампованными шариками зерни. Находясь на линии расположения глаза, куполка полусферы, вдоль туловища тянутся длинным рядом шарики псевдозерни. Нижняя часть клюва грифона одновременно воспринимается стилизованной конечностью фантастического существа.

Левая часть застёжки асимметрична по отношению к правой и не имеет декора. Большой глаз, выполненный пуансонной чеканкой, находится между ухом и клювом, прикрытым куполком на фестоне правой части, а хвостобразное завершение, похожее на запяную с изогнутым концом, повторяет очертание уха, но уже в повороте на 180°. Вместе они образуют S-образную линию.

Образ грифоподобного существа, чья иконография в скифо-сакском искусстве довольно разнообразна и унаследована в древнетюркском искусстве, встречается как особенный реликт народной памяти в эпоху традиционной культуры рубежа Нового и Новейшего времени. Можно отметить своеобразную стилизацию, превращающую полиморфное изображение в декоративный мотив, характерный для древнетюркского времени. Как превращался скифо-сакский мотив грифона в тюркский элемент орнамента, видно на примере артефакта из Восточного Казахстана – костяных накладок из Новошувльбинского района [Самашев, Ермолаева, Куц, 2007, с. 106].

Мотив сюжета парной застёжки, как мы полагаем, более всего соотносится с образом орлиноголового грифона алтайского типа из Второго Пазырыкского кургана с головкой оленя в открытом клюве. Олень в скифо-сакской мифологии, как известно, символически отождествляется с солнцем. Вытянутый штампом куполком полусферы в нижней части застёжки также воспринимается как солярный знак в клюве грифона *қапсырма*. Но в пространственной характеристике скифо-сакского

мира грифоны семантически обозначали и верх, и низ. На солнечную природу изображенного синкретического существа, видимо, указывает куполок полусферы и описанный выше солярный знак на его туловище, действующий по принципу «магического сопричастия».

Могло ли сохраниться его глубинное мифологическое значение как синкретического существа, олицетворяющего не только нижний мир, но и верхний в народном искусстве, отражающем культурную и историческую память народа? Л. Л. Баркова пишет, что уже в I тыс. до н.э. «Адаптируя в свое искусство изображение грифона, скифы и сарматы вполне могли усваивать не мифологическое содержание, а символическое. Символизм же мог ужиться с остатками магических представлений, с парциальной магией, хотя символ уже не был мифологией» [Баркова, 1987, с. 24].

Интересно сравнить левую S-видную часть рассматриваемой *қапсырма* с берелским деревянным псалием, завершенным головами грифонов (*курган 11*, IV–III вв. до н.э.; *Национальный музей РК, ҚРПМО тм4–5558*) [Золото властелинов казахских степей, 2018, с. 302, 303; рис. 37] и парой деревянных псалиев из Пятого Пазырыкского кургана (*ГЭ, 1687/180-181*) [Баркова, 1987, 33, табл. LXVIII (1)]. Сакральная иконография мотива, меняясь в течение многих веков, в трансформированном виде, но с исходными признаками, сохранилась в XX в.

Популярность этого композиционного решения застежки среди мастеров Сарыарки показывают многочисленные интерпретационные реплики украшения, встреченные во всех трёх музеях (впрочем, перечисление музеев можно продолжить, нам известны образцы из экспозиций музея

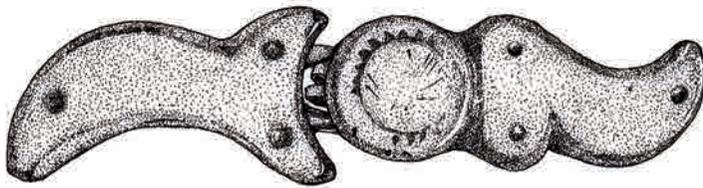

Рис. 11. *Қапсырма/парная застежка. XX в. Северный Казахстан. Штамп. 1532. Областной музей истории степного края в г. Аркалыке*

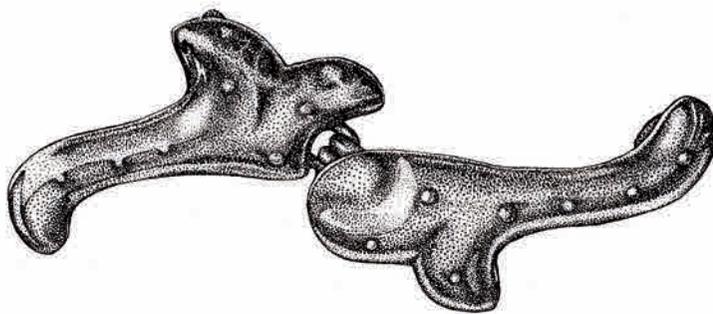

Рис. 12. *Қапсырма/парная застежка. XX в. Северный Казахстан. Штамп. 4,5 (каждая часть) × 2,2. 4331. Областной музей истории степного края в г. Аркалыке*

АркГПИ им. Ы. Алтынсарина и музея Первого Президента Казахстана). Среди *қапсырма* выделяются S-видные построения со смещением сторон застежек вокруг оси на 180°, линейным декором псевдозернью либо композиционными чеканными углублениями (*музей Алматы – 950-юв, 35-сб; юв-1072 -74, мастер Д. Жайлаубаев; 1105-юв, XX в.; Областной музей истории степного края в г. Аркалыке – 5345, 1532, 4331; экспозиция музея КОИКМ – на камзоле 4734 В 259*) (рис. 11, 12).

Выразительную форму *қапсырма* (5345), наиболее близкую к композиционному строю украшения из ГМИ РК им. А. Кастеева, сотрудники Областного музея истории степного края в г. Аркалыке называют орнаментальным мотивом *ботатірсек* – «ножка верблюжонка». К чему пришла длительная трансформация и стилизация образа грифона можно увидеть на примере аркалыкской *қапсырма* с растительным мотивом и ромбическими подвесками (1529/1, 2, 3), о чем в свое время писал Федоров-Давыдов [1976, с. 63].

Как правило, застежки этого типа *қапсырма* имеют на обратной стороне сложную систему запаянной проволоки, образующей крючок и петлю. Иногда в них встречаются швейные обычные крючки с медными петлями.

Выделим ещё один распространенный тип парных застежек – многочисленные гравированные *қапсырма* с семью, пятью или тремя фестонами и центральным элементом. Он состоит из соединённых парных дуг, напоминающих свод стрельчатой арки в горизонтальном построении. Подобное фестончатое оформление внешних сторон *қапсырма* встречается в формах поясной фурнитуры древних тюрков: металлических пряжек, накладок, бляшек, подвесных бляшек. В них нередко отмечаются сердцевидные бляшки с фестончатыми краями. Как известно, первые тюркские наборные пояса датируются VI в. и становятся популярными по всей Евразии к IX в.

Фестончатое обрамление имеют упоминавшиеся золотоордынские застежки XIV в. из Крыма [Сокровища Золотой Орды, 2000, с. 287, рис. 302, 303].

В композиционных сегментах бляшек *қапсырма* этого типа гравированные и зачерненные гибкие изображения трилистника в коллекции ГМИ РК им. А. Кастеева (958-юв, 63-сб, 960-юв, 64-сб, Северный Казахстан, XX в.; 983-юв, мастер Хайролла, 984-юв, мастер Ыскак Упанов, Павлодарская обл., XX в.) напоминают орнаментальные растительные мотивы утонченной народной вышивки нитями в тамбурной технике. Синкретизм народного искусства – важное качество, объясняющего нам миропонимание определенной эпохи.

В этой же музейной коллекции встречаются *қапсырма* из Кокчетавской области, части которых могли крепиться друг с другом при помощи штырька-костылька (1082-юв, 296-сб; 1083-юв, XX в.), чей верхний конец соединялся цепочкой с внешней стороной бляшки.

Кроме гравированных фестончатых *қапсырма*, в музее хранится гармоничное фестончатое украшение из Северного Казахстана с орнаментальными элементами, вытянутыми чеканкой, датированное XIX в. (1111-юв, 347-сб) и напоминающее пластические решения *қапсырма* Западного Казахстана.

Парная застежка из Областного музея истории степного края в г. Аркалыке (8109), выполненная штампом, с лаконичным фестончатым абрисом, переходящим в прямые горизонтальные линии верха и низа *қапсырма*, привлекает внимание своим ритмичным декором, подобным четким трафаретным вырезкам для войлочного ковра *сырмақ* (рис. 13).

Четкий вертикальный ритм треугольных вырезков на внутренних сторонах застежек обыгран орнаментальным рисунком, напоминающим трёхступенчатые пирамидки, – мотивы керамики, датированной концом первой четверти II тыс. до н.э. (раннеандоновская нуртайская культура Центрального Казахстана) [Кукушкин, 2015, с. 402, рис. 7, 5, 6, 10]. Средний центральный силуэтный мотив на поле *қапсырма* вызывает в памяти очертания боевого топора – *ай балта*. Контраст

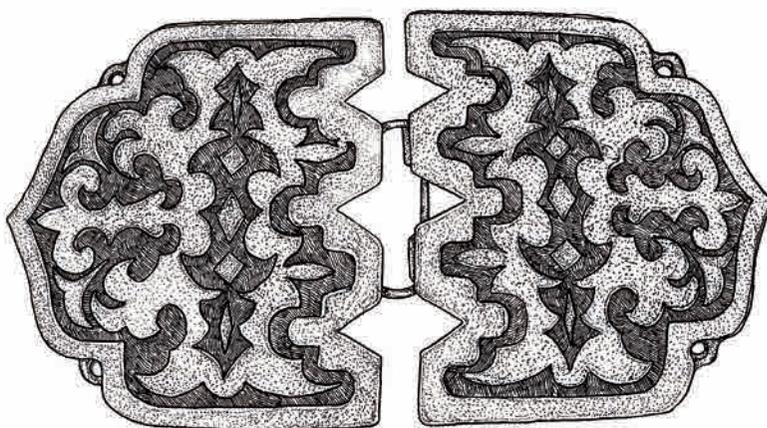

Рис. 13. Қапсырма/парная застежка. XX в. Северный Казахстан. Штамп. 9×5. 8109. Областной музей истории степного края в г. Аркалыке

между зачернённым, с тонко проработанным рельефными линиями фоном и гладким матовым полем элементов декора, создаёт визуальную пространственность и выразительность композиции парной застежки.

Ещё одна *қапсырма* (1339) из коллекции этого же музея – прекрасный пример варианта парных застежек фестончатого типа, но уже другой группы, охватывающей украшения с опоясывающим расположением фестонов. Круглые бляшки этой застежки по краям оформлены полукруглыми плоскими фестонами, которые, как декоративный прием, часто встречаются в снимаемых украшениях Сарыарки. Полоса с гравированным рисунком трилистника, расположенного в ритме волны, «бегущей спирали» – *өмір жолы* – обрамлена с обеих сторон плотными рифлёными трубочками, напоминающими ювелирную канитель и создающими замкнутый рисунок бордюра бляшки. Техника гравировки фона напоминает живой скобчатый штрих, отчего рисунок трилистников, помеченных кольцевым чеканом, и фоновых протоков, при рассмотрении меняются местами, образуя бесконечные вариации восприятия орнаментальных элементов. Центр бляшек выделяют высокие круглые вставки с имитацией сердолика в зубчатой оправе. Парные бляшки украшения соединяет круглая металлическая полусфера, закрывающая механизм соединения – широкий крючок с массивной петлей. Полусфера завершена такой же рифлёной трубочкой, как и во внутренней части бордюра парных бляшек. Разная ширина трубочек создает визуальную разрядку в пространстве композиции. благородную сдержанность цветового решения *қапсырма* подчеркивает паста бирюзового цвета в мелких гнездах, отмеченных зернью и создающих своеобразный лепестково-цветочный рисунок.

Лаконична и выразительна в композиционном решении *қапсырма* талантливого народного мастера Сейдыбаттала – круглая парная фестончатая застежка с крупной полусферой в центре (1071-юв, *Джезказканская обл., XX в.*), хранящаяся в ГМИ РК им. А. Кастеева. Благодаря выпуклому валику вокруг полусферы и объёмным скобчатым повторам очертаний фестонов, – единым пластическим приемам в обработке металла – мастером достигается целостность образного облика украшения.

Фестончатые *қапсырма* этой группы в собрании ГМИ РК им. А. Кастеева зачастую имеют самые разнообразные абрисы форм, например: цветочного чашелистника (1085-юв, *Кокчетавская обл., XX в.*), цветочной розетки с выделенными лепестками (974-юв, 1006-юв, 1173-юв, *Северный Казахстан, XX в.*), цветочного бутона либо овала (1084-юв; 1185-юв, 1192-юв, *Кокчетавская обл., XX в.*); иногда они бывают листовидными (1027-юв; 1184-юв, *Карагандинская обл., XX в.*), ромбовидными (1095-юв, *Северный Казахстан, XX в.*), приближенными к квадрату с заovalенными краями (973-юв, *Северный Казахстан, XX в.*).

В некоторых *қапсырма* в единое целое соединяются рассмотренные композиционные приёмы – обрамление по контуру украшения фестонами и выпуклыми объёмами на них (или без них), центр с круглым сердоликом, окруженным вертикалями коротких лучиков и валикообразной полосой (1026-юв, *Карагандинская обл., XX в.*; 1097-юв, 1175-юв, *Северный Казахстан, XIX в.*; 1115-юв, *Центральный Казахстан, XX в.*).

Возвращаясь к древнетюркскому мастерству обработки металла, заметим, что в *қапсырма* коллекции ГМИ РК им. А. Кастеева довольно часто используются как декоративный элемент полусферы, в своём происхождении восходящие к раннему средневековью, к технологическим традициям крепления бляшек при помощи заклёпок [Худяков, Борисенко, Кечиева, 2017, с. 75]. В круглых бляшках *қапсырма* поверхность полусфер дополняется чеканными орнаментальными композициями (1081-юв, *Кокчетавская обл., XX в.*); в ромбические бляшки *қапсырма* размещены окружности с псевдозернью и полусферические куполки с пятилепестковой розеткой. Другие примеры – чередование разных полусферических объёмов, сочетание гравировки и пуансонных следов чеканки – можно отметить в *қапсырма* из Северного Казахстана (1106-юв, *XX в.*), Кустанайской области (969-юв, 968-юв, *XX в.*).

Рассматривая *қапсырма* Сарыарки, имеющие форму в виде миндаля с утонченным загнутым кончиком, конечно, логично было бы обратиться к интерпретации сакрального мотива зороастрийского оберега – бодом или бута, символа рождения новой жизни, знака язычка пламени огня – и подумать о значении глубины народной памяти. И это было бы действительно правильно. Тем более, что подобный элемент в казахском орнаментальном искусстве называется *күн көзі* – свет, глаз солнца. Но на самом деле мотив отразил несколько другие реалии жизни рассматриваемого времени. У В. М. Прокопенко в исследовании подобные по форме застёжки (крепежа к поясу) называются «листовидными». Он приводит примеры таких застёжек из Болгарии, Румынии, Македонии, Кипра и пишет, что для них «удобно использовать названия: “облако”, “раковина”, “турецкий огурец”». Исследователь предполагает, что этот «тип пряжек получил широкое распространение с XVIII в.» [Прокопенко, 2015, рис. 7, 10]. Международное увлечение мотивом бодом можно объяснить популярностью в европейском декоративно-прикладном искусстве XVIII в. орнаментальными образами Востока и Персии, Индии, в частности. Широко известен пример распространения кашемировых платков с рисунком бодом в конце XVII в. британцами, привозившими их из колониальной Индии. С другой стороны, Кояндинская ярмарка в Каркаралинске с приезжими купцами и их товарами из Ташкента, Индии и других регионов мира, думается, могла оказать огромное влияние на развитие культурной жизни Сарыарки с момента её возникновения – середины XIX до конца существования в 1930 г.

Так это или иначе, но мотив бодом стал самостоятельной формой *қапсырма*, хранящихся в коллекции ГМИ РК им. А. Кастеева (985-юв, Павлодарская обл., XX в.; 1028-юв, Северный Казахстан, XX в.; 1080-юв 294-сб, Кокчетавская обл., XX в.). В прорезном орнаменте *қапсырма* из Областного музея истории степного края в г. Аркалыке (4330) две крайние фигуры – это тоже изображения миндалевидного мотива бодом. *Қапсырма* имеет аналоги – форму и декор парных застёжек Западного Казахстана и, в частности, украшений Актобе. Но в отличие от западноказахстанских и других украшений, сарыаркинские застёжки встречаются в выразительной горизонтальной S-видной форме, и они более лаконичны в изложении форм и выполнении гравированного и зачерненного декора. Форма бодом встречается не только в парных застёжках – в Областном музее истории степного края в г. Аркалыке хранится перстень с аналогичным мотивом (7578).

Лаконичные *қапсырма* круглых или овальных форм плоского сердолика или другого камня в зубчатой оправе и средокрестием, напоминающие венчики колец (948-юв, мастер Тайшык, Тургайская обл., XX в.; 1157-юв, 420-сб, Кустанайская обл., XX в.; 1168-юв, Кустанайская обл., X в.), образуют довольно большую группу парных застёжек (рис. 14).

К самостоятельной группе *қапсырма* отнесем парные застёжки с круглыми плоскими сердоликами или другими камнями, окаймленными мелкими кабошонами в оправе (1086-юв, Кокчетавская обл., XX в.) или зернью с металлическими окружностями (1170-юв, 451-сб, Кустанайская обл., XX в.), либо другими элементами (1138-юв, Центральный Казахстан, XX в.) только по внешним вертикальным сторонам вставок.

Композиционно выделяется группа листовидных *қапсырма* с плоскими сердоликами или другими вставками – смальтой, стеклом в зубчатой оправе как центром, часто с гравировкой

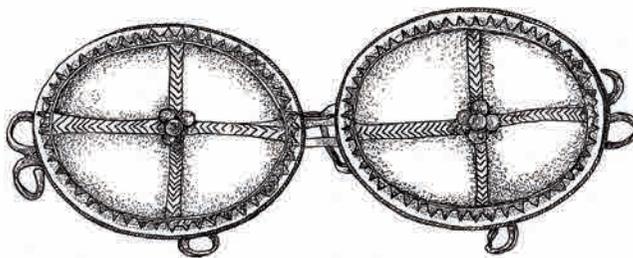

Рис. 14. *Қапсырма*/парная застёжка. X в. Кустанайская обл. Серебро. Сердолик. Зернь, штамп. 7,5×2,5. 1157-юв, 420-сб. ГМИ РК им. А. Кастеева

на пластинах бляшек, дополненных мелкими кабошонами смальты или стекла (966-юв, 1143, Кустанайская обл.; 1098-юв, 1109-юв, 1110-юв, 1119-юв, Северный Казахстан; 1183-юв, Карагандинская обл.; 1166-юв, Центральный Казахстан; XX в.).

Встречаются в *қапсырма* фигурно вырезанные сердолики (смальта?) с арабскими надписями – (басмала?) – в зубчатой оправе, окруженные мелкими бусинами коралла в гнездах (1114-юв, Северный Казахстан, XX в.). Овальные или другой формы сердолики в оправе и подвесками служат парными застёжками в средней части *алқа* (1117-юв, Северный Казахстан, XX в.).

Филигранные парные застёжки – это ещё одна многочисленная группа *қапсырма* в коллекции музея. Различные в решениях абриса *қапсырма*: фестончатые (961-юв, 1137-юв, 1149-юв; 1150-юв, Северный Казахстан, XX в.), прямоугольные (992-юв, 1103-юв, Северный Казахстан, XX в.), куполообразная (1029-юв, Северный Казахстан, XX в.), листовидные (1118-юв, 1186-юв, Северный Казахстан, XX в.), – отличаются многообразием композиций. Среди них выделяются гармоничные центричные композиции с крупным «глазком» – граненым, обработанным кабошоном или фаской плоским стеклом, окруженными мелкими круглыми кабошонами бирюзы (961-юв; 1103-юв; 1118-юв; 1029-юв, Северный Казахстан, XX в.). Трудоёмкие в технологии исполнения филигранные *қапсырма* чаще других парных застёжек позолочены.

В какое-то время, скорее всего, в 1960-х гг., эта техника трансформируется и упрощается в крупном филигранном рисунке и зерни (1061-юв, 1062-юв, Кустанайская обл., XX в.).

В парных застёжках мастера нередко использовали монеты (1003-юв, Северный Казахстан, XX в.), монетные подвески (1112-юв, XIX в.; 1110-юв, 1117-юв, Северный Казахстан, XX в.), перламутр (971-юв, Кустанайская обл., XX в.).

Жезказганские мастера выполняли многие *қапсырма* в литьевых формах, например, с мотивами птиц, симметрично изображенных в половинках круга с расправленными крыльями в полете (1133-юв; 1134-юв, Джезказганская обл., XX в.). Они напоминают упомянутые средневековые образы парных застёжек из курганов Казахстанского Прииртышья и Семей IX–X вв.

Другие *қапсырма*, выполненные в технике литья этими мастерами, представляют разнообразные бляшки. Например, у Ермека Саханова (1089–1091-юв) парные застёжки с внутренним рисунком филигранной проволокой сердцевидных форм с заключённым в них мотивом трилистника, дополненным во внешних вершинах объёмами трилистников, напоминают декор керамической плитки мавзолея Торткара, расположенного в Центральном Казахстане [Ибраева, 1994, рис. 27, 1].

Парная поясная пряжка к *белбеу* – удивительный артефакт (5246), встреченный в фондах Областного музея истории степного края в г. Аркалыке, говорящий о значении и мастерстве гравировки мотива пальметт и трилистников в украшениях Сарыарки. Абрис верхней и нижней части прямоугольных половинок этой пряжки аналогичен некоторым образцам брошек – *түйреуіш*, чьи внешние контуры построены на сочетаниях выпуклых и вогнутых линий. Части застёжки представляют композицию, где своеобразным центром является массивный прямоугольный крючок в отверстии. Горизонтальные верхние и нижние гравированные линии с фестонами, дополненными в местах соприкосновения небольшими окружностями, создают впечатление единой композиционной ковровой плоскости. Прямоугольные медальоны выделены гравированными вертикальными фестонами с небольшими декорирующими чеканными окружностями. Диагональное решение листьев полупальметты выделяется гладкой плоскостью металла с нанесенным гравировкой завитком и небольшими окружностями. Но рисунок мотива обогащен контрастным фоном, сочетающим мелкие окружности, нанесенные часто и представляющим возможность попеременно

читать полученные соотношения узора как позитив и негатив. Он напоминает композиции и технологию выполнения многих сарыаркинских снимаемых украшений рубежа XIX–XX в.

На камзоле размещали и другие нашиваемые украшения, рассмотрение которых продолжим далее.

Ақықтар – украшения с сердоликом

Как велико было значение сердолика – *ақық* – в снимаемых украшениях, пришиваемых пуговицах и парных застёжках – *түйме*, *қапсырма*, – мы уже рассмотрели. Особыми сакральными знаками одежды можно считать *ақықтар* – подвески различного вида и формы с обработанными сердоликами (иногда подобными по цвету сердолика смальтами) в глухой зубчатой оправе или архаичной системе крепления проволокой либо профилированными полосами металла.

Обращаясь вновь к систематизации украшений для одежды, выделим две ведущие композиционные группы *ақықтар* на примере украшений, хранящихся в ГМИ РК им. А. Кастеева, Областном музее истории степного края в г. Аркалыке, Костанайском областном историко-краеведческом музее. К первой группе отнесем украшения, в которых сердолик становится единственной доминантой в композиции украшения (1591-юв, *Центральный Казахстан, начало XX в.*; 1601-юв, *Северный Казахстан, XX в. и т. д.*).

Можно отметить разнообразие форм примененного сердолика – круглые и овальные, вырезанные по абрису щитовидные фигуры с арабскими письменами, прямоугольные, шестиугольные с плоской поверхностью, объёмные бочковидные камни и т. д. (1575-юв, *Кустанайская обл., XX в.*; 1600-юв, *Северный Казахстан, XX в. и др.*). Количественное превосходство этой группы украшений-оберегов обусловлено более простыми технологиями сборки, идентичными пуговичным (1608-юв, 334-сб) (рис. 15).

Сердолики часто оправлены в глухие гладкие или с зубчатymi крапанами касты – *абдих* (1602-юв, *Северный Казахстан, XX в.*; 1575-юв, *Кустанайская обл., XX в.*). Гладкий каст оправы нередко украшен гроздьё филигранны в нижней части украшения (1593-юв, *Северный Казахстан, XX в. и мн. др.*). Иногда по поверхности сердолика проходит вертикальная гладкая или провальцованная декором полоска металла. Эти полосы металла – часть характерного способа конструктивного соединения украшения без пайки (КОИКМ, 7732; *Областной музей истории степного края в г. Аркалыке, 7015 и др.*) (рис. 16).

Вторая группа подвесок *ақықтар* представлена разнообразными по композиционному построению украшениями. Они также имеют простые и сложные формы обработанного сердолика – сердцевидные, овальные; иногда на поверхности сердолика контррельефом изображаются символы ислама – луна и звезда. В нижней части украшения нередко дополняются металлическими чеканными подвесками, бусинками коралла или стекла, монета-

Рис. 16. *Ақық/ подвеска. XX в. Северный Казахстан. Металл белого цвета. Смальта. Штамп, зернь, спиральная навивка. 4,8×2,4. 7732. КОИКМ*

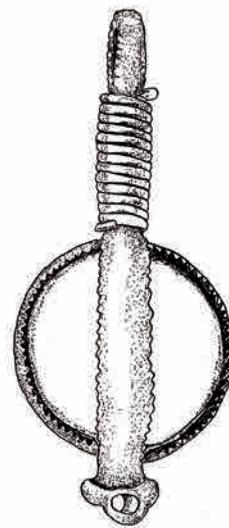

Рис. 15. *Ақық/ подвеска. XX в. Северный Казахстан. Серебро. Смальта. Штамп, зернь, спиральная навивка. 4,3×1,7. 1608-юв, 334-сб. ГМИ РК им. А. Кастеева*

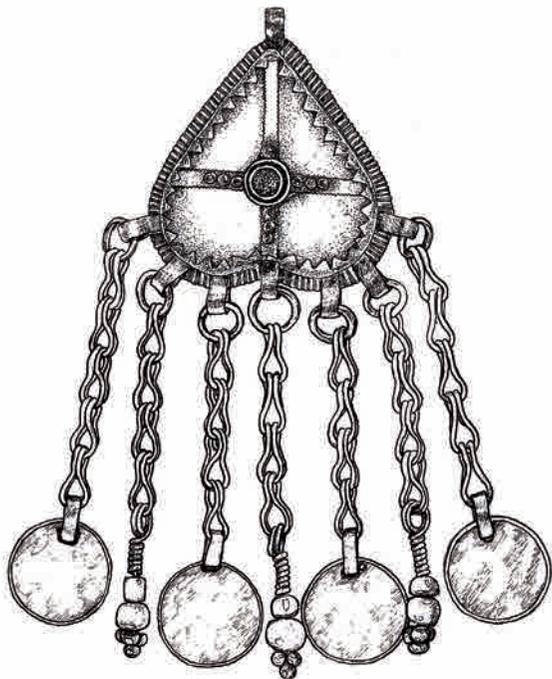

Рис. 17. Ақық/подвеска. XX в. Северный Казахстан. Мастер Рахмет Тойманов. Металл белого цвета. Штамп. Сердолик, кораллы, монеты, стекло. 9,1×4,5. 1610-юв. ГМИ РК им. А. Кастеева

ми (КОИКМ, 2591 и др.). В коллекции ГМИ РК им. А. Кастеева выделяются подвески, в которых плоскость сердолика или смальты, имитирующей сердолик, украшена разными способами. Например, диагональным крестом и бирюзовой смальтой в центре и частично по окружности (1595-юв, 313-сб, Северный Казахстан, XIX в.). Полосы металла в виде прямого креста с зернью (1610-юв, Северный Казахстан, XX в., мастер Рахмет Тойманов) (рис. 17) расположены на сердолике, вырезанном в виде фигуры перевернутого сердца. Цепочки ручной работы с подвесками – монетами, кораллами, стеклом – дополняют изящный образ украшения. Очевидно, перевернутая форма связана с точкой зрения смотрящего обладателя украшения вниз. Подобная форма перевернутого сердца с подвесками встретила в раннем исламском украшении – сирийской золотой литой подвеске X–XII вв. в смешанной технике литья, филигрании, ковки и чеканки [Шалимова, Интернет-ресурс].

В Костанайском областном историко-краеведческом музее хранится *ақық* со сложным композиционным построением – от середины центрального овального сердолика в зубчатой

оправе на цепочках подвешены овальные сердолики, обрамленные полосами металла, по бокам их фланкируют крупные прочеканенные объёмные листовидные подвески с фестончатыми боковыми краями и зернью на нижней части (4241 ДМ 1103).

Түйреуіштер – броши

В ГМИ РК им. А. Кастеева броши из Сарыарки представлены разнообразными формами. Среди них выделяются украшения с фигурным абрисом (1429-юв, начало XX в., 1434-юв, 289-сб, 1430-юв, XX в., Кокчетавская обл., XX в.; 1440-юв, 383-сб, 1895-юв, XX в., Кустанайская обл.).

Сложная гармония ритмичного повтора симметричных открытых окружностей, S-образных боковых линий, верхних упругих трехчастных и нижних продлённых двухчастных фестонов броши (1434-юв, 289-сб, Кокчетавская обл., XX в.), небольших шаровидных подвесок напоминает звучание музыкального ряда игривой формы (рис. 18). Голубоватый рисунок черни подчеркнут линией, нанесённой ударными уступами мелкого чекана. Вибрация света-тени пластичной линии привносит ощущение её мерцающего живого движения в композиции.

В броши из Костанайской области (1440-юв, 383-сб) волнообразный ритм внешних краёв украшения, повторённый во внутренней кайме, предопределил расположение гравированного орнамента – в нем пластичный мотив трилистника переходит в симметричный мотив *қос мүйіз*.

Большую группу брошей составляют круглые украшения. Рассмотрим две подобные броши из Жезказгана. Композиция броши (1431-юв, XX в.) мастера Сейдыбаттала имеет сложное построе-

ние: в центре находится полушарие, от него крестообразно размещены штампованные профилированные рельефом каплеобразные фигуры. Они выделены гравированными «лепестками» с вогнутыми краями, в которых заштрихованы параллельными линиями гравировки треугольники, плотно охватывающие штампованные объёмы. Кайма с чередующимися S-образными линейными элементами и заштрихованным параллельным фоном созвучна центральному рисунку броши.

Скорее всего, брошь (1432-юв, XX в.), судя по композиционному почерку, это еще одно украшение, которое может принадлежать как автору Сейдыбатталу. Брошь так же, как предыдущая, отличается каплевидными рельефными объёмами, но уже завершёнными шариками зерни, расположенными ближе к центру. Центр украшения отмечен полусферой с внутренней окружностью, а внешний абрис полусферы имеет восемь прочеканенных треугольников, которые, в свою очередь, являются центрами для каплевидных гравированных контуров рельефных объёмов. Четыре сегмента, расположенные между ними, мастер заполняет знакомым мотивом трилистников, окруженных линиями гравировки по контуру и декорированных следами ударов чеканом. Тонкий бордюр, имитирующий штрихами гравировки шнур филигранны, завершает удивительно гармоничный образ броши.

В отдельную группу можно выделить круглые броши из Северного Казахстана с чернью. Некоторые из них (1436-юв, 1437-юв., 1444-юв, XX в.) по форме напоминают серповидные лунницы: открытое поле брошей завершается двумя рожками звезды. Сакральный мотив пятиконечной звезды в исламе отражает пять столпов веры – свидетельство веры, молитва, пожертвование, пост и паломничество.

В броши (1437-юв) с симметричным орнаментом на круглом поле центра звезды изображены серп и молот (но в несколько в другом расположении от официально принятого начертания советского символа). Возможно, подобное изображение серпа и молота было и в другой броши (1436-юв). В системе декора традиционной вещи иногда отражались исторические изменения быта, связанные с событиями начала XX в., например, в орнаменте вышивок, войлочных ковров, головных уборов появлялись «новые» темы: фигуры советской эмблематики, буквенные элементы (вначале арабские, а затем латинские), изображения крыльев самолета, колес трактора и т. д.

В ещё одной подобной броши (1444-юв) круглое поле звезды занято спиралевидным мотивом с ритмичными и пластичными завитками.

Замечательным примером фестончатых брошей можно назвать украшение из Кокчетавской области (1430-юв, XX в.). Его центр – листовидный сердолик с углублённым рельефом окружён полем оправы, нарастающей в площади к низу броши. Плавные фестоны абриса броши выделяют удлиненные прочеканенные треугольники, в своем основании окружающие зубчатый каст – вновь мы видим своеобразный солярный знак. Ряд крупной зерни обрамляет верх броши, а низ увенчан тремя монетными подвесками (рис. 19).

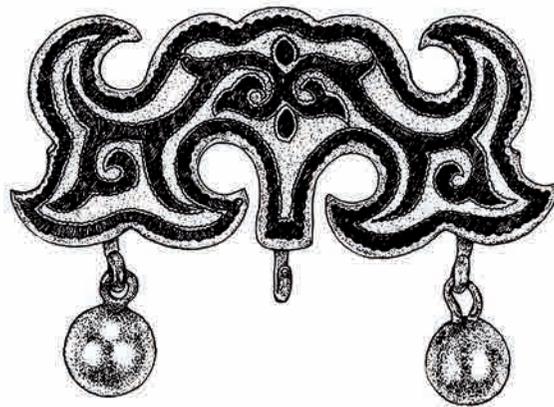

Рис. 18. Туҕреуіш/брошь. XX в. Кокчетавская обл. Серебро. Гравировка, чернь. 5,4×4. 1434-юв, 289-сб. ГМИ РК им. А. Кастеева

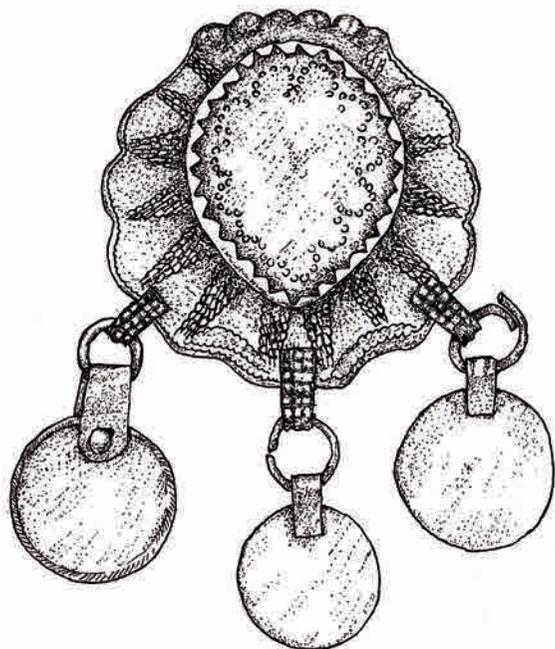

Рис. 19. Тўйреуіш/брошь. XX в. Кокчетавская обл. Металл белого цвета. Сердолик, монеты. Штамп, гравировка. 7,4×4,5. 1430-юв. ГМИ РК им. А. Кастеева

К группе павлодарских брошей относится овальное украшение с фестонами и выделенными линиями, нанесенными уступами бойком чекана. Динамичная горизонтальная S-образная фигура гармонично вписана в строгий овал центрального поля броши (1438-юв, XIX в.).

Круглые и овальные броши из Кокчетавской области (1450-юв; 1451-юв, XX в.) – яркий пример включения буквенных элементов выразительного шрифта в орнаментальную структуру композиций украшений.

Таналар – декоративные бляшки

Музейная коллекция ГМИ РК им. А. Кастеева декоративных перламутровых бляшек – тана – из Сарыарки невелика. Мастера, используя природные свойства раковины, подчеркивали радиальность расположения геометрического рисунка – линий, окружностей и обрабатывали резьбой внешние края (1653-юв, Центральный Казахстан, начало XX в.; 1657-юв, Павлодарская обл., начало XX в. и др.) (рис. 20). Перламутр, как мы уже отметили, действенный оберег от сглаза в народных представлениях.

Тіс шұқығыштар, құлақ тазалағыштар – зубочистки и ухочистки

Формы этих функциональных украшений обусловлены, казалось бы, практичностью их использования. Но, совершенно очевидно, что они были ещё и оберегами. Так, у Ш. Ж. Тохтабаевой встречаем интересное утверждение респондентов, что такое украшение «...оберегает от голода и гарантируют сытость» [2005, с. 284].

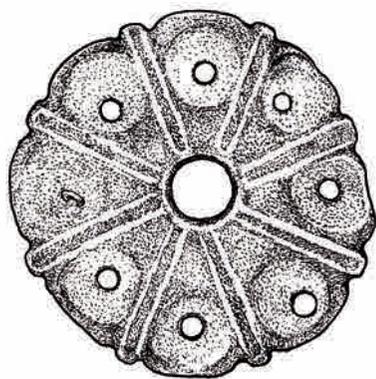

Рис. 20. Тана/декоративная бляха. Начало XX в. Центральный Казахстан. Перламутр. Резьба. 3,2×3,2. 1653-юв. ГМИ РК им. А. Кастеева

В археологических находках бронзовые копоушки, относящиеся к культуре гузов X – начала XI в. и изготовленные в технике отливки по модели, имеют веслообразные декоративные рукояти. По результатам исследований огузских копоушек, крыловидных и птицевидных нашивок, находимых археологами в женских и детских погребениях, подобные изделия считаются амулетами-оберегами, относящимися к культу тюркской богини Умай [Круглов, 2016, с. 197].

В огузских копоушках (ВОКМ, инв. № 5840/4/1–3 Заволжье, могильник Заплавное-I, погребение 6 кургана № 3, раскопки В. П. Шилова, 1958 г.) [Круглов, 2016, с. 199, рис. 141], символические образы Умай воплощены в рельефной пластике: в одной из них в центре веслообразной рукояти изображена птица с головкой, повернутой к хвосту, в другой показан трилистник – известные в мифах тюрков орнито-, фитоморфные ипостаси богини.

Но упомянутые формы веслообразных декоративных рукоятей копоушек гузов, относящихся к X – началу XI в., весьма напоминают образцы многих копоушек, в том числе, и сарыаркинских в коллекции ГМИ РК им. А. Кастеева (1475-юв; 1463-юв, 113-сб; 1481-юв и др.). Преемственная связь в стилистике украшений вполне объяснима – гузы стали этнической основой сложения многих тюркских народов.

Интересные формы украшений нам встретились в коллекциях всех трех посещённых музеев. В них сполна отражены композиционные и технологические предпочтения, применявшиеся в других видах украшений. Например, в собрании ГМИ РК им. А. Кастеева хранится зубочистка (1463-юв, 113-сб; вторая половина XIX в.) Садыка Екибасова (1860–1910), искусного народного мастера из Павлодарской области. Увлечение мастера гравированием семантических по значению трилистников и пальметт связано с найденной формой украшения, удобно располагающегося в согнутой ладони, а стилистика декора его изделия полностью совпадает с характерными композиционными чертами снимаемых украшений Сарыарки (рис. 21).

В изделиях других мастеров мы подчас видим как повторяются многие приемы сборки сложносоставных украшений, например, *алқа* (1487-юв, *Қустанайская обл., конец XIX в.*), *тұмар* (1485-юв, *Қустанайская обл., XX в.*), *шолты* (1488-юв, *Северный Казахстан, начало XX в.*) и т. д., с однорядными и многорядными на цепочках подвесками – монет, сердоликовых пуговиц. Лаконичны подвески с зубочисткой и ухочисткой из Кокчетавской области (1476-юв, 287-сб, *начало XX в.*; 1377-юв, 290-сб, *XX в.*). Узкие полосы металла, скрученные в ритмичных витках несколькими оборотами, заканчиваются зубочисткой с острием и ушной копушкой с небольшой вогнутой емкостью, необходимых в гигиенических целях (1488-юв, *Северный Казахстан, начало XX в.*).

Лапидарная гравировка, напоминающая изящные трилистники снимаемых украшений Сарыарки, нанесена на функциональные украшения (842 АС-4), хранящиеся в Областном музее истории степного края в г. Аркалыке.

Крепились гигиенические приборы к камзолу при помощи крючка, завершающего соединительную цепочку с украшением.

Рассмотрев нашивные и прикрепляемые украшения, согласно Ю. М. Лотману, заметим, что символ «никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры — он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее» [1992, с. 192]. Ю. М. Лотман пишет о том, что «С другой стороны, символ активно коррелирует с культурным контекстом, трансформируется под его влиянием и сам его трансформирует» [1992, с. 192–193]. Действительно, мы отмечали истоки многих форм и композиционных решений нашивных и прикрепляемых украшений, находя примеры в украшениях эпохи бронзы, железа, средневековья и традиционного времени казахской культуры и сохранившихся до наших дней.

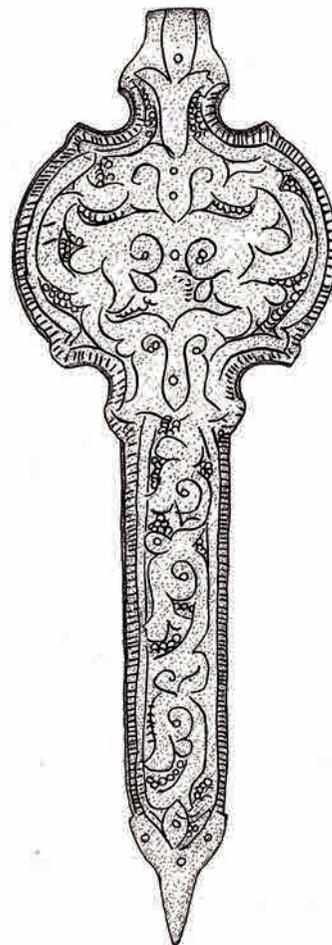

Рис. 21. *Тіс шұқығыш/зубочистка. Вторая половина XIX в. Мастер Садык Екибасов (1860–1910). Серебро. Гравировка. 11,9×4,2. 1463-юв, 113-сб. ГМИ РК им. А. Кастеева*

Праздничные камзолы и украшения как этносемиотическая репрезентация

Благодаря постоянной работе археологов, этнологов, этнографов, искусствоведов выясняются многие моменты развития костюма донациональной истории Казахстана, а далее – его народа, но логично рассмотренная история казахского костюма по периодам и регионам – удел, думается, будущего.

Обращаясь к этапам развития истории народного костюма Казахстана, можно констатировать, что нашивные и прикрепляемые украшения для него были распространены повсеместно с древнейших эпох.

Возможно, что некоторые памятники эпохи энеолита Сарыарки, например, орнаментированные венечные кости лошади (Костанайская обл., стоянка Ливановка 1, энеолит)*, находки фаланг лошади с декором (Акмолинская обл., Ботай, поздний энеолит) отражают различные приёмы оформления одежды или татуировки тела. Экспонирующиеся в Костанайском областном историко-краеведческом музее венечные кости из стоянки Ливановка 1 напоминают верхнюю плечевую часть женского торса с характерной ложбинкой пышной груди, обрамленной треугольниками, нанесенными на «сарафаноподобную» одежду с бретелями и без них (?).

Использование подобия в визуальном мире как особого средства фиксации образного видения характерно на ранних порах развития изобразительного искусства. Буше де Перт в своей гипотезе «простого этапа» инстинкт имитации объяснял как основу для зарождения искусства [Столяр, 1985, с. 69]. Природная пластика венечных костей лошади могла быть увидена как аналог характерных форм женского тела и стать скульптурным прообразом декорированных антропоморфных фигурок (ставших выражением древней символики сакрального?).

Тогда как артефакты из Ботая, датированные IV тыс. до н.э. и использованные американскими учеными для реконструкции женской одежды, нам напоминают более объёмы мужских удлиненных торсов с узким тазом и плоской грудью, подтянутой развитыми мышцами [Усманова, 2010, с. 154, фото 46]. Доминирующий тип маскулинности, очевидно, существовал уже в эпоху энеолита. Но это наше личностное восприятие и понимание форм телесности.

Благодаря гипотетическим реконструкциям женского костюма эпохи бронзы К. А. Акишева, М. К. Хабдулиной, Э. Р. Усмановой, И. В. Шевниной, Е. В. Куприяновой и др. известны предполагаемые варианты системы расположения сохранившихся бляшек и других деталей.

Сенсационные находки золотых украшений костюма в известных погребениях Исыка, Западного и Восточного Казахстана эпохи раннего железа также повлияли на воссоздание учёными системы элементов «костюмного языка». Они хорошо известны по исследованиям К. А. и А. К. Акишевых, М. К. Хабдулиной, З. Самашева, К. Алтынбекова, Г. С. Джумабековой, Г. А. Базарбаевой, Я. А. Лукпановой и др.

Древнетюркский костюм изучен З. Самашевым, С. А. Яценко, средневековая среднеазиатская мужская одежда – М. В. Гореликом и т. д.

Народная казахская одежда в разных аспектах традиционного бытия исследована А. Х. Маргуланом, У. Д. Джанибековым, И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой, Н. Ж. Шахановой, Е. Д. Турсуновым, Р. Ш. Кукашевым и др. Выпущены каталоги казахской одежды ведущими музеями Казахстана.

Можно перечислять авторов и далее, например, исследовавших отдельно военный костюм – К. С. Ахметжан, А. К. Кушкumbaев, А. И. Соловьев, Л. А. Бобров, А. О. Пронин и т. д.

* Памятник исследовался археологической экспедицией под руководством В. Н. Логвина [Логвин В.Н., 1988]. Прим. ред.

Система расположения и форма нашивных и прикрепляемых элементов казахского костюма видоизменялись в течение веков – менялись социально-экономические условия жизни, способы производства, культура зрения и, безусловно, степная мода...

Немногочисленные образцы женской и мужской одежды конца XIX – начала XX в., хранящиеся в фондах музеев Алматы, Аркалыка, Костаная, к сожалению, не дают достаточной информации для сравнительного анализа расположения украшений. Малое количество хранящихся в музеях страны экспонатов казахской одежды Н. Алимбай объясняет двумя печальными событиями в истории. С одной стороны, это распространение фабричной одежды, а, с другой, – «многие элитарные типы и виды одежды кочевников (праздничная, ритуальная, церемониальная и т. д.), по свидетельству очевидцев, безжалостно уничтожались во второй половине 20-х – 30-е годы...» [Традиционная одежда казахов, 2009, с. 11].

Наиболее интересный материал по одежде, а, именно, камзолам с нашивными украшениями, представлен в Костанайском областном историко-краеведческом музее. Нам не встретились платья, о которых И. В. Захарова и Р. Д. Ходжаева писали: «В Северном и Центральном Казахстане на воротник и талию платья наглухо пришивались или подвешивались на маленьких цепочках из бисера мелкие серебряные монеты» [1964, с. 83]. Но авторы замечают, что девушки и молодые женщины особенно отделявали безрукавные камзолы, а украшения использовались те же, что и для платьев [Захарова, Ходжаева, 1964, с. 88].

Рассматривая камзолы из Кокчетавской области, исследователи отмечают, что «весь камзол расшивали серебряными монетками, которые располагали продольными рядами сверху вниз по бортам, спинке и краю подола, а сзади – в два-три ряда по талии» [Захарова, Ходжаева, 1964, с. 88]. Интересное замечание авторы сделали при описании свадебного халата на севере Казахстана: к его краю пришивали ряд серебряных монет [Захарова, Ходжаева, 1964, с. 93]. Этнографы считают, что серебряные монеты употреблялись для декора одежды «уже во второй половине XIX в.» [Захарова, Ходжаева, 1964, с. 97]. По мнению И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой, камзолы во второй половине XIX в. встречаются реже и становятся праздничной одеждой, сшитой из дорогой ткани [1964, с. 90]. Следовательно, и мы сделаем соответствующий вывод, что варианты распределения многочисленных украшений, как правило, на бархатном камзоле сочных локальных цветов, являются праздничными и многочисленными в их использовании.

Обратимся к примерам сохранившихся камзолов, которые помогают понять и сопоставить систему и структуру расположения нашивных украшений на них. Подробное описание камзолов необходимо нам для анализа и, конечно, оно предваряет выводы. По словам главного хранителя Костанайского областного историко-краеведческого музея И. Е. Тыштыкпаевой, камзолы с украшениями сохранились в прежнем виде с момента поступления в фонды музея. Например, нашивные украшения на иссиня-черном бархатном камзоле с вырезной проймой (4734 В 259) (рис. 22).

Для нас очень ценна эта документальная визуальная информация, которая уточнила, например, возникший вопрос о расположении пуговиц с косточками фиников (хурмы) на одежде при их описании. Три пуговицы с косточками фиников находятся ниже *алқа* в верхней части левой полы камзола и являются, безусловно, важными сакральными знаками. Они закреплены нитями к ткани при помощи нескольких соединительных стежков. Рядом с ними за соединительное кольцо стежками нитей прикреплён *тұмар* с центральным стеклянным глазком в орнаментальном обрамлении мелких бирюзовых кабошонов и подвесками в два ряда, состоящими из кораллов и граненых стеклянных шариков. Около *тұмар* нашиты три пуговицы со стеклянными шариками, подобными форме

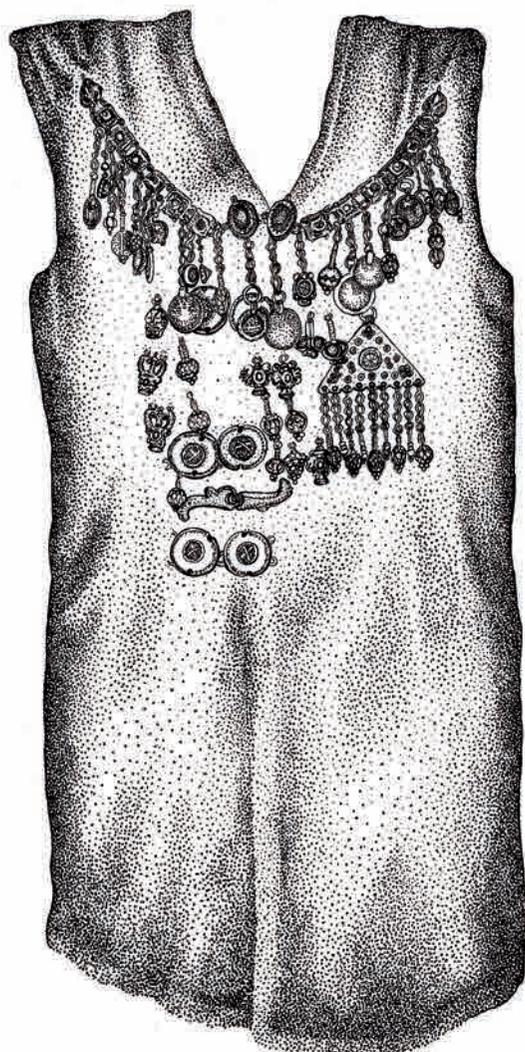

Рис. 22. Камзол/безрукавка женская. Первая половина XX в. 4734 В 259. КОИКМ

подвесок. Литые рельефные декоративные элементы (их четыре, и они явно изделия привозного промышленного характера!) заполняют пространство между границей полы и украшением *тұмар*.

Полы камзола (левая пола наверху) с небольшим запахом крепятся пятью *қапсырма* – три из них одинаковы в решении композиции – круглые диски застежек в центре дополнены круглыми вставками сердолика (?) в зубчатой оправе с наложенными Х-образными элементами. Использование вертикального ряда нескольких застежек отмечено в одежде многих народов в разное время истории [Прокопенко, 2013, рис. 1, 14, 15; 2015, рис. 6, 6–12]. Между двумя нижними *қапсырма* располагается композиционная реплика рассмотренной *қапсырма* с мотивом грифонов из собрания ГМИ РК им. А. Кастеева. Четвертая *қапсырма* расположена непосредственно у контрастного оранжевого ворота, напоминающим форму шалевого воротника, ставшего модной деталью камзола. Пятая *қапсырма*, состоящая из двух симметричных овальных сердоликовых (?) камней в зубчатой оправе, одновременно является соединительным центром нашивного нагрудного украшения *алқа*. Подвески с монетами разных диаметров позволяют этой возвышающейся части *қапсырма* органично вписаться в общую композицию нагрудного украшения. Яркой доминантой украшений камзола, безусловно, является *алқа*. Крайние бляшки украшения

нашиты на камзол ниже плечевых швов. Верхний ряд *алқа* состоит из объёмных пирамидальных медальонов с круглыми каменными вставками. Разновидные подвески – пуговицы, сердолики в оправе, монеты на цепочках ручной сборки – разнообразят композицию *алқа*.

На правой поле три граненые сердоликовые пуговицы бусины на ножках нашиты в вертикальном ритмичном ряде. Они дополнены тремя объёмными декоративными элементами. Интересны и карманы, прорезные по дуге, сложные в технологической обработке их пошива.

Какой вывод можно сделать, рассматривая этот, несомненно, важный для исследования камзол? Прежде всего, преобладание нашиваемых украшений в левой части камзола.

Здесь мы можем поговорить о телесности, её уровнях – внешнем и внутреннем. Человеческая телесность как знаковая система рассмотрена многими исследователями – М. М. Бахтиным, Б. Тёрнером, К. Г. Юнгом и др. Для нашего примера важно то, что Юнг обозначил телесность многомерным явлением, включающим и архетипы социального бессознательного. Ещё один момент,

существенный для понимания народных представлений о разнородности пространства, которым обладает тело человека. То есть мы говорим о совпадающих внешних и внутренних границах разных пространств тела. Что же получается? Левая часть тела – это область расположения физического сердца, которое в мифопоэтическом сознании, прежде всего, – древний духовный символ, источник жизни, доброты, мудрости; а в этико-философском аспекте «Феномен сердца – центральный (по значимости и частотности употребления) в антропологической литературе с момента осознания уникальности человека в духовном самосознании культуры» [Калугина, 2008]. «Феномен сердца», думаем, объясняет, почему же особо значимые сакральные символы-украшения располагаются в верхней части левой полы камзола.

Сакральные (пуговицы с финиками, сердоликовые подвески) и апотропейные (подвески-обереги, пуговицы бусины) украшения размещены в верхней части камзола. Принцип композиционного ритмичного повтора заметен в трехкратном применении некоторых украшений.

Народное понимание символической числовой гармонии можно объяснить, если вспомнить тюркскую пространственно-временную характеристику мира – семантический смысл трехчленности в представлении универсальной организации Вселенной; отношение к течению времени, выраженное в понятии прошлого, настоящего и будущего. Принимая во внимание символичность образного мышления казахов, вполне возможно предположить, что число три имело значимость при молении о своей душе, которая представлялась триединой: *ет-жаньы* – душа плоти, *шыбын-жан* – душа, жизнь человека, *рух-жан* – дух.

Большое количество *қапсырма* подчеркивает их не только функциональное назначение, но и декоративное. Однако, композиционное решение примененных *қапсырма* относится к сакральным образам – круглые застежки с крестообразными полосами на круглой сердоликовой вставке, грифоподобное синкретическое существо и, наконец, оправленные сердолики в *алқа*.

В экспозиции музея представлен уникальный камзол из красного бархата конца XIX в. с рельефной вышивкой золотыми, серебряными нитями и пайетками (257-107). По музейным данным, камзол был сдан на хранение Кустанайским губкомом в 1927 г. Камзол – яркий пример одного из предметов конфискованного имущества семьи бая Бермагамбета Алдиярова, жителя аула № 10 Карабалыкского района Кустанайского округа. Камзол с V-образным вырезом ворота отделан неширокой полосой бархатной ткани синего цвета. Из той же ткани выполнены небольшие карманы. На подоле пришита полоса широкого серебряного позумента. Полы *камзола* запахиваются встык и застегиваются крупной *қапсырма* со щитком, выполненной сложной бугорчатой филигранью. В камзоле драгоценность ручной вышивки ограничила применение других украшений. Можно отметить гармоничную умеренность в отделке ворота и карманов.

В бархатном приталенном камзоле сложного густого вишневого с переливами цвета (4370 В 214), сшитом примерно в 1860–1870-е гг. и украшенном по краям V-образного выреза ворота, пол, низа и пройменного выреза широким фестончатым позументом, полы застегиваются при помощи трёх *қапсырма* – две верхние одинаковы по форме и декору, нижнее украшение несколько отличается от них и формой, и декором (рис. 23 а).

Средняя из них расположена на уровне линии талии, по которой со стороны спины к ткани крепятся вертикальными стежками нитей два ряда крупных монет. Судя по небольшим разрывам ткани, и к подолу были пришиты двумя рядами не сохранившиеся ныне монеты.

Отметим асимметрию в расположении украшений на полах, в большинстве своем представляющих серебряные монеты, с приспособленными для пришивания сверлёными отверстиями либо паяными широкими петлями. На левой поле (правая пола под левой) в области груди расположен двухъярусный гравированный *тұмар* с цветочными мотивами и небольшими

Рис. 23 а, б. Камзол/безрукавка женская. 1860–1870 гг. 4370 В 214. КОИКМ

кабошонами бирюзы. Каждый ярус *тумар* завершается подвесками – серебряными монетами. На этой поле расположено большое количество украшений камзола: граненая сердоликовая пуговка бусина с подвеской-монетой, сердоликовые подвески, монеты, строгим ритмом располагающиеся по вертикалям нижней части полы. В верхней части правой полы отметим присутствие небольшой голубой пуговки бусины на ножке, двух сердоликовых подвесок, крупных и небольших монет. Небольшие синие кармашки треугольной формы, отделанные сверху лентой позумента и расположенные на обеих полах, декорированы с трех сторон некрупными монетами, а на левом кармане монетка пришита и в средней части позумента.

Мы вновь наблюдаем стремление заполнить украшениями поле левой полы камзола. Она украшена более правой. Но не забыта и спина (рис. 23 б). Монеты, как однородные и ритмичные визуальные формы, более предпочтительны в выборе общего строя декора камзола. Случайно ли это? То же, что мы видели в предыдущем примере! Вновь число три важно в использовании *қапсырма!*

Экспозиционный девичий плюшевый приталенный камзол маренового оттенка с неглубоким запахом (левая пола наверху!) обшит по подолу и полам, по линии талии спины узким позументом (4528 В 248). По музейным данным он сшит в 1940 г. (рис. 24 а, б).

Камзол застегивается при помощи двух *қапсырма* – массивной листовидной гравированной нижней и средней небольшой в виде бантика. Казалось бы, V-образный ворот, отделанный полосой плюша яркого синего цвета с пришитой лентой узкого позумента и простеганной параллельными строчками, застегнут при помощи третьей *қапсырма*, но впечатление парных частей украшения

Рис. 24 а, б. Камзол/безрукавка женская. 1940 г. 4528 В 248. КОИКМ

создают две одинаковые ажурные подвески с цепочками, завершенными колокольчиками с бахромой, – *шаи қоңырау* и монетами. Верхняя часть левой полы камзола скрепляется с правой за ободок подвески при помощи бельевого крючка, укрепленного на ткани.

Оберег *үкіаяқ* с фестончатым краем и монетными подвесками на левой поле равномерно корреспондируется с подвеской сердцевидной формы, расположенной на правой поле. *Үкіаяқ* дополняет компактная группа монет, нашитых сверху и по бокам. Левая пола камзола от линии талии до подола декорирована тремя вертикальными рядами крупных серебряных монет. Монеты располагаются на спине камзола, под узкой лентой позумента, и поднимаются от него в три вертикальных ряда – три монеты в центральном, по две по его сторонам (рис. 24, б).

Отделочная полоса ворота с правой внешней стороны дополнена тремя нашитыми пуговицами бусинами и двумя сердоликовыми подвесками – *акық*. Симметричные дугообразные прорезные карманы на обеих полях выделены по контуру полосами, заполненными треугольниками, прошитыми машинной строчкой и декорированными небольшими серебряными монетами.

Снова мы видим, что левая пола украшена более правой. На ней сосредоточено большое количество монет, заполняющих нижнюю часть. Можно отметить композиционный приём подобия – расположение монет, повторяющих верхнюю и нижнюю линии вогнутых карманов.

Камзол в экспозиции дополняется на манекене девичьим головным убором – цилиндрической *тақия* (2433) в тон рассмотренному камзолу (4528 В 248). В историческом костюме головные уборы всегда несут главную смысловую нагрузку: на околышек шапочки нашита позументная тесьма с

бахромой и канителью, являвшихся известным оберегом в costume (рис. 25).

Поверх бахромы нашиты разные украшения – *үкіаяқ*, *ақық*, *түйме* с цепочками и подвесками – монетками, бусинками кораллов. Они разной величины и длины, что определенно создаёт впечатление непринужденной живописности убору. Верх шапочки украшен пучком перьев филина – *үкі*. Рассмотренный пример *тақия* – это результат реставрации головного убора начала XX в., переданного на хранение в музей жительницей Кустаная Ибрашевой в 1977 г., что не противоречит мнению И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой, описавших пример использования позумента, кистей из канители и серебряных монет, широко использовавшихся на Севере Казахстана [1964, с. 107].

Бархатный вишневым камзол фиолетовой вставкой (7896 В 889), напоминающей по форме большой шалевый воротник, украшен двумя круглыми массивными застёжками *қапсырма* с плоскими треугольными «ушками» с отверстиями для пришивания. Они удобно соединяют полы камзола встык в верхней части и на уровне линии пояса. Прорезные горизонтальные карманы «в рамку» отделаны тканью. По периметру они украшены фигурной машинной строчкой. Вставка-«воротник», края пол, подол, пройма отстрочены машинным швом. Скорее всего, этот *камзол* принадлежал женщине солидного возраста. В нем использовано только одно лаконичное функциональное украшение.

Длинный красно-оранжевый камзол (6088-1-17-В-496) конца XIX в. прямого кроя с синей отделкой простеганного параллельными строчками полосы-вставки и косых прорезных с синей окантовкой карманов, по линиям пол и подола украшен монетами, пришитыми в один ряд. На левой поле утраченную монетку заменяет бляшка (пуговица?). Застегивается камзол двумя *қапсырма* со вставками. Верхняя *қапсырма* в левой части имеет вертикальное построение в ряд трех обрамлённых в касты овальных стёкол (?), вторая половина *қапсырма* состоит также из выстроенных по вертикали трех стёкол, но уже граненых. Нижняя *қапсырма* симметрична в построении трех круглых кастов с каждой стороны. В кастах по окружности уложены бусинки коралла (?), в маленьких кастах они повторяются между основными круглыми кастами. Лаконичный декор монетами дополняют *қапсырма*, вставки которых подобраны по цвету ткани камзола. Выразительный акцент в решении камзола сделан на сочетании сильных цветов ткани – красного и синего.

Бархатный оранжевый *камзол* с воротниковой контрастной зеленой полосой, простеганной машинной строчкой параллельными линиями по краям и зигзагообразной между ними (1524-1842), украшен тремя одинаковыми *қапсырма* с фестончатым абрисом (возникновение форм таких парных

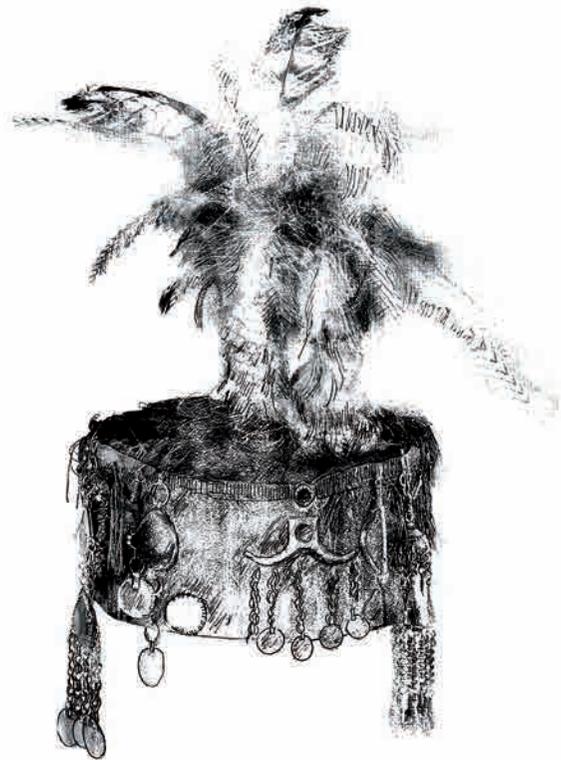

Рис. 25. Тақия/девичий головной убор.
Начало XX в. 2433. КОИКМ

застёжек мы отметили влиянием поясной фурнитуры древних тюрков). Декор на пластинах *қапсырма* выполнен штампом: в центре расположен солярный символ – полусфера, окруженная восьмью объёмами псевдозерни, в центре каждого фестона нанесены куполки полусфер. Овальная подвеска *ақық* на пуговичной «ножке» украшает среднюю часть воротниковой отделки. Две одинаковые круглые филигранные броши с центральным плоским сердоликом, окруженным мелкими, частично сохранившимися круглыми камнями бирюзы, расположены на левой поле в области груди, и на правой в области нижней части воротниковой полосы.

Эти образцы музейных камзолов принадлежат одному времени, на что указывает применяемый крой полосы, имитирующей воротник шалевого покроя. Об особенностях отделки воротов камзола в своё время И. В. Захарова и Р. Д. Ходжаева писали: «...в бассейне рек Тургая и Иргиза камзолы обычно обшивались по вороту широкой полосой материи другого (контрастирующего) цвета; ...» [1964, с. 88]. Тем не менее, они отразили разнообразие существовавших принципов расположения украшений для одежды.

К описанию камзолов с украшениями коллекции Костанайского областного историко-краеведческого музея можно добавить пример камзола, рисунок которого помещен в исследовании И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой [1964, с. 91, рис. 22]. Приталенный камзол (левая пола наверху) из Кокчетавской области расшит монетами, сгруппированными по три штуки и образующими треугольник. Они нашиты вертикальными рядами, создавая ритмичный рисунок декора, основанного на сетчатом раппорте.

Подобные фасоны рассмотренных камзолов встречаются в каталоге традиционной одежды ЦГМ РК. Время выполнения камзолов обозначено 1950-ми гг., а место, откуда они поступили, – это Кызылординская область [Традиционная одежда казахов, 2009, с. 146, 152].

Приведенные в каталоге примеры бархатных камзолов из Павлодарской области конца XIX – начала XX в. [Традиционная одежда казахов, 2009, с. 138, 142] дополняют рассмотренные образцы одежды из фондов Костанайского областного историко-краеведческого музея и представляют примеры использования резных перламутровых бляшек в общем декоре. Камзол красно-коричневого цвета (9667), полуприлегающий, с V-образным вырезом ворота украшен двумя рядами позумента по вертикалям пол, однорядным позументом по подолу и бахромой по линии талии. Перламутровые бляшки в чередовании с монетами нашиты между вертикальными рядами позумента. Бахрома – важная деталь в оформлении камзола, это древний символ плодородия народов Востока, что было отмечено в первой части исследования, – расположена на линии талии. Перламутр как оберег от сглаза в народных казахских поверьях активно присутствует в декоре камзола.

Второй полуприталенный камзол 1916 г., показанный в каталоге (13132 а), выполнен из бархата голубовато-зеленоватого цвета. По полам и V-образному вырезу горловины он обшит широкой полосой позумента, состоящего из двух разных узорных частей. По линии талии и подолу камзол украшен лентой бахромы. Перламутровые резные бляшки, монеты нашиты по внешним сторонам позумента пол до линии талии. На камзоле показана бронзовая застёжка с сердоликом, окаймленным кабошонами бирюзы.

Несколько другой пример расположения нашивных украшений в декоре одежды молодой женщины и мужчины показан в экспозиции Областного музея истории степного края в г. Аркалыке. Женский камзол по краям бортов, V-образного ворота и подола обшит фестончатым позументом. Угол между вертикалью полы и горизонталью подола выделен полосой позумента, который пришит по диагонали получившегося визуального треугольника.

Камзол дополнен двумя разными нагрудными украшениями *алқа*. Верхний ряд *алқа* прикреплен к плечевой части камзола и середине V-образного выреза ворота двумя половинками провисающих дуг.

Второе украшение, состоящее из верхней цепочки, нашитой так, что она создает впечатление плавной синусоидной линии, и второй нижней части, набранной из повторяющихся элементов и дополненной подвесками с монетами и металлическими элементами, находится на линии груди. Средние элементы этой части *алқа* – большие сердоликовые вставки в зубчатой оправе – одновременно служат парными застежками для скрепления пол камзола – *қапсырма*. Камзол дополняет серебряный пояс конца XVIII – начала XIX в. (3301), атрибутированный музейными сотрудниками. Он собран из металлических бляшек с центральной бирюзовой вставкой, ажурных соединений, завершен большой филигранной пряжкой с псевдозернью (позолоченной?) и дополнительными элементами, висящими вертикально слева и справа от пряжки – сердоликовыми и монетными.

По данным И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой, кустанайские саукелеобразные головные уборы, состоящие из основы – каркаса из картона или бумаги и белой ткани, – имели вид цилиндра или усеченного конуса. Ткань, которой обшивался каркас, спускалась складками на спину. Такой головной убор молодых женщин украшался позументом или галуном, а с боков – *үкіаяқ* или *тұмарша* [Захарова, Ходжаева, 1964, с. 125].

Следуя выводам исследований И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой, можно отметить, что головные уборы *кимешек* не были распространены у аргынов и кыпчаков Тургая (территория Костанайской области) [1964, с. 115, 122]. Показанный в экспозиции Костанайского областного историко-краеведческого музея головной шелковый убор *жаулық* (так называли *кимешек* казахи Среднего жуза) расшит орнаментальными полосами, в которых металлические прямоугольные бляшки – *шытра* – чередуются с прямоугольными участками вышивки (8896 В 1268).

Примеры представленных в музеях женских камзолов показывают важную прослеживаемую композиционную черту в распределении элементов – индивидуальное решение оформления общего костюмного декора нашиваемыми и прикрепляемыми украшениями.

В камзолах, кроме нашивных и прикрепляемых украшений, применялись текстильные техники декорирования – отделка позументом или галуном, машинной фигурной либо прямой строчкой. Линии отделки камзола напоминают замкнутый «бордюр». Такой приём оформления края одежды, видимо, можно соотнести с символическим значением применения опоясывающего узора как действенного оберега. В строгой графике машинной строчки, широко освоенной в конце XIX – начале XX в., повторяются некоторые орнаментальные геометрические или линейные мотивы, известные в тамбурной вышивке: *ирек*, *су* и т. д.

Другая особенность выражения «зрительного языка» рассмотренной одежды – это эмоциональный эффект восприятия колористического сочетания ткани камзола и деталей (ворота, карманов) отделки, отражающее народное понимание предпочтения и чувствования цвета, сложившееся в традициях длительного исторического времени. В большинстве приведенных примеров камзолов из Костанайского областного историко-краеведческого музея используется сочетание красного или его градаций и небольшого количества синего в отделке (6088-1-17-В-496, 1523-1841, 4734 В 259, 257-107, 4528 В 248). Такое сочетание цвета в одежде одновременно и динамично, и сдержанно-лаконично, что вполне можно отнести к выражению национального цветосимвола в одежде (но не только – в ворсовых коврах, например, видим подобное сочетание!), избирательному отношению к цветовой природной палитре кочевников-степняков, обладающих спокойно-медитативным характером восприятия. В других камзолах используется взаимно-контрастные или комплиментарные цвета, например, темно-синий – оранжевый, оранжево-

красный – зелёный (1523-1841, 6088-1-17-В-496), либо родственные цвета: оранжево-красный, густо-вишневый – желтый или оранжево-зелёный, бирюзовый – синий (1524-1842, 2259, 4370 В 214). Изысканно в камзоле соединение бархата винного цвета с плюшевой отделкой выразительного фиолетового цвета (7896 В 889).

Локальный цвет бархата или плюша в камзолах всегда насыщен свето-теневыми нюансами, зависящими от положения и направления высоты ворса, обусловленного текстурой и фактурой ткани. Бархат и плюш – тяжелые ткани, у Р. Барта описана семантика тяжести ткани: «...лучшей характеристикой ткани является ее физический вес; <...> то есть семантически (а не физически) материал тоже лучше всего характеризуется своим весом» [2003, с. 161]. Видимо, элитный бархат можно охарактеризовать как драгоценную ткань, достойную самой лучшей похвалы, дящейся с древнейших времён по наши дни.

Во всех рассмотренных музейных камзолах отдельные цветные пятна вставок камня либо смальты, стекла нашивных и прикрепляемых украшений, часто серебряных, становятся визуальным контрапунктом основного цвета камзола.

При проявленной свободе творческого использования украшений в костюме сохраняется понимание их глубинного семантического значения в общей системе равновесного расположения.

Нашивные украшения на камзолах по результатам исследования можно выделить в две группы:

- 1 – апотропеические, в основе своей представляющие мифологические символы, когда-то имевших смысл сакральных и сложившихся в течение тысячелетий существования истории и культуры Казахстана;
- 2 – более поздние сакральные исламские.

Обсуждение и выводы

Символическое изображение высших реальностей, актуальных для каждой исторической эпохи, обладает своими визуальными особенностями. Мы старались рассмотреть их в подробных описаниях композиций нашивных и прикрепляемых украшений. То есть, «...согласно Ю. Хабермасу, сакральная мифологическая символика – выражение регулярно актуализируемого нормативного согласия, образующего коллективную идентичность группы “мы”» [Савкина, 2012].

Духовные символы доисламской культуры не исчезли в конце XIX – начале XX в., они сохранились в архетипических знаках (круг – солнце, треугольник – гора и т.д.). Мифопоэтические и ранние религиозные образы: солярные и астральные символы, в том числе, свастические; бодом, мотив язычка пламени огня в зороастризме; грифон, символ защиты неба скифо-сакской эпохи, птицы, знак божественного верха, растительные и цветочные мотивы, как образы мирового Древа, воплощающего смысл вечной жизни, – встречаются в разных элементах украшений женской одежды. Выбранные мастерами материалы – сердолик, бирюза, коралл, перламутр, серебро – как образы символического относятся к древнейшим временам освоения мира человеком.

Проявление сакрального, которое исследователи категории определяют как «невыразимое» или «непостижимое», «священное» в топографии традиционной казахской одежды конца XIX – начала XX в. имеет символическое обозначение в понятных предметных знаках реального мира, отраженного в исламской культуре. Например, в нашем случае, – это сердолик, любимый камень Мухаммеда, несущий «благоденствие» по его словам, сохранившимся в памяти преданий; косточки финика (хурмы), отмеченные в народных сказаниях о передаче аманата Арслан бабой юному Ахмеду Яссави. На композиционном языке народных *зергер*ов символы ислама – луна и звезда –

трансформировались в мотив броши, сочетающей изображение луны и звезды, пять вершин которой символизируют пять столпов ислама. Каллиграфия, как визуальное воплощение смысла нуминозного, становится мотивом композиции пуговиц.

Пуговицы бусины, пуговицы с косточкой финика (хурмы), сердоликовые подвески – *акықтар*, обереги – *тұмаршалар*, *тұмарлар*, *бойтұмар*, *укіаяқ*, имеющие смысл важного символического сакрального оберега, обычно сконцентрированы в верхней части левой полы камзола.

Особые обережные функции имели монеты, как совершенные визуальные символические формы круга или солярного знака и реальный материальный эквивалент достатка, отражённые в желаемой множественности. Но не только: широко известно, что серебро обладало апотропейной семантикой защитного металла, поэтому монеты были более предпочтительны в выборе пришитых элементов в общем строе декора камзола. Иногда мы видим стремление заполнить большим количеством монет все поле левой полы камзола, либо только её нижнюю часть. Можно отметить ритмичную орнаментацию монетами разнообразных абрисов накладных и сложных прорезных криволинейных карманов. Но встречаются и другие приемы оформления украшениями камзола, например, лаконичный декор монетами в один ряд по обеим полам и подолу камзола дополняют *қапсырма*, вставки которых подобраны по цвету ткани камзола. Или, например, драгоценность ручной вышивки камзола ограничивает применение многих других украшений, кроме одной *қапсырма*, диктует умеренность в отделке ворота и карманов.

Таким образом, рассмотренные женские праздничные камзолы с нашитыми и прикрепляемыми украшениями можно отметить как определённую этносемиотизированную систему, в которой ярко проявляются знаковые качества и выбранного вида ткани, и цвета, и ювелирного убранства. У Р. Барта «...семиология <...>» обращена «к комплексу коллективных представлений» [2005, с. 43].

Как результаты изучения коллекционных собраний нашитых и прикрепляемых украшений традиционной народной одежды Сарыарки конца XIX – начала XX в. в ГМИ РК им. А. Кастеева, Областном музее истории степного края в г. Аркалыке, Костанайском областном историко-краеведческом музее, нами предложена систематизация и интерпретация украшений, отличающихся особыми визуальными достоинствами. Среди многих проблем исследования важным для нас оказался аспект постижения «глубины сокрытия смысла и стратегии его реконструкции» или этносемиотики (термин П. Г. Богатырева).

Рассмотренные примеры пуговиц – *түймелер* – разных эпох истории Сарыарки, помимо отмеченных художественных и функциональных достоинств, показывают, что они отличались семантическими уровнями: в эпоху бронзы и железа были «носителями» мифологических символов и стиля, отражая знаки солярного и солярно-астрального культа. В тюркском средневековье, и далее, в период сложения нации, пуговицы – это элемент одежды, показывающий включенность в практику следования международной культуре одежды и общения. В традиционное время «родовой памяти» пуговицы обладают признаками приверженности к мемориальным (функциям памяти) и религиозным исламским символам, т. е. информативной функции. Во все времена истории Казахстана пуговицы ещё и значимый оберег.

Парные застёжки – *қапсырмалар* – были систематизированы в основные группы по формально-стилистическим признакам. Так, в группе *қапсырма* круглых форм отмечены композиционные подобию бляхам с солярными символами и бордюрными пуансонными полусферами эпохи бронзы. Сакральная иконография грифона – главного образа эпохи железа – встречается в группе композиционных реплик народных парных застёжек рассматриваемого

времени. Группа фестончатых и с полусферами *қапсырма* отсылает к искусству тюрвтики древних тюрков. Круглые или овальные сердолики или другие камни (стекло, смальта) в зубчатой оправе и средокрестием как самостоятельные формы большой группы *қапсырма* напоминают венчики колец региона. Самостоятельную группу образуют парные застёжки с центральным камнем, чаще сердоликом (иногда декорированным исламской каллиграфией), окруженным мелкими кабошонами. Листовидные парные застёжки с горизонтальным S-видным построением формы символа зороастризма – бодом – свидетельствуют о проявленном увлечении казахских мастеров древним мотивом, ставшим популярным интернациональным орнаментальным образом многих изделий декоративно-прикладного искусства с XVIII в. Филигранные *қапсырма* – группа украшений, обладающих сложной технологией выполнения и престижным статусом, подвижной системой выбора формы, элементов композиции. Среди других, немногочисленных групп застежек, можно выделить *қапсырма* с образами летящих птиц, растительных мотивов, использованными монетами в виде бляшек, подвесок; перламутром и т. д. Солярный мотив *қапсырма* – ведущий, он выражен в разных способах визуальной интерпретации (круглые формы, мифологические символы, фестоны, полусферы, лучевидные гравированные линии от круглой вставки украшения).

Наряду с композиционным разнообразием сюжетов и форм *қапсырма* отмечались технико-технологические особенности выполнения застежек – штамп, литьё, чеканка, филигрань, зернь, сборка, гравировка, чернение и т.д. Крючки для сцепления блях парных застежек закрывались отдельным щитком – металлической гладкой или гравированной полусферой, или кабошонированным/плоским камнем в оправе. Иногда плоское продолжающееся поле левой части *қапсырма* с дополнительной орнаментальной композицией служило местом для паза широкого крючка, заводившегося с внутренней стороны правой части застежки. Довольно часто крючок использовался с внешней стороны *қапсырма*. Петля в этой системе крепления чаще выполнялась из проволоки. Некоторые застежки крепились при помощи штырька-костылька.

Қапсырма в системе декора камзола имеет особое апотропейное значение. В композиционных построениях парных бляшек застежек отразились не только мировоззренческие представления разных эпох истории Казахстана, но и гармония сопоставления ритма и пропорций, цветовых или монохромных пятен декора.

Отмечена особая роль в разных по формам и способам выполнения нашивных и прикрепляемых украшениях для одежды сердолика – камня, воплощающего древние апотропейные символические понятия, и исламские благопожелания.

В многочисленных сакральных сердоликовых подвесках – *ақықтар* – выделены две группы. В одной группе сердолик разных форм в оправе или в подобной системе крепления пуговиц бусин – лаконичная доминанта украшения, в другой – композиционное решение составного украшения свободно, и оно включает подвески, состоящие из цепочек с монетами, кораллами, декоративными бляшками.

Броши – *түйреуіштер* – систематизированы в несколько групп. В отдельную группу вошли украшения с волнообразным абрисом сочетания кривых линий – выпуклой и вогнутой, придающим брошам особую эмоциональность восприятия. В этих брошах присутствуют подвески с серебряными шариками, монетами, декоративными бляшками. Украшения других групп с круглыми и овальными формами разнообразны в композиционных решениях, они имеют фестончатые края, вариации центрического или буквенного орнамента, исламские символы.

Декоративные бляшки – *таналар* – представляют одну группу круговых центрических или бордюрных композиций с кружковым рельефным орнаментом либо сквозными отверстиями,

расположенными в определённом ритмичном порядке на поле, чаще всего, сияющего перламутра, наделённого народными поверьями обережной силой.

В функциональных украшениях – *тіс шұқығыштар*, *құлақ тазалағыштар* – зубочистках и уочистках, нередко повторяющих композиции и технологии, развитые в других видах украшений, обозначим специфические формы, характерные для них и отметим почитаемый в народе смысл оберега, нередко связанный с тюркским культом богини Умай.

Обобщая анализ формальных признаков систематизации элементов одежды, выделим, прежде всего, то, что многим нашивным и прикрепляемым украшениям присуще символическое выражение и «максимально свернутые тексты».

Сложность изучения мало сохранившейся традиционной одежды конца XIX – начала XX в. исследователи связывают со сложившимися условиями времени – распространением одежды промышленного производства и изменением социальных условий. Мы изучили лишь небольшую часть народной праздничной женской одежды – камзолы. Но и это количество одежды стало достаточным, чтобы убедиться: материалы наследия ювелирного творчества и одежды народных мастеров Сарыарки могут дополняться, и более полная картина изучения обязательно должна сложиться в процессе дальнейшего изучения коллекций других музеев Казахстана, России и других стран.

Особенности выполнения нашивных и прикрепляемых украшений для одежды в контексте изучения их региональных особенностей, формирующихся в результате взаимодействия различных климатических, территориальных, экономических и т.д. условий в административных районах Казахстана, позволяют констатировать, что это перспективная научная тема, помогающая осмыслить в целом культурное наследие народа, проживающего на огромной территории страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдусина С.А.* Пуговицы // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара = Ibn Fadlan's Journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar : кат. выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Изд. дом Марджани, 2016. С. 486.
2. *Акишев А.К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
3. *Акишев К.А., Акишев А.К.* Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: Өнер, 1983. 214 с.
4. *Арсланова Ф.Х.* Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Сер.: Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. III / под. ред. З. Самашева, сост. Б. Хасенова. Астана: издат. группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 409 с.
5. *Баркова Л.Л.* Образ орлиноголового грифона в искусстве Древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // АСГЭ. 1987. Вып. 28. С. 5–29.
6. *Барт Р.* Система Моды. Статьи по семиотике культуры // Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
7. *Бисенбаев А.К.* Мифы древних тюрков. Алматы: Ан-Арыс, 2008. 120 с.
8. *Борозна Н.Г.* Некоторые материалы об амулетах – украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975. С. 281–297.
9. *Варфоломеев В., Ломан В., Евдокимов В.* Кент – город бронзового века в центре казахских степей. Сер.: Материалы и исследования по культурному наследию. Т. XI. Астана: издат. группа Казахского НИИ культуры, 2017. 338 с.

10. Горелик М.В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 46–69.
11. Дроздова А.В. Специфика визуальных исследований в современном гуманитарном знании // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 254–259.
12. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / пер. с фр. Т.В. Цивьян. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1986. 234 с.
13. Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда (XIX – начало XX века). Алма-Ата: АН КазССР, 1964. 178 с.
14. Ибраева К.Т. Казахский орнамент. Алматы: Өнер, 1994. 128 с.
15. Калиева С.С., Колбина А.В., Логвин В.Н. Некрополь эпохи бронзы Джангильды 5. Костанай: КОИКМ, 2016. 208 с.
16. Калугина С.А. Этико-философский анализ феномена сердца: на материале русской философской культуры второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Тула, 2008. URL: <https://www.dissercat.com/content/etiko-filosofskii-analiz-fenomena-serdtsa-na-materiale-russkoi-filosofskoi-kultury-vtoroi-po>
17. Круглов Е.В. Государство гузов в памятниках археологии и по данным Ибн Фадлана // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара = Ibn Fadlan's Journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar: кат. выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Изд. дом Марджани, 2016. С. 197, 199.
18. Круткин В.Л. Кит Мокси: о визуальных исследованиях и иконическом повороте // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2011. Вып. 2. № С. 30–36.
19. Кукушкин И.А. Могильник Кызылколь. Курган 1 // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию юбилею В.Н. Логвина. Костанай–Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 392–405.
20. Ли Сонлан. Сюжеты и особенности золотых ювелирных изделий с территории Казахстана в свете взаимодействия традиций Востока и Запада: по материалам предметов культуры саков // Золото властелинов казахских степей. Совместный каталог Республики Корея и Республики Казахстан. Астана: Национальный научно-исследовательский Институт культурного наследия Республики Корея, Национальный музей Республики Казахстан, 2018. С. 445–493.
21. Логвин В.Н. Энеолитические находки у села Ливановка // СА. 1988. № 1. С. 232–234.
22. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 191–199.
23. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
24. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата: Өнер, 1986. Т. 1. 256 с.
25. Онгарулы А. Властелины степей Западного Казахстана (конец VI – IV вв. до н.э.) // Золото властелинов казахских степей. Совместный каталог Республики Корея и Республики Казахстан. Астана: Национальный научно-исследовательский Институт культурного наследия Республики Корея, Национальный музей Республики Казахстан, 2018. С. 100–131.
26. Попова Л.Ф. Девичья и женская одежда западных казахов в альбоме этнографических рисунков В.Н. Плотникова // Кунсткамера. 2019. № 2 (4). С. 120–129.
27. Постникова-Лосева М. Русская золотая и серебряная скань. М.: Искусство, 1981. 288 с.
28. Прокопенко В.М. Краткая история застёжек-крючков на Востоке. 2013. Ч. 1. URL: https://kitabhona.org.ua/costum_axess/obzorkruk1.html
29. Прокопенко В.М. Краткая история застёжек-крючков на Востоке. 2015. Ч. II – Восточная Европа. URL: https://kitabhona.org.ua/costum_axess/obzorkruk2.html
30. Реутов А.С. Визуальные исследования современной культуры: феноменологический аспект: дис. ... канд. философ. наук. Нижний Новгород, 2018. 154 с.
31. Савкина А.В. Понятие сакрального в условиях современного общества: дис. ... канд. философ. наук. М., 2012.

32. Самашев З. Вещевой комплекс Береля: состав и содержание // Археология и история Сарыарки: сб. науч. ст. Караганда: КарГУ им. Е. Букетова, 2012. С. 195–222.
33. Самашев З., Ермолаева А., Куц Г. Древние сокровища Казахского Алтая. Алматы: Өнер, 2007. 200 с.
34. Серова Е.А. Эволюция пуговиц в контексте формирования костюма // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2011. № 3. С. 28–33.
35. Смагулов Т.Н., Пересветов Г.Ю., Айлыбаев Т.К. Предварительные итоги раскопок курганов раннего железного века у п. Кызылтан // Маргулановские чтения–2014: м-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию академика А.Х. Маргулана. Алматы–Павлодар: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 221–229.
36. Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. СПб.: АО Славия, 2000. 346 с.
37. Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. 300 с.
38. Толеубаев А. Шиликтинский золотой курган Байгетобе // Золото властелинов казахских степей. Совместный каталог Республики Корея и Республики Казахстан. Астана: Национальный научно-исследовательский Институт культурного наследия Республики Корея, Национальный музей Республики Казахстан, 2018. С. 192–211.
39. Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахских мастеров. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 474 с.
40. Традиционная одежда казахов. Научный каталог / ред. Н. Алимбай. Алматы: Өнер, 2009. 344 с.
41. Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы. Опыт реконструкций. Лисаковск–Караганда: ТАИС, 2010. 176 с.
42. Уткин П.И. Русские ювелирные украшения. М.: Легкая индустрия, 1970. 164 с.
43. Фёдоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.
44. Хасенова Б.М. Средневековый Тургай: погребальные сооружения, жертвенно-поминальные комплексы, предметный мир // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография / отв. ред.: Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 51–97.
45. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кечиева З.Р. Бронзовые бляшки с изображениями из Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины Кыргызстана // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2017. Т. 16. № 3: Археология и этнография. С. 70–79.
46. Хурма. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D1%83%D1%80%D0%BC%D0%B0>
47. Шалимова Н. Стиль и бытование ювелирных украшений у народов Ближнего Востока. Традиции и современное состояние. URL: <https://www.uvedream.ru/index.php?option...article...2013-02-22...ru>
48. Шкляева С.А. К вопросу изучения торгайских серег салтовского типа // Актуальные проблемы археологии Евразии: м-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 18–19 октября 2016 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 551–564.
49. Шкляева С.А. Народное ювелирное искусство Сарыарки в коллекции ГМИ им. А. Кастеева // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография / отв. ред.: Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 12–49.
50. Шульга П.И. О назначении «поясных» бляшек на Верхней Оби и в Горном Алтае // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сб. науч. тр. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2008. С. 116–119.
51. Ювелирное искусство Казахстана XIX–XX вв. Каталог / авт. вступ. статьи Н.Б. Нурфеизова. Сост. Г.Б. Молдашева, Н.Б. Нурфеизова. Алматы: Атамура, 2008. 304 с.
52. Jewellery. Museum of the ethnography of the peoples of the USSR. L.: Aurora Art Publishers, 1988. 168 p.

1. 2 Гендерная символика эпохи средневековья по данным археологии

© Б. М. Хасенова

Введение

В эпоху Средневековья была написана одна из блистательных страниц истории Великой степи. Сложившееся в пределах евразийских степей этническое, культурное, экономическое многообразие на всем протяжении эпохи средневековья приводило к установлению разнообразных контактов и формированию единых пространств в значительных территориальных рамках. Эпоха Средневековья на территории Казахстана представлена различными археологическими, архитектурными памятниками, письменными документами и нашла свое отображение в традиционном фольклоре, топонимике. Это время, когда тюркскими и монгольскими племенами создавались степные государства и империи, родилась и распространилась самая молодая из мировых религий – ислам, а Великий шелковый путь достиг своего апогея в установлении связей между Востоком и Западом. Изучение этих страниц истории в археологии Казахстана связано с именами таких выдающихся ученых, как А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, Т. Н. Сенигова, Ф. Х. Арсланова, А. А. Чариков, С. М. Ахинжанов, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович, Е. А. Смагулов и другие. Результатом их работы стало изучение многих аспектов истории средневековых племен.

Важным направлением в изучении памятников эпохи Средневековья в археологии Казахстана являются гендерные исследования. Они не являлись предметом специального изучения, тем не менее, отечественными учеными был накоплен определенный опыт в этом направлении. Обзор археологической литературы, подготовленный в рамках данной главы, не претендует на окончательный, но в его рамках хотелось бы обратить внимание на основные тенденции в археологии нашей страны при освещении гендерных ролей прошлого. Представляется важным то, каким образом археологи использовали информацию о половой принадлежности в процессе изучения материальных свидетельств прошлого, как определения «мужчина» или «женщина» формировали направление исследования. Основным источником при этом выступает погребальный обряд племен рассматриваемой эпохи, входящих в состав различных государств – первых Тюркских каганатов, Кыпчакского, Кимакского, Огузского, Монгольского и других государств.

В настоящее время существуют различные определения термина «гендер», впервые введенного в 1955 г. американским исследователем Дж. Мани. В рамках данного исследования была использована следующая формулировка. Гендер – это «совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола <...>. Система норм поведения, предписывающая выполнение определенных половых ролей опирается на жесткие представления о том, что представляет собой “мужское” и “женское” в данной культуре <...> это “культурная маска” пола, определяемая нашими социокультурными представлениями» [Гендерные исследования, 2006, с. 449].

Гендерные исследования в средневековой археологии Казахстана

Гендерные исследования в Казахстане имеют важную роль в свете сложившейся в настоящее время ситуации с положением женщины. В обществе бытует мнение о том, что в прошлом женщина занимала высокое положение, в то же время апелляция к традициям, наоборот, ведет к ухудшению ее положения. В обосновании современного статуса казахской женщины необходимо обращение к археологическим и этнографическим данным. Исходя из этого, в рамках данной публикации акцентируется внимание на результатах изучения женской культуры эпохи средневековья.

Эти материалы дают основу для того, чтобы выяснить специфику социальных ролей людей прошлого. Сложившаяся в настоящее время ситуация в общественной и экономической жизни казахстанского общества, конечно, не предполагает восстановления традиций предшествующих эпох, но знание исторического контекста необходимо для того, чтобы государственная политика, общественное мнение могли оперировать корректными определениями мужских и женских прав и обязанностей, имеющими наполнение, обусловленное именно нашими особенностями в процессе развития.

Многие авторы XIX в. единодушны в том, что женщины в казахской степи занимали тяжелое положение. Они пишут о том, что на плечи женщин ложилась вся нагрузка домашних дел, уход за животными [Терещенко, Интернет-ресурс, с. 70; Евреинов, 1851, с. 86; Янушкевич, 2007, с. 252; Диваев, 2007, с. 226].

Для эпохи Средневековья по данным археологии выясняется, что были женщины, которые обладали какими-либо значимыми предметами вне зависимости от того, находились ли они в фертильном возрасте или нет. Археологические материалы позволили четко обозначить группу женщин зрелого возраста. Также выделяются предметы, имевшие высокую социальную значимость, которыми обладали женщины на всем протяжении жизни. Так, В. В. Тишин и Н. Н. Серегин при анализе погребального обряда тюрков Саяно-Алтая приводят данные, что наиболее разнообразный состав инвентаря, включающий не менее двух или трех «престижных» вещей (зеркала, украшенное конское снаряжение, серьги, чаще всего выполненные из драгоценных металлов), был обнаружен в погребениях женщин, возраст которых, если имелись заключения антропологов, составлял 45–60 лет [2005, с. 120–121]. В эпоху Золотой Орды наибольшее количество украшений в погребениях оказалось характерным для женщин, возраст которых составлял 14/16–60 лет [Каримова, 2011, с. 266].

Особый интерес представляет головной убор боктаг, который является неотъемлемой частью именно женского костюма. По данным З. В. Доде, термин *bocsa*, используемый французским монахом Вильгельмом де Рубруком, отображает монгольское *боктаг*. В китайских источниках его обозначают как *зу-зу* [Доде, 2008, с. 52]. В археологической литературе за ним закрепилось обозначение бокка [см. напр.: Крамаровский, 2001, с. 34]. Эта деталь костюма, по мнению исследователей, была имперским символом, такой убор носили на протяжении всей жизни женщины, чьи мужья состояли на военной или административной службе у великого хана [Доде, 2008, с. 53; Юрченко, 2013, с. 156]. Тем самым, как считает А. Г. Юрченко, боктаг был знаком принадлежности к определенной социальной среде [2013, с. 157].

Таким образом, для изучения статуса женщины в степном обществе важнейшую роль играют именно материалы эпохи Средневековья. Исходя из этого, была поставлена задача представить историографический обзор, содержащий в себе информацию о том, какие выводы были сделаны в археологии Казахстана при изучении пола и гендера, с акцентированием внимания на исследовании статуса женщины.

По мнению археологов, показателями гендерного статуса прошлых эпох являются детали погребального обряда и состав инвентаря. Значительные результаты в этом вопросе были достигнуты

известной исследовательницей кимакских древностей IX–XI вв. Ф. Х. Арслановой. В целом ряде своих публикаций она акцентирует внимание на роли и статусе женщины в кимакском обществе. Исходя из этого, необходимо обратить внимание на то, что Ф. Х. Арсланова стала новатором в казахстанской науке в области изучения гендерных отношений по данным археологии.

Уже в первых своих публикациях Ф. Х. Арсланова отмечает, что женские погребения, содержавшие специфические предметы украшений, такие как скульптурки рыб, птиц, дракона, личина, являлись центральными в составе длинных курганов и даже могильников [1981, с. 48–49]. Впоследствии накопление источниковой базы по археологии кимаков позволило исследовательнице скорректировать этот вывод о привилегированном размещении женщин в составе могильного пространства. Возможно, данное мнение о высоком положении некоторых женщин в кимакском обществе возникло у автора под влиянием сложившейся в советской археологии точки зрения о существовании у кочевых племен матриархата.

В дальнейшем она выявила, что девочек и женщин до 50 лет хоронили в южных (по преимуществу) или северных оградах по отношению к центральному мужскому погребению [Арсланова, 1998, с. 97]. Исследовательница подняла важный вопрос о статусе женщин, в состав погребального инвентаря которых входили такие предметы импорта, как бусы, китайские монеты, серебряные зеркала, подвески, а также специфические металлические изделия, связанные с языческими поверьями. Ф. Х. Арсланова пришла к выводу, что эти вещи могли принадлежать только представительницам социальной верхушки общества [1998, с. 104].

Также Ф. Х. Арсланова высказалась по поводу дифференциации мужского населения Кимакского каганата (рис. 1). Анализ погребального обряда воинских погребений позволил автору выделить группу, в состав инвентаря которой входили сабли. В свою очередь, она разделила владельцев сабель на две группы: в первую вошли обладатели «роскошных» сабель, во вторую – более скромных, их она характеризует как средний командный состав. Также она отмечает, что для погребений первой группы характерны более богатый и разнообразный инвентарь и наличие сопроводительных захоронений лошадей в количестве до четырех. Все это свидетельствует, по ее мнению, «о высоком ранге погребенных в их воинской и социальной иерархии» [Арсланова, 2013, с. 52].

Милитаризованный характер общества эпохи средневековья обусловил тот факт, что при публикации отдельных мужских погребений исследователи нередко ставили знак равенства между мужчиной и воином. Об этом свидетельствуют названия целого ряда статей, посвященных введению в научный оборот мужских погребений рассматриваемого времени, где устойчиво используется фраза «погребение воина» [Маргулан, 1959; Максимова, 1965; Курманкулов, 1980]. В русле этой традиции погребения мужчин и в современных публикациях продолжают обозначаться таким образом [Самашев, Чотбаев, 2012; Усманова, Дремов, Кожаметов, 2019; Тлеугабулов, 2019].

Особо следует отметить статью Л. Б. Ерзаковича, посвященную оседлой культуре позднего Средневековья Таласской долины [1972]. В ней опубликованы материалы уникального женского погребения, совершенного по обряду трупосожжения, обнаруженного на территории г. Тараз. Погребение датируется автором XIII–XIV вв. и интерпретируется им как женское с вопросительным знаком [Ерзакович, 1972, с. 100]. Наличие в составе погребального инвентаря двух зеркал позволяет снять знак вопроса в определении половой принадлежности. Также здесь была обнаружена импортная кашинная посуда, что свидетельствует, по мнению Л. Б. Ерзаковича, о том, что в рассматриваемое время на территории Таласской долины кризис городской культуры еще не наступил [1972, с. 101–102].

Накопление источниковой базы привело к тому, что в 1998 г. увидели свет две публикации, посвященные анализу состава инвентаря женских погребений. Одна из них уже была рассмотрена

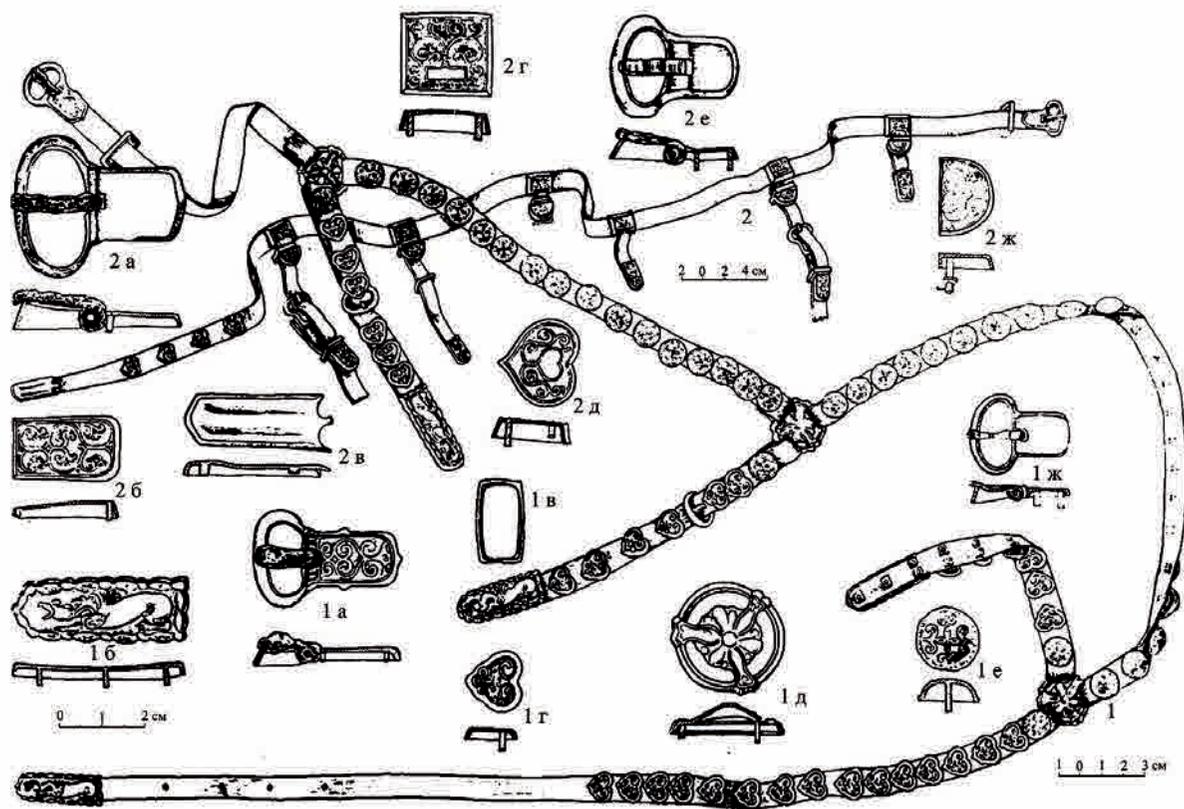

Рис. 1. Воинское снаряжение из кургана № 145 Зевакинского могильника
(по: [Арсланова, 2013, рис. 2])

ранее. Речь идет о статье Ф. Х. Арслановой «Женские погребения IX–X вв. с бусами из Казахстанского Прииртышья», посвященной всестороннему анализу предметов украшений из кимакских погребений [1998]. Во второй статье опубликованы сведения по нескольким погребениям с территории Западного Казахстана. Курган № 1 могильника Салтак I содержал погребение женщины XIII–XIV вв. Исследователи выделяют группу предметов, характерных именно для женских погребений. Она состоит из набора «зеркало-ножницы-серьга». В исследуемом кургане отсутствует серьга, но присутствует предмет, характерный для синхронных мужских погребений – бронзовая чашка [Бисембаев, Гуцалов, 1998, с. 154]. По мнению авторов, наличие бронзовой чаши и человеческого жертвоприношения в женском погребении подчеркивает ее высокую социальную значимость [Бисембаев, Гуцалов, 1998, с. 155].

Торевтика, используемая в эпоху Средневековья при оформлении костюма, воинского и конского костюма, неоднократно становилась в археологии Казахстана объектом специального изучения. Рассматривались как отдельные предметы, так и группы предметов. Так, в одной из статей В. Н. Настича подробно исследуется поясная накладка с надписью на арабском языке, которая переведена автором следующим образом: «От аллаха степень» [1975, с. 97]. Со ссылкой на данные письменных источников ученый приходит к выводу о том, что данный атрибут был знаком особого отличия, в свою очередь, надпись на его поверхности «можно трактовать как напоминание воину

о его месте и обязанностях» [Настич, 1975, с. 102–103]. Декоративному оформлению рубящего оружия кимаков посвящена статья Г. Г. Петеневой. Она отмечает, что «характерной особенностью сопроводительного инвентаря всех погребений с клинками является его многочисленность и богатство <...>. Клинки с декором сочетаются с богато украшенными поясными наборами и конской сбруей». В захоронениях, где были обнаружены клинки в ножнах без украшения или вообще без ножен, просто в ножнах или без них, также имеются предметы декоративно-прикладного искусства, но в более разрозненном виде и скромном ассортименте [Петенева, 2001, с. 98].

Анализ сопроводительного инвентаря позволяет уточнить вопросы половозрастной принадлежности погребенных. Так, А. З. Бейсенов и Д. И. Кожиков обратили внимание на миниатюрный размер стремени, обнаруженного в погребении юноши из кургана 1 могильника Жарлы-2, датируемого VI–VIII вв. (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл.) [Бейсенов, Кожиков, 2001, с. 161]. Они ссылаются на аналогичное наблюдение, сделанное ранее при изучении тюркских погребений Саяно-Алтая [Бейсенов, Кожиков, 2001, с. 160].

Авторы публикации, посвященной женскому погребению из поселения Тузусай (Жетысу), отмечают, что женских погребений времени поздних кочевников гораздо меньше, нежели мужских. Их отличают однообразие погребального инвентаря, в который обычно входило зеркало, серьги, головной убор боктаг, кожаный или шелковый мешочек [Григорьев, Чанг, Туртеллот, 2007, с. 136]. Обращение исследователей к данным этнографии позволило прийти авторам к выводу о том, что состав жертвенной пищи свидетельствует об уважительном отношении соплеменников к умершей женщине [Григорьев, Чанг, Туртеллот, 2007, с. 138]. В остальной статье посвящена вопросу хронологии и этнической атрибуции данного погребения, которое датируется авторами второй половиной XIII – началом XV в. [Григорьев, Чанг, Туртеллот, 2007, с. 138].

Развернутая характеристика погребений эпохи средневековья Западного Казахстана представлена в монографии А. А. Бисембаева. Памятники этой эпохи делятся им на три периода, для каждого из которых характерны и нюансы в гендерной информации. В огузо-печенежское время (VIII–XI вв.) практически только в мужских погребениях встречаются сабли, палаши, луки, стрелы, колчаны, кольчуги, панцири. В женских погребениях преобладают находки гребней, зеркал, отдельных украшений [Бисембаев, 2010, с. 91]. Для кыпчакского периода (XII–XIV вв.) характерна более четкая разница. Предметы вооружения присущи только для мужских погребений. В женских обнаружены бронзовые зеркала, железные ножницы, удила, серьги, берестяные трубочки [Бисембаев, 2010, с. 129]. Отдельно исследователь останавливается на таком украшении, как серьги. Этот аксессуар в рассматриваемое время получил большее распространение как деталь женского костюма. У мужчин использовалась, по-преимуществу, одна серьга, крепившаяся с левой стороны [Бисембаев, 2010, с. 138]. Также называется еще один атрибут женских погребений XIII–XIV вв., надежно диагностирующий половую принадлежность умерших. Речь идет о женском головном уборе боктаг или бокка [Бисембаев, 2010, с. 138, 152]. Несмотря на унификацию погребального обряда, связанную с процессом исламизации, начавшимся в середине XIV в., А. А. Бисембаев отмечает, что присутствуют некоторые различия, обусловленные половозрастными особенностями. По его мнению, женские и детские погребения совершались по упрощенному ритуалу [Бисембаев, 2010, с. 158].

Исследованию богатого женского погребения, обнаруженного на некрополе Бозок (Северная Сарыарка), посвящено несколько публикаций [Акишев, Хасенова, Мотов, 2008; Хабдулина, 2010; Хасенова, 2011; Хабдулина, Билялова, 2017, с. 49–50]. Особенности погребального обряда позволили авторам прийти к выводу о том, что умершая женщина была монголкой [Акишев, Хасенова, Мотов, 2008, с. 62]. В рамках последующих статей было выполнено обсуждение статуса этой женщины (рис. 2–3). В погребении были обнаружены фрагменты головного убора, состоящего из берестяного

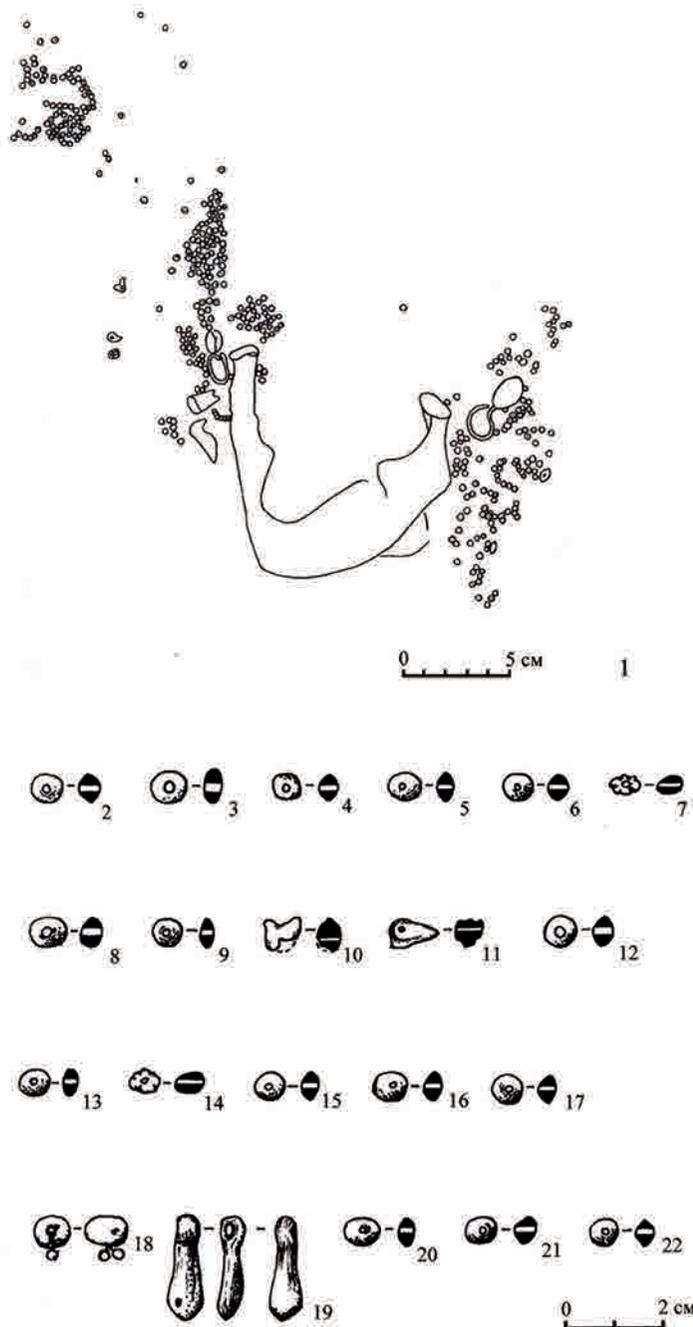

Рис. 2. Некрополь Бозок. Украшения, обнаруженные в женском погребении с боктаг (по: [Хасенова, 2011, рис. 1])

цилиндра и украшенного раковинами каури, жемчугом. По данным изобразительных и письменных источников, в рассматриваемое время такие головные уборы – боктаг или бокка носили представительницы элиты Монгольского государства (рис. 4). Автор обратила внимание на то, что эти уборы имеют схожее оформление со шлемом и пришла к выводу, что «значимость в женском костюме выражается, видимо, не в богатстве и количестве предметов украшений, а в наделии облика женщины элементами, социально престижными в рамках мужской культуры» [Хасенова, 2011, с. 452]. М. К. Хабдулина и Г. Д. Билялова отметили, что, судя по комплексу сопровождающих ее вещей (железные удила, кинжал), женщина участвовала в военных действиях [Хабдулина, 2010; Хабдулина, Билялова, 2017, с. 50]. Особенности изготовления таких головных уборов, обнаруженных на территории Центрального и Восточного Казахстана, рассмотрены в статье С. А. Пилипенко и Б. М. Хасеновой [2017].

При публикации амулета с изображением всадника, обнаруженного на городище Сидак (Туркестанский р-н, Южно-Казахстанская обл.), Е. А. Смагулов не ставил перед собой задачу обосновать его гендерную символику, он сконцентрировал внимание на доказательстве его местного изготовления, хронологии и круга аналогий. Изделие датируется VII–VIII вв. [Смагулов, 2014, с. 217].

При этом он высказал мнение,

что такое украшение может свидетельствовать о достаточно высоком статусе своего владельца – мужчины [Смагулов, 2014, с. 214].

Также рассматриваются отдельные компоненты погребального инвентаря как символы гендерной информации. По данным археологических и этнографических материалов выяснено, что

оформление области головы было для женщины в эпоху средневековья преимущественным (рис. 5) [Хасенова, 2012]. Зеркала, как яркий показатель гендерной идентичности в эпоху средневековья, рассмотрены в статье Б. М. Хасеновой и М. К. Хабдулиной. По их мнению, эта «категория предметов, начиная с эпохи Средневековья, на территории евразийских степей становится частью погребальных комплексов, принадлежавших именно женщинам. Возможно, круг бытования этих изделий – среди обычных повседневных – обусловил популярность и длительность существования иноэтничных образов, в которых прослеживается благожелательная символика, понятная или воспринятая населением Степи» [Хасенова, Хабдулина, 2017, с. 305].

Еще одним аспектом, свидетельствующим о высоком статусе мужчины-воина, конечно, является состав погребального инвентаря. У кимаков только в мужских погребениях обнаружены холодное оружие, копье, топоры, наборные пояса. Высокая значимость предметов вооружения хорошо известна по данным этнографии. Так, исходя из норм казахского права, на собрания мужчин надлежало являться с оружием. В случае его отсутствия мужчина лишался права голоса и уважительного к себе отношения, ему не уступали место младшие, что было высшей степенью непочтения. Сведения об этом сохранились у А. П. Левшина [1996, с. 370]. Несомненно, представители высшей кимакской знати и это явно мужчины, судя по составу инвентаря и наличию целой или целых туш лошадей, были погребены в двух или даже трех богато оформленных поясах (курганы 145, 254 Зевакинского могильника). Только для женских погребений характерно присутствие зеркал и пряслиц, специфических предметов украшений [Хасенова, 2019]. Именно вы-

Рис. 3. Бозок. Браслеты с львиноголовыми окончаниями из женского погребения с боктаг. Фото Б. Жапарова

Рис. 4. Бозок. Антропологическая реконструкция женщины из погребения с боктаг. Автор реконструкции Т.С. Балуева, фото А.С. Свиридова

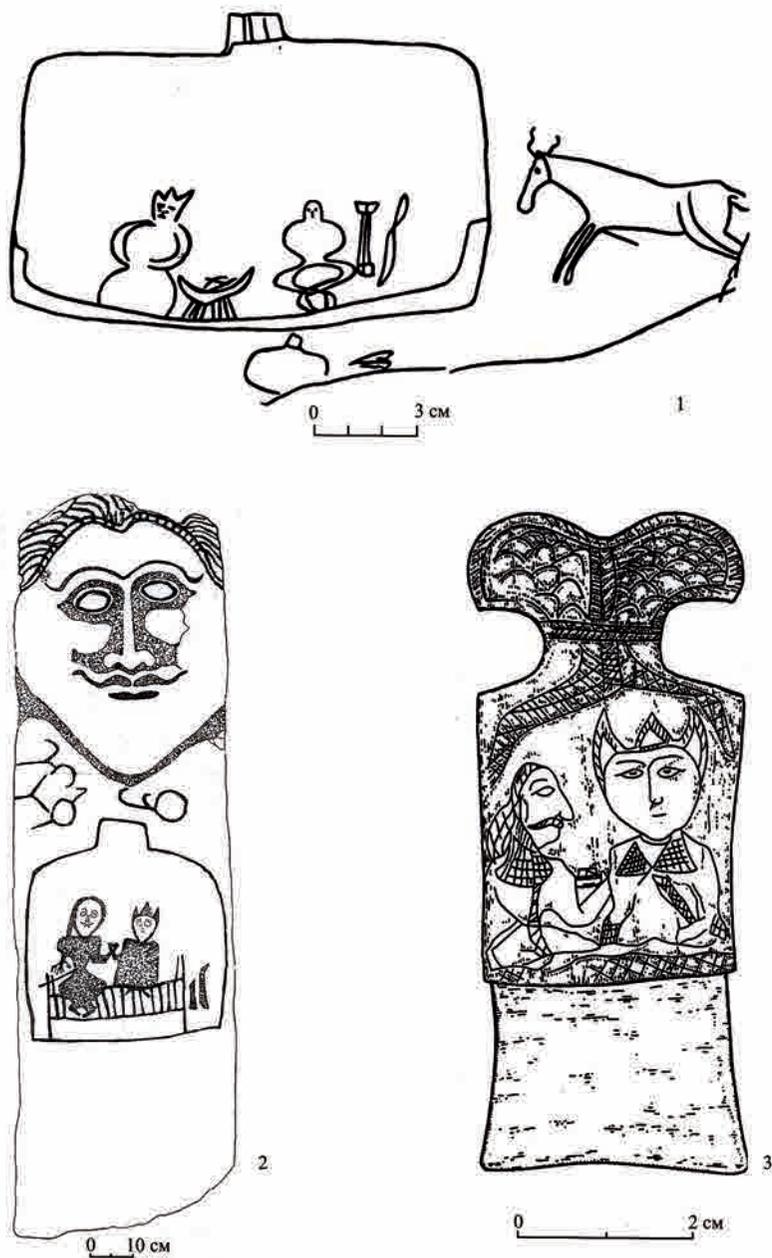

Рис. 5. Изображение сцены с мужчиной и женщиной с территории Алтая, Жетысу (по: [Хасенова, 2012, рис. 1])

соким статусом мужчины-воина можно объяснить выявленное и явное предпочтение при их погребении целой туши коня: его располагали практически всегда рядом с мужчиной. Интересно отметить нехарактерное для кочевников использование в качестве жертвенной пищи частей туши крупного рогатого скота. Эта жертвенная пища предназначалась преимущественно женщинам [Хасенова, 2019].

В статье А. А. Бисембаева и Г. А. Ахатова, посвященной публикации трех погребений представителей элиты Улуса Джучи, обнаруженных в Западном Казахстане, на основании анализа инвентаря одного из этих погребений отдельно оговаривается статус женщины. Погребения датируются периодом XIII–XIV вв., при этом авторы склоняются к тому, что наличие богатого сопровождающего инвентаря позволяет обозначить более узкую дату – в пределах второй половины XIII в. [Бисембаев, Ахатов, 2019, с. 75]. «В логической цепочке предметов “зеркало – ножницы – бокка”, наиболее присущих женским захоронениям этого времени, отсутствует проволочная серьга в виде знака вопроса. Но при этом найден элемент, характерный для синхронных мужских погребений – бронзовая чаша.

Наличие небольшой по размерам металлической посуды является отголоском обряда помещения в могилу казанов для подчеркивания социального статуса» [Бисембаев, Ахатов, 2019, с. 74–75].

Несомненно, важным событием в средневековой археологии Евразии стало недавнее обнаружение богатых мужских погребений на территории Алтая и Верхнего Прииртышья, богатого женского погребения из мавзолея Болган ана (Центральная Сарыарка). Они являются ценнейшим источником для дальнейшего изучения статуса мужчины и женщины в эпоху средневековья. На данный момент опубликованы предварительные результаты исследования могильников

Каракаба I–II, Аян, Туйетас, содержащие выводы исследователей о хронологии и этнической принадлежности этих памятников [Самашев, 2016; Омаров, Бесетаев, 2019]. Курганы № 9, 11, 12 могильника Каракаба I, курган № 4 могильника Каракаба II датируются VIII в. [Самашев, 2016, с. 409]. Курган № 1 могильника Аян, курган № 29 могильника Туйетас датируются IX–XI вв. [Омаров, Бесетаев, 2019, с. 40]. Введены в научный оборот материалы раскопок мавзолея Болган ана, время сооружения которого авторами определяется как XIII–XIV вв. [Касеналин, Есенов, 2019, 140 б.].

Важным источником для изучения гендера эпохи Средневековья стали каменные изваяния. Выяснение половой принадлежности изображенных на поверхности камня стало неотъемлемой частью научного поиска для исследователей, занимающихся данной тематикой. По мнению А. Х. Маргулана, изваяния эпохи первых Тюркских каганатов – это скульптурные портреты конкретных людей: племенных вождей, представителей высшей военной аристократии и прославленных воинов [2003, с. 36]. Такие памятники устанавливались для увековечения памяти погибших воинов и прославления их военных подвигов [Маргулан, 2003, с. 37]. Если воин убил одного врага, то ставился один камень, А. Х. Маргулан отмечает, что их число могло достигать 100 и даже 1000 [2003, с. 37].

Исследователь также обратил внимание на изменения в иконографии изваяний с наступлением кыпчакской эпохи. Он отметил, что у мужских изваяний исчезают доспехи, у женских – чаши, которые названы А. Х. Маргуланом поэтично чашами изобилия [2003, с. 37]. В кыпчакское время изваяние изображает скульптурный портрет главы патриархальной семьи [Маргулан, 2003, с. 39]. Дальше он поясняет, что изваяния у курганов и юртообразных сооружений – это скульптурные изображения мужчин и женщин, певцов и языческих жрецов – баксы (ядачи) [Маргулан, 2003, с. 41]. Отдельно автор останавливается на особенностях иконографии женских изваяний. По его мнению, в кыпчакское время распространена реалистическая трактовка женской фигуры [Маргулан, 2003, с. 43]. Необходимо обратить внимание на манеру, используемую исследователем для описания изваяний. Так, он останавливается подробнее на одном из изваяний, которое передает образ молодой женщины келиншек в головном уборе желек, с высоким коническим верхом: «Мягко и изящно переданы фигура и детали одежды, контуры головы и бюста, очертания лица, щек, глаз, рта, миниатюрного носа» [Маргулан, 2003, с. 44]. Согласно этнографическим данным, обычно такой головной убор женщины одевали через некоторое время после свадьбы [Маргулан, 2003, с. 44].

Анализ представительной серии изваяний VI–VIII вв. из Жетысу был выполнен Я. А. Шером. Зафиксированы мужские изваяния с сосудом и оружием в правой руке, мужские и неопределимые по полу изваяния с сосудом в правой руке, без оружия, мужские изваяния с сосудом в обеих руках, женские изваяния с сосудом в обеих руках. В двух последних группах от мужских изваяний женские отличаются только признаками пола, эта особенность может указать на семантические особенности [Шер, 1966, с. 26]. Исследователь обратил внимание на изобразительные особенности женских фигур из Жетысу. По его мнению, древние скульпторы изобразили именно девичью грудь, а не грудь-женщины-матери. Тем самым, как считал Я. А. Шер, скульптор хотел подчеркнуть особый социально-культурный характер девы-прародительницы [1966, с. 62]. При выяснении семантики этого образа, автор приводит легенду о происхождении племени хуйху (уйгуры). По его мнению, такие изваяния воспроизводят облик дочери хуннского шаньюя, которая вышла замуж за волка и стала родоначальником племени хуйху [Шер, 1966, с. 63].

Представляет интерес атрибуция так называемого Урнекского клада, состоящего из шести изваяний [Сенигова, 1972, с. 118–119]. Автором использована народная этимология: кемпир-тас – старуха, бала-тас – юноша, аксакал-тас – старец, кси-тас – воин, келиншек-тас – девушка. Описание скульптуры пожилой женщины сопровождается такими эпитетами: провалившийся рот, прищуренные глаза, молодой женщины – миндалевидные глаза, изящные брови, круглые, слегка

покатые плечи. По мнению исследовательницы, эти изваяния отображают облик конкретных умерших людей и демонстрируют обряд поминовения усопших. Они датируются VI–VIII вв. [Сенигова, 1972, с. 119].

Иконографии группы изваяний – с «трехрогим» головным убором или «трехрогой» тиарой посвящена статья С. М. Ахинжанова. Была осуществлена большая работа по определению семантики, хронологии и этнической принадлежности таких изваяний. Время их бытования определяется автором IX–X вв. [Ахинжанов, 1978, с. 76]. Поиск аналогий позволил автору прийти к выводу о том, что перед нами предстает облик женщин-шаманок. Их возведение, по мнению ученого, связано с почитанием женских духов и свидетельствует о пережитках матриархата в кимакской и кыпчакской среде [Ахинжанов, 1978, с. 79].

Еще один интересный обзор иконографии каменных изваяний эпохи средневековья был выполнен А. А. Чариковым. Изучив изваяния с территории Прииртышья и Жетысу, он выделил несколько стилистических групп, в пределах которых изображения мужчин и женщин имели свои особенности. В одной из публикаций, посвященной изваяниям с территории Прииртышья, исследователь делит изваяния по стилю на две группы: первая датируется VII–VIII вв., вторая – IX–XI вв. [Чариков, 1976, с. 162]. Он отмечает, что женские изваяния первой хронологической группы отличаются отсутствием оружия, усов, бороды [Чариков, 1976, с. 155]. Для второго периода характерно большее количество нюансов в проработке образа человека. Половую принадлежность по-прежнему можно определить по наличию или отсутствию усов, бороды, но мужские фигуры более стеловидны. «Для женских характерно подчеркивание признаков пола не только в деталях (груды, стилизованные румяна), но и в общих очертаниях статуи (покрывала). Следует отметить, что на женских скульптурах достаточно отчетливо заметны чуть выдающийся вперед живот и слегка расширенные бедра, а также сердцевидная фигура, прочерченная ниже пояса» [Чариков, 1976, с. 160]. Дальнейшие изыскания позволили исследователю расширить список особенностей, определяемых гендерной принадлежностью изображенных.

Несмотря на то, что исследователь в своих публикациях акцентировал внимание на стремлении древних скульпторов передать портретное сходство, он выразил солидарность с учеными, которые связывают традицию изготовления статуй с культом предков и видят в них обожествленного вождя, знатного воина или Мать (Деву) – покровительницу рода [Чариков, 1980, с. 224].

При расшифровке семантики изобразительных элементов каменных изваяний древнетюркского времени Ю. А. Мотов обратился к искусству эпохи ранних кочевников. Анализ особенностей изображения женских и мужских персонажей рассматриваемого времени позволил прийти к интересному выводу. Женский персонаж изображается сидящим, голова покрыта убором и «не касается Неба». Мужской персонаж не касается ногами земли, так как сидит на лошади, но, в свою очередь, обнаженной головой «достаёт до Неба». Таким образом, иконография изображений представляет женщину как «существо, связанное с хтоническим миром, и мужчину, связанного с верхней, небесной сферой» [Мотов, 2000, с. 99].

Объектом изучения казахстанских археологов также стало уникальное святилище древних тюрков, расположенное на высокогорном плато в верховье р. Мерке (Жамбылская обл.). По данным А. М. Досымбаевой – ведущей исследовательницы этого памятника, было выявлено 62 изваяния, 29 из которых являются женскими [2002, с. 77]. Представляет значительный интерес разнообразное размещение женских изваяний. В случае, если они были одиночными, располагались в центре насыпи культово-поминального сооружения или в пристройке к нему с восточной стороны. Встречаются парные изваяния: статуи мужчины и женщины также находятся в центре насыпи. Есть варианты с размещением изваяний лицами друг к другу. Имеются также композиции с участием одного мужского и нескольких женских персонажей [Досымбаева, 2002, с. 78].

Исследовательница подробно останавливается на анализе иконографии изваяний женщин. По мнению А. М. Досымбаевой, портретные характеристики индивидуальны. Акцент сделан на верхней части торса, голове. «Ваятель портрета женщины выделял конкретный образ, в котором читаются этническая, социальная, возрастная и личностная характеристики. Социальное положение женщины показано наличием таких украшений, как гривны, нагрудные бляшки, височные подвески» [Досымбаева, 2002, с. 81–82]. Автор считает, что изображены женщины, роль которых в обществе была более чем значимой [Досымбаева, 2002, с. 83]. К этому выводу она приходит на основании широкого круга аналогий и привлечения данных этнографии.

Углубленный анализ иконографии изваяний Сарыарки тюркского и кыпчакского времени был выполнен в монографии Л. Н. Ермоленко. Прослежены гендерные отличия и особенности мировоззрения рассматриваемых периодов эпохи Средневековья [Ермоленко, 2004].

Статья коллектива авторов под названием «Если взглянуть под чашу...» содержит информацию об изваянии кыпчакского времени, обнаруженном в урочище Кызлы (Улутауский р-н, Карагандинская обл.). В углублении под донной частью сосуда имелась выпуклость цилиндрической формы диаметром около 2 см, высотой 1 см. В центре выпуклости имеется небольшая ямка, которая имеет легкую залощенную поверхность и отличается жирным блеском и более темным цветом. В 30 см ниже выпуклости между ног фигуры выполнен контурной выбивкой равнобедренный треугольник [Усманова и др., 2016, с. 95–96]. По мнению авторов, данные элементы соотносятся с особенностями строения и физиологическими свойствами женского организма. Для того, чтобы доказать свою точку зрения, исследователи приводят этнографические свидетельства почитания камней, каменных изваяний, связанного с культом плодородия [Усманова и др., 2016, с. 99–100].

Возможности использования данных топонимики для изучения семантики каменных изваяний апробированы А. Жунисхановым. В местности Кокентау были обнаружены изваяния, которые автор относит к кимакскому времени. Рядом с известным мавзолеем Козы Корпеш и Баян Сулу находится гора, которая тоже имеет название «Кокентау». Автор приводит данные письменных источников. Он приводит сведения о том, что у сары-уйгуров имелось божество рода и жизни Кокен. Возможно, по мнению исследователя, появление этого оронима связано с тем, что здесь находилось место, предназначенное для почитания женского божества [Жунисханов, 2018].

Значительный интерес представляет метод, апробированный выдающимся археологом, «отцом» казахстанской археологии А. Х. Маргуланом. Изучив архитектурные памятники эпохи средневековья, ученый использовал данные устной традиции, тем самым произошло своеобразное «очеловечивание» объектов археологии. Блестящее знание казахской традиционной культуры позволило А. Х. Маргулану выяснить, что эти великолепные архитектурные сооружения, возвышающиеся на степных просторах, некогда были возведены в честь конкретных личностей. Конечно, вряд ли возможно утверждать определенно об истинности сохранившихся в устной традиции сведений, тем не менее, эти данные являются важным историческим источником со значительным потенциалом.

В одном из своих исследований, посвященном древней и средневековой архитектуре Казахстана, он приводит интересные сведения о некоторых мавзолеях, возведение которых относится к эпохе Средневековья. О мавзолее Жубан-Ана (Жубанш-аулие) приводятся данные Ч. Валиханова, который писал: «Жубан-Ана считается кайсаками за усыпальницу святой (аулие). На ней много “жалау”, оставляемых всякими проезжающими в честь ее святости» (по: [Маргулан, Басенов, Мендикулов, 1959]). Далее он сообщает: «В районе слияния рр. Каракенгир и Сарыкенгир, в 7 км южнее мавзолея Алаша-хана и в 30 км к северо-западу от мавзолея Жошы находятся развалины крепости, где по казахским народным преданиям была орда младшей жены Жошы-хана. Недалеко от этого места находятся руины обширного некрополя и мавзолеев из жженого кирпича, купола

которых были покрыты голубой глазурью. Некрополь известен под названием Келинтам, здесь находится усыпальница одной из жен Жошы-хана» [Маргулан, Басенов, Мендикулов, 1959].

А. Х. Маргулан сообщает любопытную версию о назначении загадочных ритуальных сооружений тюркского и кыпчакского времени, носящих название «дын», «дынг», «дынгек». «Каменные пирамиды “дынгек” сооружались перед свадебными торжествами ханских дочерей или знатных особ для того, чтобы они имели возможность окидывать взором собравшихся джигитов и выбирать себе жениха» [Маргулан, Басенов, Мендикулов, 1959]. Легенды о некоторых таких сооружениях, связанные с именами женщин, приведены М. Кожа [2016].

Важным источником в рамках рассматриваемой темы также являются уникальные детали интерьера дворца на цитадели городища Куйрук-тобе (Отрарский р-н, Южно-Казахстанская обл.) с изображением мужских и женских персонажей, выполненные на деревянной поверхности. Разрушение дворцового комплекса произошло, по мнению М. Кожа, в VIII в. [2015, с. 35–36]. Автор считает, что среди изображенных на поверхности деревянных плах персонажей имеются божества тюркского пантеона. Анализ изобразительных деталей и их соотношение с данными этнографии позволил автору прийти к выводу, что перед нами предстают образы Тенгри и Умай [Кожа, 2015, с. 38–45].

Выводы

Таким образом, гендерные исследования в археологии Казахстана при изучении памятников эпохи средневековья получили определенное развитие. Необходимо отметить, что в первую очередь на задачи, которые ставили перед собой исследователи на протяжении длительного времени при изучении эпохи Средневековья, влияла источниковая база. Именно этим, по-видимому, можно объяснить, что только при наличии значительного количества погребений в публикациях присутствуют рассуждения авторов по поводу различий в погребальном обряде и инвентаре, обусловленные гендерной принадлежностью.

При исследовании женских погребений авторами акцентируется внимание на их высоком социальном статусе. Публикация же мужских погребений предполагает акцент на выяснении хронологии и этнической принадлежности. Показателями высокого статуса женщины выступают, по-преимуществу, определенные предметы, например, предметы импорта или головной убор боктаг или бокка, являющийся, согласно изобразительным и письменным источникам, деталью костюма знатных женщин Монгольского государства.

Также осуществлен поиск определенных предметов, которые являются символами гендерной принадлежности. Для мужских погребений эпохи Средневековья характерны предметы вооружения, наборные пояса. Для женских – зеркала, серьги, ножницы. Выявлено, что состав и количество жертвенных животных и жертвенной пищи также имел свои нюансы в зависимости от пола умершего человека.

Милитаризованный характер общества в эпоху средневековья обусловил широкое использование формулировки «воин» по отношению к мужчине. В публикациях, посвященных женщине, исследователи рассуждают о том, что они могут быть служительницами культа.

Значительное внимание гендерным отличиям уделено при исследовании каменных изваяний рассматриваемого времени. Гендерные различия, выделяемые при анализе иконографии каменных изваяний, выступают основополагающим источником для определения хронологии археологических объектов. Что касается того, кто был изображен в камне, у казахстанских исследователей бытует мнение, что изваяния представляют собой обобщенные представления о предках, но воспроизводят облик конкретных людей.

Необходима дальнейшая работа в обосновании статуса женщины эпохи Средневековья. Если статус мужчины в степном обществе в связи с высокой степенью милитаризованности декларировался с помощью предметов вооружения, конского снаряжения, костюма, то важно выяснить, какие причины обусловили престижность тех или иных предметов в составе инвентаря женских погребений.

При обосновании высокого или же особого мужского, женского статуса отечественными исследователями использовались, по-преимуществу, данные этнографии. Перспективным представляется также обращение к фольклорным данным, письменным источникам. Интересная корреляция письменных и археологических сведений была предложена востоковедом В. В. Тишиным и археологом Н. Н. Серегиним, подготовившими исследование на тему «Положение женщины в древнетюркском обществе» [2015]. Отечественными исследователями накоплен определенный опыт в изучении образа женщины по данным письменных источников, фольклора, которые необходимо сопоставить с данными археологических материалов [Мусабекова, 2016; Отелбаева, 2017; Шаймердинова, 2018].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев К.А., Хасенова Б.М., Мотов Ю.А. К вопросу о монгольских погребениях XIII–XIV вв. (по материалам некрополя городища Бозок) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: м-лы Международного полевого семинара (г. Астана, 29–30 июля 2004 г.). Астана: ЕНУ им Л.Н. Гумилева, 2008. С. 56–65.
2. Арсланова Ф.Х. Культурные предметы из женских захоронений Прииртышья // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири: сб. науч. ст. Томск: изд-во Томского университета, 1981. С. 48–49.
3. Арсланова Ф.Х. Женские погребения IX–X вв. с бусами из Казахстанского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана: сб. научн. ст. / отв. ред. З. Самашев. Алматы; М.: Наука, 1998. Вып. 2. С. 97–109.
4. Арсланова Ф.Х. Воинские захоронения кимаков в Зевакинском могильнике / Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Материалы и исследования по археологии Казахстана / под ред. З. Самашева, сост. Б. Хасенова. Т. III. Астана: изд. гр. филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. С. 28–92.
5. Ахинжанов С. М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана: сб. научн. ст. Алма-Ата: Наука КазССР, 1978. С. 65–79.
6. Бейсенов А.З., Кожяков Д.А. Средневековые памятники Центрального Казахстана // ИАС. 2001. Вып. 2. С. 150–164.
7. Бисембаев А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе: Актюбинский государственный пединститут, 2010. 248 с.: ил.
8. Бисембаев А.А., Ахатов Г.А. Элитные погребения периода Улуса Джучи, изученные в Актюбинской области // ПА. 2019. № 2 (28). С. 61–77.
9. Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Новые памятники древних и средневековых кочевников Казахстанского Приуралья // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. С. 152–161.
10. Гендерные исследования. Региональная антология исследований из восьми стран СНГ: Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана и Узбекистана. М.: «Вариант», 2006. 512 с.
11. Григорьев Ф.П., Чанг К., Туртеллот П. Погребение женщины позднекочевнического времени на поселении Тузусай // ИАС. 2007. Вып. 3. С. 129–139.
12. Диваев А. Казахское народное творчество. 2-е изд., доп. Библиотека казахской этнографии. Т. 15. Астана: «Алтын кітап», 2007. 318 с.

13. *Доде З.В.* К вопросу о боктаг // РА. 2008. № 4. С. 52–63.
14. *Досымбаева А.М.* Образ женщины в монументальном искусстве тюрок средневекового Казахстана // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. 2002. № 1. С. 75–91.
15. *Евреинов А.* Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда / Оттиск из журнала «Современник». Т. XXIX. 1851, октябрь. URL: <http://kazneb.kz/bookView/view/?brId=1555733&lang=ru>
16. *Ерзакович Л.Б.* Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья в Таласской долине // Поиски и раскопки в Казахстане: сб. научн. ст. / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 98–106.
17. *Ермоленко Л.Н.* Средневековые каменные изваяния Казахстанских степей. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с.
18. *Жунисханов А.* «Көкентау» оронимінің этимологиясы хақында // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі: Халықаралық форум (Өскемен қ., 7 қыркүйек 2018 ж.). Өскемен: ШҚО әкімдігі, 2018. 117–122 бб.
19. *Каримова Р.Р.* К вопросу о половозрастном аспекте, объективированном в элементах убранства и аксессуарах костюма кочевников Золотой Орды // Золотоордынское наследие. 2011. Вып. 2. С. 263–272.
20. *Касеналин А.Е., Есенов С.Г.* Улытау өңіріндегі Алтын Орда дәуірі ескерткіштерінде жүргізілген зерттеулер // Сарыарқа және Алтын Орда: уақыт пен кеңістік. Алтын Орданың 750 жылдығына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары (Қарағанды қ., 23–25 қазан 2019 ж.). Алматы: «Delix printer», 2019. 138–142 бб.
21. *Кожя М.* Изображения Тенгри и Умай на резном дереве из Отрарского оазиса // Народы и религии Евразии. 2015. № 8. С. 34–47.
22. *Кожя М.* Огузские поминальные храмы // Народы и религии Евразии. 2016. № 9. С. 85–101.
23. *Крамаровский М.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2001. 364 с.
24. *Курманкулов Ж.К.* Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана: сб. научн. ст. / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 191–197.
25. *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: «Дайк-пресс», 1996. 656 с.
26. *Максимова А.Г.* Погребение воина XIV в. // Вестник АН КазССР. 1965. № 6 (243). С. 85–91.
27. *Маргулан А. Х.* Раскопки погребения воина XIV в. в долине р. Нура // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 248–261.
28. *Маргулан А.Х.* Каменные изваяния Улутуа / Маргулан А.Х. Сочинения в 14 т. / Сост. Д.А. Маргулан, Д. Маргулан. Алматы: «Дайк-Пресс», 2003. Т. 3–4. 50 с.: ил.
29. *Маргулан А.Х., Басенов Т.К., Мендикулов М.М.* Архитектура Казахстана. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1959. 170 с.
30. *Мотов Ю.А.* Головной убор в изобразительной традиции древнетюркской эпохи (на материале каменных изваяний) // Культуры степей Евразии 2-ой половины I тысячелетия н.э.: тез. докл. III Междунар. археол. конф. Самара: областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2000. С. 145–151.
31. *Мусабекова У.А.* Образ женщины в мифе, фольклоре, тюркской литературе (на материале тюркской культуры) // Неофилология. 2016. Т. 2. Вып. 4 (8). С. 35–40.
32. *Настич В.Н.* Поясная накладка из Отрара // Древности Казахстана: сб. научн. ст. / отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1975. С. 97–105.
33. *Омаров Г., Бесетаев Б.* Средневековые кочевники Восточного Казахстана (по материалам могильников Туйетас и Аян) // Ұлы Дала: тарих пен мәдениет. III том. Көне түркілер әлемі. Көрме каталогы. Нұр-Сұлтан: ТОО «Ехронат», 2019. 34–41 бб.
34. *Отелбаева Д.М.* Образ женщины в древнетюркском мире: хранительница очага, Орды, Родины // Приволжский научный вестник. 2017. № 2 (66). С. 44–47.
35. *Петенева Г.Г.* Декоративное оформление рубяще-колошечного оружия средневековых кочевников Прииртышья // ИАС. 2001. Вып. 2. С. 87–99.
36. *Пилипенко С.А., Хасенова Б.М.* Об одном типе головных уборов из средневековых погребений Сарыарки // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха: коллективная монография / отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 98–114.

37. Самашев З.С. Памятники средневековых кочевников верховий р. Каракаба в Казахском Алтае // Алтай в кругу евразийских древностей: коллективная монография, посвящ. 70-летию со дня рождения В.Д. Кубарева / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 379–409.
38. Самашев З.С., Чотбаев А. Древнетюркский воин-музыкант из Казахского Алтая // Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна реки Урал: м-лы Междунар. науч. конф. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2012. С. 280–288, цв. вкл.
39. Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз / отв. ред. А.Х. Маргулан. Алма-Ата: Наука, 1972. 219 с.
40. Смагулов Е.А. Бронзовый амулет из Сидака // ПА. 2014. № 1 (7). С. 206–222.
41. Терещенко А. Следы Дешти-Кыпчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда // Внутренние известия. Отгиск. URL: <http://kazneb.kz/bookView/view/?brId=1557840&lang=ru>
42. Тишин В.В., Серегин Н.Н. Положение женщины в древнетюркском обществе // Историческая психология и социология истории. 2015. № 1. С. 109–127.
43. Тлеугабдулов Д.Т. Воинские погребения золотоордынского времени Северной Сарыарки // Сарыарқа және Алтын Орда: уақыт пен кеңістік. Алтын Орданың 750 жылдығына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары (Қарағанды қ., 23–25 қазан 2019). Алматы: «Delix printery», 2019. С. 204–214.
44. Хабдулина М.К. Кыпчакская «амазонка» из Верхнего Приишимья // Народы Евразии: традиции и современность: м-лы казахстанско-российского науч. семинара. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2010. С. 111–117.
45. Хабдулина М.К., Билялова Г.Д. Обмен и трансфер культурных достижений золотоордынской эпохи в погребальном комплексе из Восточного Дашт-и Кыпчака // Stratum plus. 2017. № 6. С. 43–52.
46. Хасенова Б.М. Костюм знатной женщины золотоордынского времени: бокка, шелк, жемчуг // Вопросы археологии Казахстана: сб. науч. ст. / отв. ред. А.З. Бейсенов. 2011. Вып. 3. С. 447–454.
47. Хасенова Б.М. Женский головной убор: определение гендерной идентичности в кимакском обществе // Кадырбаевские чтения–2012: м-лы Междунар. научн. конф. (г. Актобе, 14–15 ноября 2012 г.). Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012. С. 365–372.
48. Хасенова Б.М. Гендер в кимакском обществе по данным археологии // Международный научный журнал edu.e-history.kz. 2019. № 4 (20). URL: <http://edu.e-history.kz/en/publications/view/1316>
49. Хасенова Б.М., Хабдулина М.К. Зеркала в погребальной обрядности населения Золотой Орды // ПА. 2017. № 4 (22). С. 297–309.
50. Усманова Э.Р., Дремов И.И., Кожжахметов Б.С. Погребения воинов из Улуса Джучи (по материалам могильника Карасуыр, Улутау) // Сарыарқа және Алтын Орда: уақыт пен кеңістік. Алтын Орданың 750 жылдығына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары (Қарағанды қ., 23–25 қазан 2019). Алматы «Delix printery», 2019. С. 171–184.
51. Усманова Э.Р., Ермоленко Л.Н., Мкртычев Т.К., Антонов М.А. Гендерная символика на средневековом каменном изваянии // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 17. С. 94–108.
52. Чариков А.А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана // СА. 1976. № 4. С. 153–165.
53. Чариков А.А. Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности евразийских степей: сб. науч. ст. М.: Наука, 1980. С. 213–234.
54. Шаймердинова Н.Г. Образ женщины в рунических памятниках: преемственность традиций // Женщины-ученые Беларуси и Казахстана: м-лы Междунар. научн.-практ. конф. (г. Минск, 1–2 марта 2018 г.). Минск: Республиканский институт высшей школы, 2018. С. 6–9.
55. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. 140 с.
56. Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2012. 504 с.
57. Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. 2-е изд., доп. Библиотека казахской этнографии. Т. 29. Астана: «Алтын кітап», 2007. 384 с.

1.3 Синташинские украшения в контексте одного могильника (по материалам некрополя Бестамак)

© И. В. Шевнина, А. В. Логвин

Введение

Несмотря на то, что многие исследователи в своих работах обращались к изучению костюма эпохи бронзы в целом и к украшениям в частности, эта тема всегда будет актуальной и перспективной.

Целью данной работы является выяснение связи украшений с полом и возрастом погребенных, а также в определении роли украшений в синташтинском погребальном обряде в контексте одного могильника, а именно некрополя Бестамак. Подход, при котором какие-либо половозрастные схемы выстраиваются в рамках одной общины, нам кажется более перспективным, чем вариант обобщенных схем, включающих в себя не только разные памятники, а иногда и разные археологические культуры. По нашим представлениям, синташтинские погребения могильника Бестамак оставлены одной общиной, которая просуществовала, судя по всему, довольно долго. Это можно предположить исходя из общей площади могильника, количества погребений, а также наличия так называемых инсигний власти – булавы в нескольких захоронениях, что, скорее всего, означает, что управлялась община разными вождями в разное время. Кроме того об этом же говорит и разнообразие в керамических стилях в пределах одного культурного массива. Радиоуглеродные даты также указывают на довольно большой хронологический диапазон (минимум 200 лет) существования могильника, а значит и общины, которая его оставила (табл. 1).

Памятник находится в северной части Тургайского прогиба, у самого истока реки Убаган, правого притока Тобола (Костанайская область, Северный Казахстан), у одноименного поселения. В целом могильник грунтовый, но, исходя из наличия рвов вокруг некоторых погребений, не исключено, что над ними в древности была сооружена курганная насыпь, не сохранившаяся в силу особенностей песчаного грунта. Исследования на Бестамаке проводились Тургайской археологической экспедицией в течение 11 полевых сезонов (1991–1993; 1997; 2002; 2005–2008; 2011; 2013). Раскопки проводились под руководством В. Н. Логвина и А. В. Логвина. За весь период раскопок вскрыто более 9000 кв.м., изучено 183 могильных ямы и ритуальных сооружения. Большая часть погребений и жертвенников некрополя относится ко II тыс. до н.э. В данном исследовании использованы как опубликованные, так и неопубликованные материалы могильника*.

* Выражаем глубокую и искреннюю признательность В. Н. Логвину и С. С. Калиевой за возможность использования неопубликованных материалов могильника Бестамак.

Таблица 1 – Радиоуглеродные даты синташинских материалов могильника Бестамак

Номер погребения	Лаборат. индекс	Материал датирования	¹⁴ C возраст BP	Калиброванный возраст BC (OxCal 4.2.4, IntCal_13)	
				1 σ (68.2%)	2 σ (95.4%)
104	Гин-13620	кость человека	3600±30	2016–1996 (14.0%) 1980–1913 (54.2%)	2030–1888 (95.4%)
111	Гин-13619	кость человека	3430±40	1866–1848 (7.2%) 1774–1682 (58.4%) 1673–1666 (2.6%)	1879–1837 (13.1%) 1830–1636 (82.3%)
111	UBA-28980	кость человека	3451±36	1873–1844 (16.2%) 1814–1800 (6.1%) 1778–1732 (29.4%) 1719–1693 (16.5%)	1883–1683 (95.0%) 1672–1669 (0.4%)
130	UBA-28984	кость человека	3472±37	1877–1839 (23.8%) 1827–1793 (19.3%) 1784–1744 (25.2%)	1888–1727 (85.1%) 1725–1692 (10.3%)
131	Гин-13615	кость человека	3430±30	1858–1855 (1.0%) 1770–1686 (67.2%)	1876–1840 (10.2%) 1821–1796 (4.4%) 1782–1642 (80.8%)
123	UBA-28982	кость человека	3459±37	1875–1842 (19.4%) 1818–1798 (10.8%) 1780–1737 (27.6%) 1714–1696 (10.6%)	1885–1687(95.4%)
140	Ki-13752	кость человека	3260±60	1614–1496 (62.3%) 1475–1461 (5.9%)	1682–1675 (0.6%) 1666–1421 (94.8%)
140	UBA-28986	кость человека	3476±39	1878–1839 (24.0%) 1828–1791 (20.7%) 1785–1746 (23.6%)	1892–1691(95.4%)
170	UBA-28988	кость человека	3408±38	1749–1658 (67.3%) 1648–1646 (1.0%)	1873–1843 (5.0%) 1815–1800 (1.7%) 1778–1618 (88.7%)

Примечание: даты, под индексом UBA получены С. В. Святко в ХРОНО Центре Королевского Университета Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания [Svyatko, Shevnina, Logvin, in press]

Общая характеристика украшений могильника Бестамак

Наконечники были найдены в четырех погребениях памятника (№ 5, 24, 25, 110) (рис. 1). Наконечники из погребений № 24 и 25 Э. Р. Усманова и В. Н. Логвин отнесли к первому типу, а наконечник из погребения № 5 – ко второму [Усманова, Логвин, 1998, с. 20–33].

Модель наконечника из погребения № 110 в типологии Э. Р. Усмановой и В. Н. Логвина не рассматривалась, а потому приведем подробное описание его конструкции (рис. 1, 1; фото 1). Длина наконечника 94 мм, начинается он бронзовой бляшкой с двумя отверстиями в центре, через которые были пропущены шнуры. По отношению к наконечнику бляшка находилась перпендикулярно и, вероятно, была пришита к шапочке, так как с внешней стороны бляшки была зафиксирована ткань. Под бляшкой, на шнуры, проходящие через отверстия, крепились пять низок из бус и пронизей. При этом по краям располагались по низке из чередующихся бронзовых бочонковидных бусин и пастовых

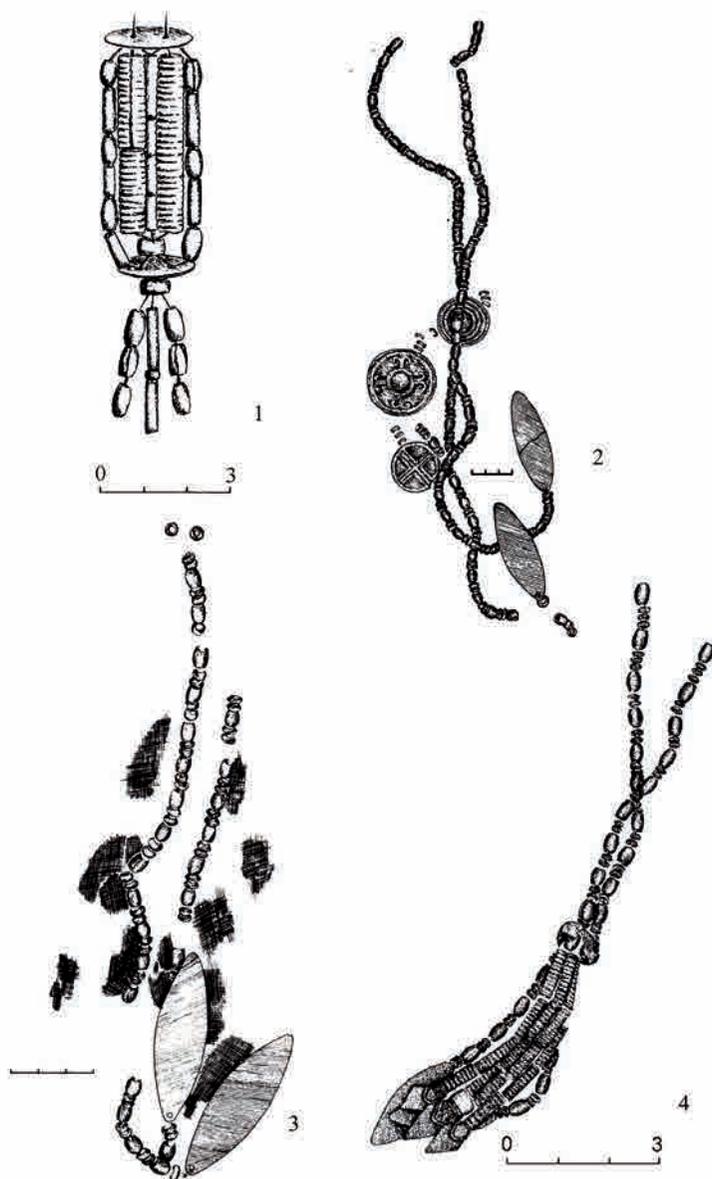

Рис. 1. Могильник Бестамак. Накосные украшения: 1 – погребение № 110; 2 – погребение № 25; 3 – погребение № 24; 4 – погребение № 5

ралевидные окончания (подтип подтипу 1в). Браслеты *второго типа* выпукло-вогнутые (желобчатые) (№ 2, 8–10, 12, 17, 20, 21, 24, 25, 26, 28, 35, 45, 46, 110, 111, 131, 170 Б). Концы одного браслета погребения № 12 (подтип 2в) оформлены в виде 8-образного щитка (рис. 3, 10). Все остальные желобчатые браслеты щитков не имеют (подтип 2а). Кроме этого, при сборе с поверхности могильника был найден редкий тип браслета из плоского бронзового листа с раздвоенными концами, закрученными в спираль в противоположных направлениях (рис. 3, 7), отнесенный Е. В. Куприяновой [2008, с. 20] к уникальным находкам алакульского погребения 31, могильника Степное 7.

Перстни из проволоки с ромбическим сечением и 8-образным щитком были найдены только в погребении № 24 (рис. 3, 1–4). По типологии Е. В. Куприяновой кольца относят к подтипу 1

пронизей, а по центру – две низки из гофрированных бронзовых пронизей. Между низками бронзовых пронизей находится низка из пастовых пронизей. Низки из бронзовых и пастовых пронизей соединены маленькой бронзовой обоймочкой. Ниже нити всех пяти низок пропущены через отверстия в центре такой же, что и расположенная сверху, бляшки. Под бляшкой все нити скреплены бронзовой обоймочкой, а три выпущены. На них по краям были расположены низки из бочонковидных бронзовых бусин, а между ними низка из пастовых пронизей, разделенных колечковидной бусиной.

Гривна из погребения № 24 желобчатая с разомкнутыми, слегка зауженными концами. В предложенной Е. В. Куприяновой типологии гривна относится к первому типу (рис. 2, 8).

Браслеты, по типологии Е. В. Куприяновой [2008], двух типов. Браслеты *первого типа* изготовлены из кованого прута (№ 12, 170 Б, 48). Браслеты из погребения № 48 (подтип 1а) имеют слегка зауженные сомкнутые кончики (рис. 3, 11, 12), а браслеты из погребений № 12 (рис. 3, 13) и 170 Б имеют спи-

свернутых в один оборот [2008, с. 21]. Также в погребении № 24 было найдено кольцо без щитка из круглого в сечении прута, концы которого перекрывали друг друга.

Кольца из проволоки без щитков (вариант височных подвесок?) изготовлены из круглого или сегментовидного в сечении прута. В погребении № 17 концы колец перекрывают друг друга, а в погребении № 12 концы одной подвески соединены встык, а другой сварены (рис. 3, 6). В месте сварки сформирован узкий линзовидный щиток (рис. 3, 5).

Височные кольца (№ 12, 17, 110) свернуты из тонкого бронзового листа, края которого соединены встык. Один конец кольца сужен, а второй, широкий, оформлен в виде трубочки (рис. 5, 4; фото 7).

Подвески в 1,5 оборота (№ 5, 8, 10, 12, 20, 21, 24, 26, 48, 110, 111, 131) изготовлены из бронзы, иногда плакированы золотой фольгой (№ 5, 12, 26, 8, 24, 110) (рис. 5, 3; фото 7).

К категории редких, специфических украшений отнесена бронзовая округлая ажурная бляха – подвеска/медальон из погребения № 140 (рис. 2, 1; фото 2, 3). Диаметр бляхи 87 мм, толщина 2 мм. Центральная часть бляшки выпукло-вогнутая диаметром 33 мм, по окружности оконтурена мелкими вдавлениями, имитирующими перевитый шнур(?). От центральной части расходятся ажурные «лучи», раздваивающиеся к внешнему кольцу бляхи. В результате создается композиция из ромбов и треугольников. По внешнему кольцу нанесены две концентрические окружности из вдавлений, имитирующих перевитый шнур(?). От центральной части к точке предполагаемого крепления бляхи отходит трапециевидный «выступ» длиной 31 мм, шириной 10–13 мм. На «выступе» выгравирован один ромб с двойным контуром и треугольник с двойным контуром без основания. С каждой стороны широкой части «выступа» имеется по отростку длиной 7 мм, шириной 2–3 мм. Край широкой части «выступа» выдается из внешнего круга бляхи и загибается вовнутрь. Загнутый край обломан. Скорее всего, это была держатель-петелька для подвешивания бляхи-медальона, которая в процессе использования обломилась. По краям верхней части «выступа» были просверлены маленькие отверстия для шнурочка, которые видимо были сделаны для дальнейшего использования бляхи, после того как петелька отломилась.

Бляшки. Плоские орнаментированные бляшки с диаметрально расположенными парными отверстиями для пришивания изготовлены из очень тонкого листа (№ 5, 8, 22 А, 111) (рис. 2, 2, 3, 5–7). Относятся, в предложенной Е. В. Флек классификации, к четырем разрядам третьего типа бляшек [2010, с. 87–96].

Бляшка с пуансонным орнаментом в виде двух окружностей вокруг выпуклой центральной части из ямы № 12 в коллекции одна. Диаметр ее 42 мм, толщина металла примерно 1,5 мм (рис. 2, 9).

Фото 1. Могильник Бестамак. Накосное украшение из погребения № 110

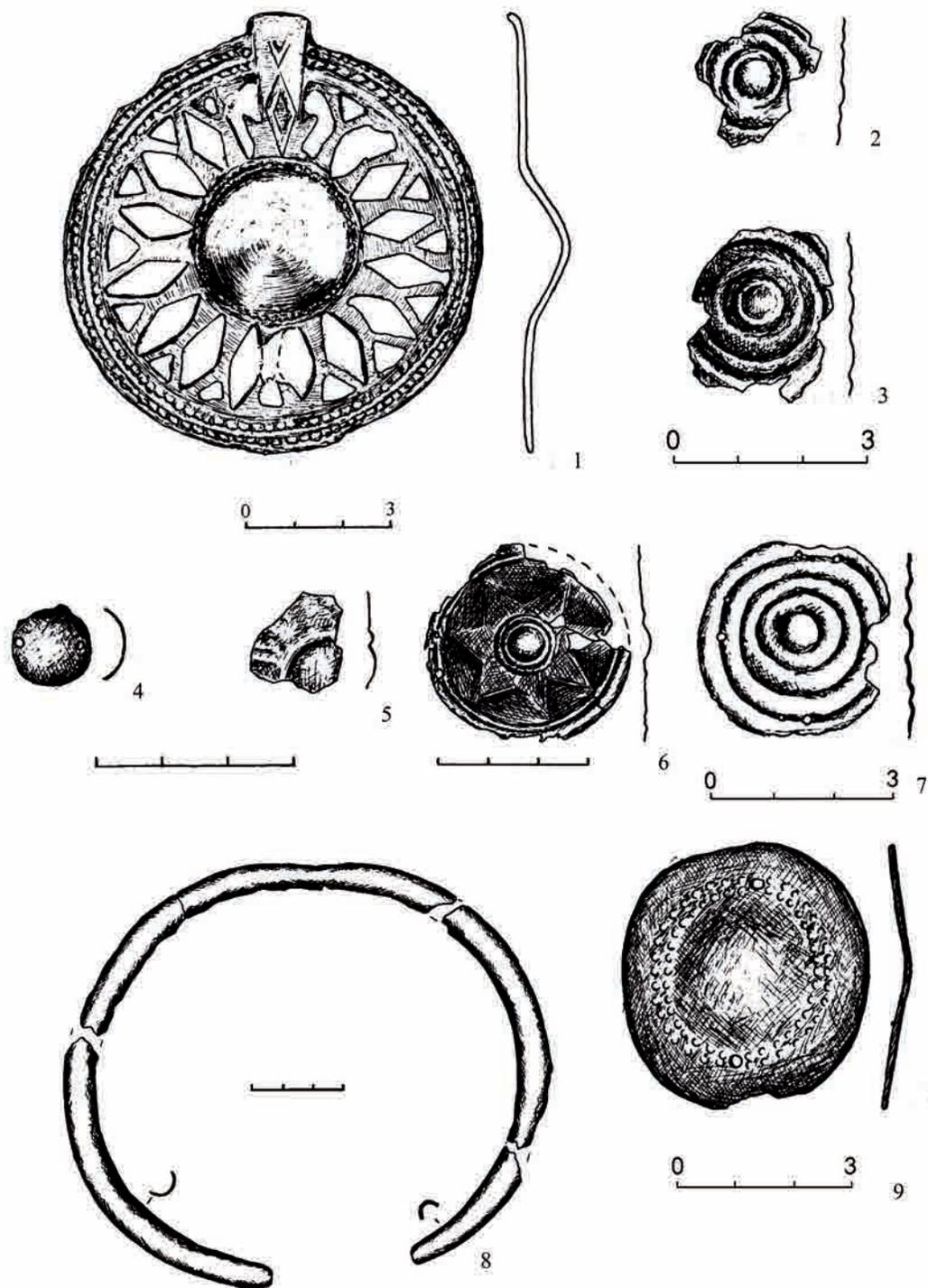

Рис. 2. Могильник Бестамак. Бронзовые украшения: 1 – бляха-медальон; 2–3, 5–7, 9 – плоские нашивные бляшки; 4 – выпукло-вогнутая бляшка; 8 – гривна. 1 – погребение № 140; 2, 3 – погребение № 8; 4, 5 – погребение № III; 6 – погребение № 22А; 7 – погребение № 5

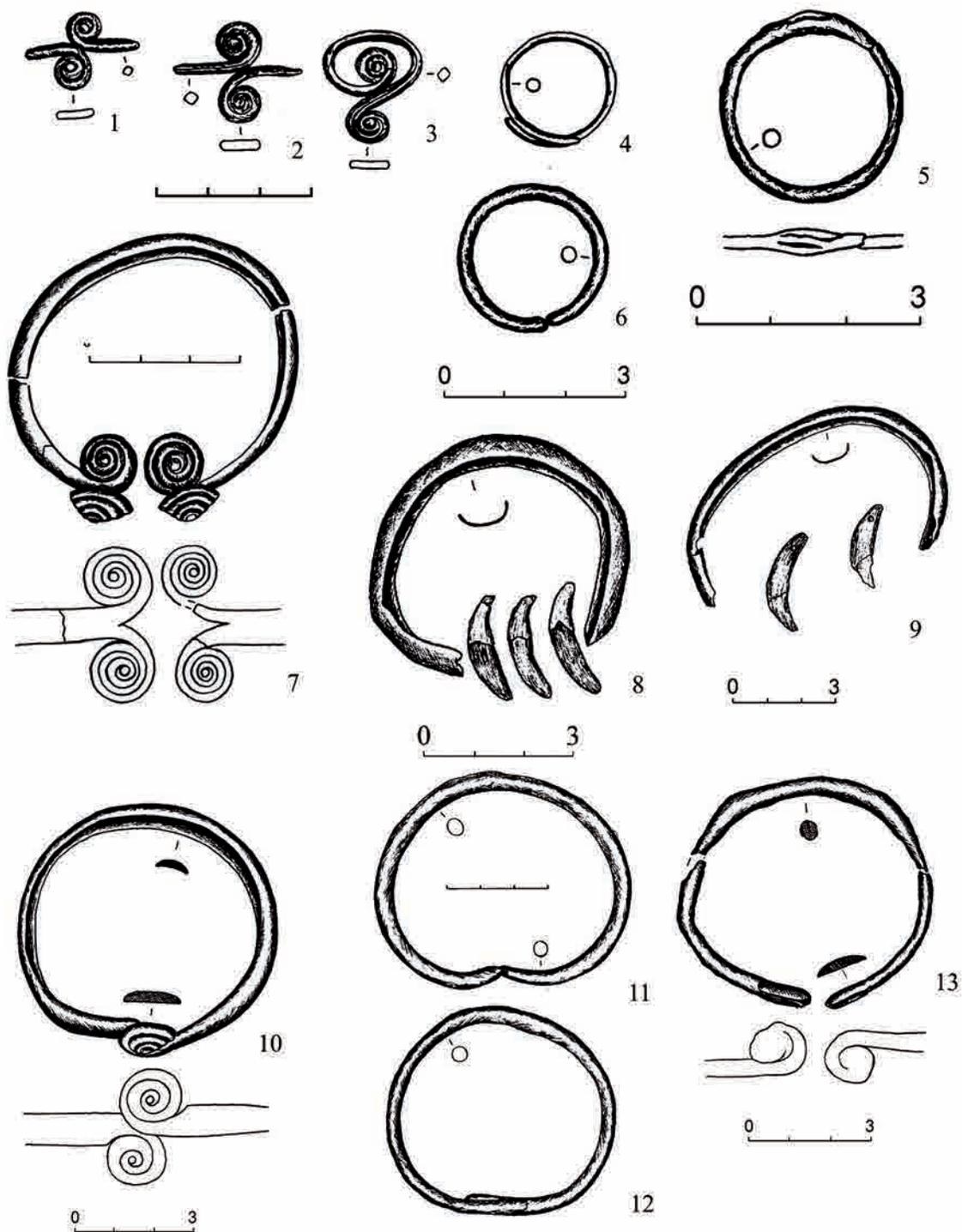

Рис. 3. Могильник Бестамак. Бронзовые украшения: 1–4 – перстни и кольцо; 5, 6 – колечки (височные кольца?); 7–12 – браслеты; 8, 9 – комплекты из бронзовых браслетов и клыков животных. 1–4 – погребение № 24; 5, 6, 10, 13 – погребение № 12; 7 – сбор с поверхности; 8 – погребение № 2; 9 – погребение № 8; 11, 12 – погребение № 48

Фото 2. Могильник Бестамак. Бронзовая бляха-медальон из погребения № 140

боявидные (№ 110, 131) (рис. 4, 7, 8; фото 4), с выступами (№ 9, 26) (рис. 4, 2, 4). В погребении 94 обнаружена бочонковидная бусина с четырьмя выступами, напоминающая по форме крестовидную булаву (рис. 4, б; фото 5).

В ожерельях и наконечниках встречаются *металлические выпукло-вогнутые обоймочки, гофрированные пронизи* (присутствуют только в составе наконечников в ямах № 5, 110). *Ромбические и листовидные металлические подвески* также обычно входят в состав наконечников. Вне наконечников фрагменты их обнаружены в погребениях № 2 и 8.

Ископаемые раковины и их обломки были найдены в погребении № 10, а в погребении № 2 обнаружена створка речной раковины.

Клыки-амулеты встречены в погребениях № 2, 8, 10, 20, 38, 46, 111. Использовались клыки лисицы,

Плоские бляшки с двумя отверстиями в центре из погребения № 110 являются деталями наконечника. Они округло-овальной формы, изготовлены из тонкого листа, без орнамента.

Бляшки выпукло-вогнутые (полусферные) без орнамента с диаметрально расположенными отверстиями для пришивания (№ 24, 110, 12, 111) (рис. 2, 4).

Бусины. Металлические бусины представлены двумя типами. Бочонковидные свернуты из бронзового листа, а колечковидные изготовлены из прута прямоугольного или ромбического сечения. *Костяные бусины* найдены в погребении № 25 Бестамак. Одна колечковидная, а другая бочонковидная. *Каменные бусины* изготовлены из бирюзы, азурита, нефрита, халцедона, опала, медистого песчаника и т.д. В погребении № 5 в состав ожерелья входил кусочек бирюзы с просверленным в нем отверстием. Большая часть бусин колечковидная. Встречаются и другие формы, в виде звездочек (№ 12, 46, 59) (рис. 4, 1, 5), бочонковидные, ром-

Фото 3. Могильник Бестамак. Бронзовая бляха-медальон из погребения № 140

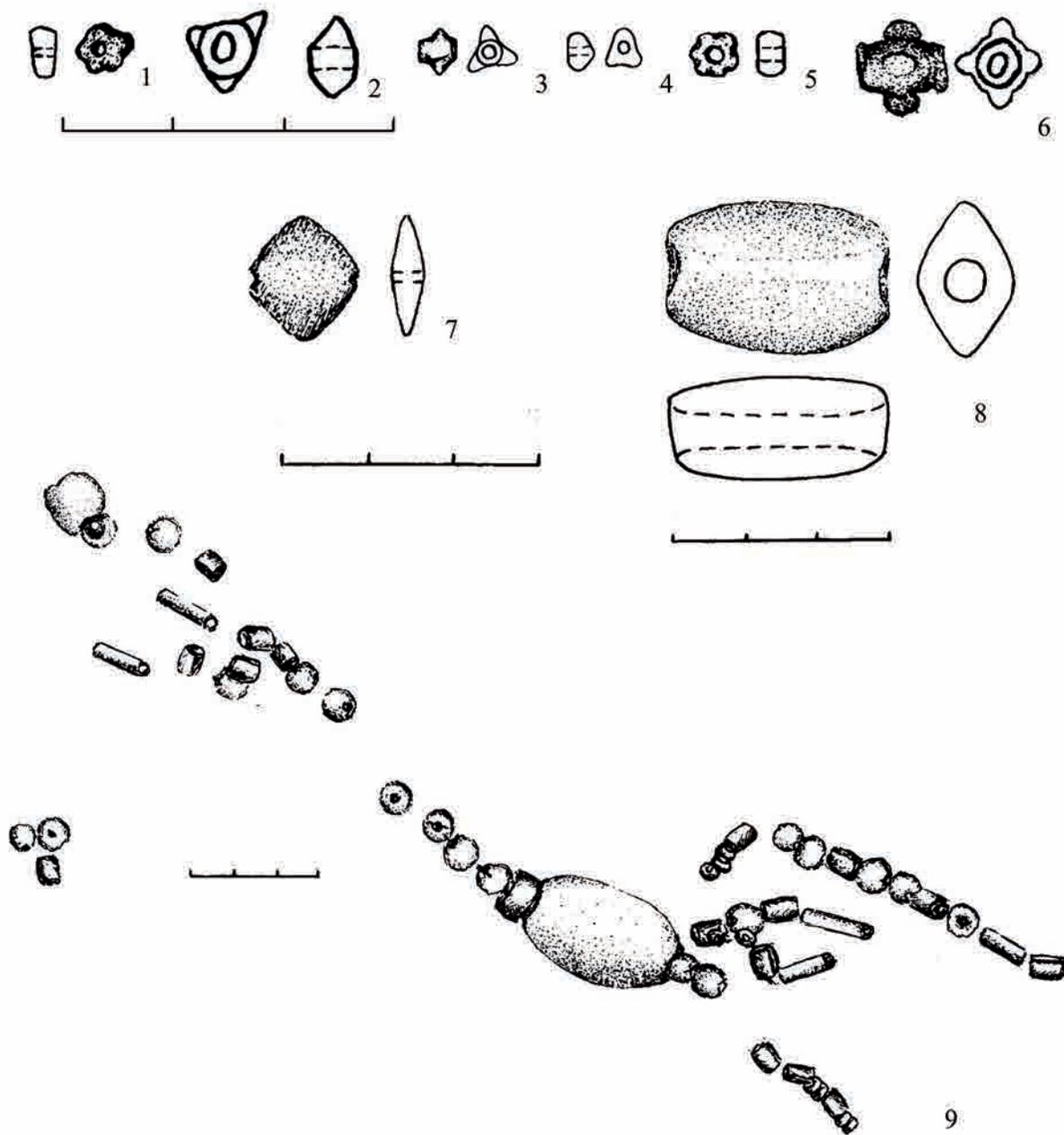

Рис. 4. Могильник Бестамак. Каменные и пастовые бусины: 1–8 – бусы; 9 – ожерелье. 1 – погребение № 12; 2 – погребение № 9; 3, 4 – погребение № 26; 5 – погребение № 46; 6 – погребение № 94; 7 – погребение № 110; 8, 9 – погребение № 131

корсака, волка и собаки* (фото 6). Кроме того, в коллекции присутствуют *пронизки из кости* (№ 8, 9, 25, 110).

Полученная из могильника Бестамак коллекция украшений в целом присуща абашевским, синташинско-петровским, нуртайским и алакульским древностям, как по типам украшений, так и

* Все палеозоологические определения выполнены Л. Л Гайдученко

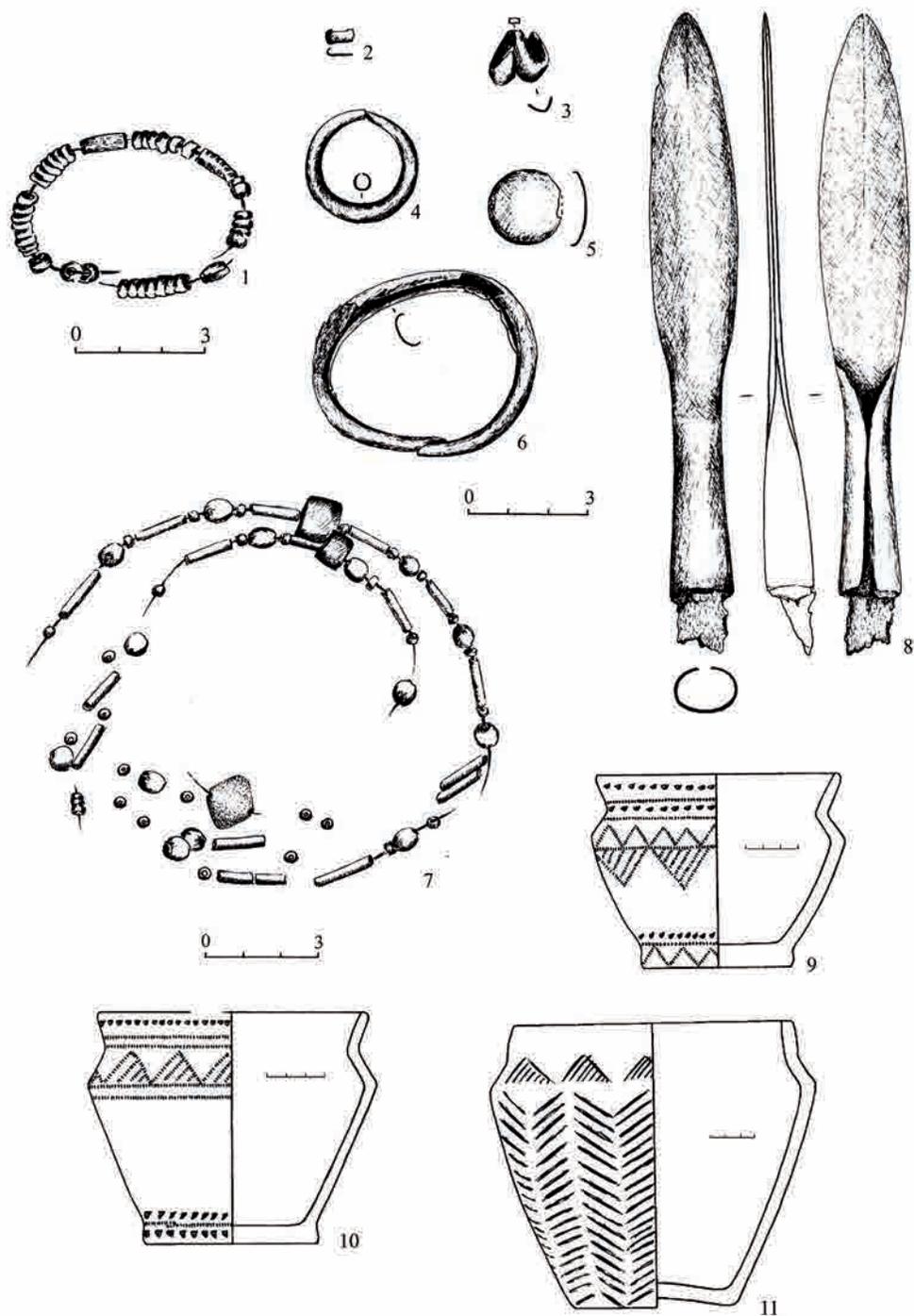

Рис. 5. Могильник Бестамак. Инвентарь погребения № 110: 1 – низка бронзовых бус и костяных пронизок, расположенных на щиколотке погребенного; 2 – бронзовая обоймочка; 3 – плакированная золотой фольгой бронзовая подвеска в 1,5 оборота; 4 – бронзовое височное кольцо; 5 – бронзовая выпукло-вогнутая бляшка; 6 – бронзовый браслет; 7 – ожерелье из каменных и пастовых бус, скрепленное бронзовыми обоймочками; 8 – бронзовый наконечник копья; 9–11 – керамические сосуды

по составу коллекций [Генинг В.Ф. и др., 1992; Дегтярева, 2010, с. 130–133; Епимахов, 2002; Кузьмина, 1992, с. 49, 53–54; 2002; Куприянова, 2008, с. 16–21, 25–27; Ткачев А.А., 2002, с. 189–191; Ткачев В.В., 2007; Усманова, 2010, с. 92–93; Черных, Кузьминых, 1989, с. 132–134].

Накосник, аналогичный обнаруженному в детском погребении № 110, был найден в погребении № 6 могильника Верхняя Алабуга [Потемкина, 1985, с. 192, рис. 82, 10].

Бляхи-медальоны хорошо известны в катакомбных памятниках и на Кавказе в эпоху бронзы–раннего железного века [Деген, 1941, с. 277, табл. XII, 5; Трифонов, 1991, с. 139, 142; Рогудеев, 2015, с. 71, рис. 4, 9; Рындина, Дегтярева, 2002, с. 145].

Гривны, по мнению Е. В. Куприяновой, не характерны для синташинских древностей, и появляются на Южном Урале и в Казахстане лишь в памятниках петровского типа [2008, с. 15–16, 35].

Бляшки с пуансонным орнаментом распространены в памятниках Северного Кавказа Циркумпонтийской металлургической провинции. Известны они и в абашевской культуре [Трифонов, 1991, рис. 9; 12; 15; Кузьмина, 1992, с. 50].

Бусы с выступами характерны для лолинской культуры Северо-Западного Предкавказья и памятников синташинского типа [Генинг В.Ф. и др., 1992, рис. 88, 1; 153, 6; Виноградов, 2003, с. 172, рис. 75, 15, 16; Ткачев В.В., 2007, с. 198–200; Мимоход, 2012, с. 137–144].

Украшения могильника Бестамак были также изучены при помощи рентгенофлуоресцентного анализа [Анкушев и др., 2014]. Большая часть украшений изготовлена из медно-олово-мышьяковых сплавов. Лишь одно украшение изготовлено из медно-оловянистой бронзы без примеси мышьяка. Это ажурная бляха-медальон из погребения № 140. Золото на могильнике Бестамак среднепробное (820–890%) и представлено фольгой, которой плакировались подвески в 1,5 оборота. Особенностью элементного состава металлических изделий Бестамака является высокая доля изделий с оловом в украшениях и существенно меньшая доля таковых в составе производственно-бытового инвентаря и оружия [Анкушев и др., 2014, с. 73].

Украшения и погребальный обряд

Все синташинско-петровские погребения были нами разделены на условные группы по половозрастному признаку и количеству погребенных.

Что касается выделения половозрастных групп то, если с группами по полу все более-менее ясно, с группами по возрасту всегда возникают затруднения. Судя по погребальному инвентарю трудно понять, являлся ли возраст умершего достаточным, чтобы перестать считаться ребенком,

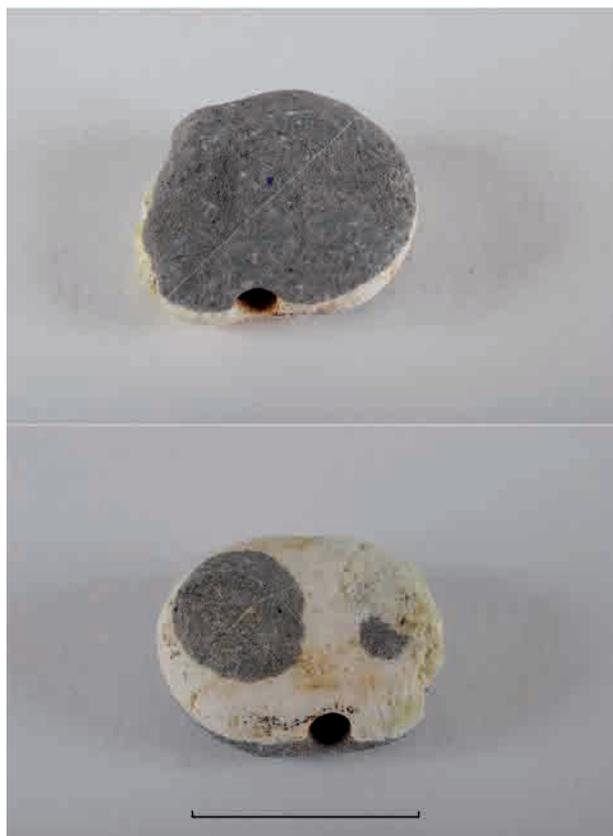

Фото 4. Могильник Бестамак. Каменная бусина из погребения № 131

Фото 5. Могильник Бестамак. Каменная бусина из погребения № 94

выйти замуж, жениться, считаться стариком. К примеру, работая с синташинскими материалами Тургая, мы столкнулись с ситуацией, когда детям до 4-х лет были положены в могилы бронзовые копыя, наконечник, тесла. В современном обществе 4 года – малый возраст и трудно представить, чтобы у ребенка, кроме игрушек и одежды, были бы собственные «взрослые» украшения, орудия труда или оружие. Возраст 8–10 лет в современном понимании – это тоже ребенок, а на могильнике Бестамак мы находим детей в парном погребении со взрослыми украшениями и в тоже время ребенка этого же возраста, но в одиночном погребении с одним ножом. Известно, что в традиционных обществах, при переходе из одной возрастной категории в другую, учитывался не только возраст, но и уклад жизни в общине, ритуалы и обряды (например, обряд инициации), отдельные ситуации. Ребенок, не прошедший инициацию, мог считаться таковым до конца жизни и жить вместе с другими детьми с соответственным к нему отношением [Арнольд ван Геннеп, 1999, с. 64–107; Азаров, 1992, с. 85–119; Гендрякова,

1992, с. 31 и др.]. Опираясь на какие-то четкие возрастные границы для анализа погребальной обрядности древних обществ очень затруднительно. Поэтому в нашем исследовании было выделено четыре условных группы, которые были необходимы для совокупного анализа погребений: 1 группа – дети (новорожденные, до 10 лет), 2 группа – юноши (до 20 лет), 3 группа – взрослые (до 50 лет) и 4 группа – старики (старше 50–60).

Из 44 синташинских захоронений для исследования привлекались все погребения, где были обнаружены украшения. Далее была сделана выборка тех захоронений, где удалось получить половозрастные антропологические определения*.

Все погребения с украшениями могильника Бестамак были разделены на две группы – *одиночные и совместные*.

Одиночные погребения. Среди одиночных погребений с украшениями: 12 женских, одно мужское, пять детских и одно юношеское (табл. 1). Только в одном женском погребении (яма № 130) не было зафиксировано украшений, но, поскольку данная яма была ограблена в древности, мы не будем ее учитывать.

Всего на могильнике было найдено восемь детских одиночных погребений. Из них в пяти (ямы № 38, 94, 110, 116, 123) были найдены украшения. Во всех случаях, кроме ямы № 110, это были пастовые и каменные бусины, в одном случае клыки (№ 38) и бронзовая обоймочка (№ 94), расположение которых часто трудно установить, поскольку детские кости почти не сохраняются, кроме зубов. Тем не менее, можно предполагать, что бусины, скорее всего, были нашиты на одежду.

Ярко в этой группе выглядит погребение № 110, где был захоронен ребенок 4-х лет. По набору инвентаря был предположен женский пол. В головах ребенка стояли два сосуда. Чуть ниже находилась

* Все антропологические определения выполнены А. В. Колбиной.

бронзовая пластина (зеркало?) в футляре из бересты. В районе головы найден набор украшений: наконечник, две плакированные золотом подвески в 1,5 оборота, два височных кольца, не менее 10 пастовых бусин (фото 1; 7). В районе шеи находилось ожерелье из двух низок пастовых бус (64) разной формы. Низки скреплялись бронзовыми обоймочками (2). На руках были бронзовые браслеты с остатками ткани (2). У ног был поставлен сосуд в положении «на боку». В районе таза найден бронзовый наконечник копья в футляре из дерева. На ногах по одной низке бус, состоявших из бронзовых и пастовых бусин (всего 66), гофрированной пронизи и бусины из кости. Кроме того, при расчистке ямы были найдены бронзовые бляшка и обоймочки (не менее четырех) [Шевнина, Ворошилова, 2009, с. 59–62].

Юношеских одиночных погребений было выявлено всего два. В яме № 1 был захоронен юноша 18–20 лет, у которого не было обнаружено украшений. А в яме № 51 была захоронена девушка 16–18 лет, у которой были обнаружены лишь четыре пастовые бусины в районе правого предплечья [Калиева, Логвин, 2008].

Для группы одиночных взрослых погребений женщин возрастом старше 20 и до 55 лет (ямы № 2, 9, 10, 17, 26, 35, 46, 48, 111) характерно большое количество и разнообразие украшений (табл. 2). В обязательном порядке они размещались на руках, почти во всех случаях в районе головы или на голове и шее, на ногах лишь в одном случае. Среди типов украшений во всех погребениях встречены бронзовые, пастовые, каменные бусы и бронзовые браслеты на руках (табл. 5). Часто встречаются бронзовые подвески в 1,5 оборота, в одном случае плакированные золотом. Гораздо реже зафиксированы бронзовые височные кольца, обоймочки, бляшки, костяные пронизки, клыки животных.

Фото 6. Могильник Бестамак, погребение № 111. Амулеты из клыков лисицы

Фото 7. Могильник Бестамак. Бронзовые височное кольцо и подвески в 1,5 оборота, одна из которых плакирована золотой фольгой

Таблица 2 – Расположение украшений в одиночных погребениях

Место расположения	2/жен., 40–50 лет	9/жен., 20–25 лет	10/жен., 25–30 лет	17/жен., 25–30 лет	21/жен., 50–60 лет	26/жен., 20–25 лет	28/жен., 50–60 лет	35/жен., 30–35 лет	46/жен., 35–40 лет	48/жен., 25–30 лет	51/жен., 16–18 лет	111/ жен. 40–50 лет	131/ жен., <60 лет	140/ муж., 40–45
голова	+	-	+	+	+	+	-	+	-	+	-	+	-	+
шея	+	+	+	+	-	+	-	+	+	+	-	-	-	-
руки	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-
ноги	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+

Примечание: в числителе указан номер ямы, в знаменателе – определение пола и возраста

Таблица 3 – Расположение украшений в совместных погребениях

Место расположения	5/муж., 18–20 лет	5/жен., 8–10 лет	8/жен., 30–35 лет	8/жен., 10–12 лет	12/жен., 20–25 лет	12/ не уст.	12/ реб- нок	25/жен., 25–30 лет	25/не уст.	45/муж., 20–25 лет	45/жен., 16–18 лет
голова	-	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-
шея	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-
руки	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	-
ноги	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-

Примечание: в числителе указан номер ямы, в знаменателе – определение пола и возраста. В случаях, когда пол и возраст не установлены использовано сокращенное написание «не уст.».

Таблица 4 – Типы украшений в совместных погребениях могильника Бестамак

Тип украшения	Номер ямы/пол, возраст умершего										Яма № 45 / женщина 16-18 лет	
	5/муж, 18-20 лет	5/жен, 8-10 лет	8/жен, 30-35 лет	8/жен, 10-12 лет	12/жен, 20-25 лет	12/ пол и возраст не уст.	12/ ребе- нок	25/ жен., 25-30 лет	25 / пол и возраст не уст.	45/муж., 20-25 лет, украшения найдены рядом с мужским ко- стяком, не на нем		
браслет бронзовый		+	+	+	+	+		+				
клыки животных			+									+
низка из костяных прони- зок и пастовых бусин			+	+								
бронзовая обоймочка				+	+							
подвеска в 1,5 оборота		+	+	+	+			+				
бронзовое височное кольцо					+			+				
каменные бусины								+				+
низка бронзовых бусин и костяных пронизок			+									
низка из каменных и па- стовых бусин					+							
низка бронзовых бусин		+										
низка пастовых бусин	+											
накосное украшение		+									+	
низка из каменных, па- стовых, бронзовых бусин, костяной пронизки и кусоч- ка бирюзы		+										
бляшка	+		+		+					+		

Таблица 5 – Типы украшений в одиночных погребениях могильника Бестамак

Тип украшения	Номер ямы/пог., возраст умершего																		
	2/ жен., 40– 50 лет	9/ жен., 20– 25 лет	10/ жен., 25–30 лет	17/ жен., 25– 30 лет	21/ жен., 50–60 лет	26/ жен., 20– 25 лет	28/ жен., 50–60 лет	35/ жен., 30–35 лет	38/ре- бенок 3–5 лет	46/ жен., 35–40 лет	48/ жен., 25–30 лет	51/ жен., 16–18 лет	94/ реб., ново- рожд.	110/ реб., 4 года	116/ реб., 1 год	123/ реб., 8–10 лет	111/ жен., 40– 50 лет	131/ жен., <60 лет	140/ муж., 40–45 лет
браслет бронзо- вый	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+				+		
клыки животных	+								+								+		
нижка из косяных пронизок и пасто- вых бусин	+	+																	
маленькая выпукло- вогнутая бронзовая бляшка	+													+			+		
пастовые бусины			+	+	+		+	+		+					+		+		
бронзовая обоймоч- ка			+											+					
подвеска в 1,5 обо- рота			+		+	+											+		+
бронзовое височное кольцо				+															
каменные бусины				+													+		
бронзо- вые буси- ны					+														

Старческих одиночных погребений (50–60 и более лет) на могильнике зафиксировано всего три (№ 21, 28, 131). В этой группе заметно снижение количества украшений (табл. 2; 5). Использовались подвески в 1,5 оборота, бронзовые и пастовые бусы, браслеты. Украшения располагались в районе головы, шеи и на руках. На ногах украшения отсутствовали. Причем у самой пожилой женщины (старше 60 лет) могильника Бестамак из ямы № 131 отмечено необычное ношение бронзовых подвесок в 1,5 оборота на сгибе локтя правой руки (фото 8) [Логвин и др., 2009, с. 85–90].

Из пяти одиночных мужских захоронений только в одном погребении мужчины 40–45 лет (№ 140) в области левого уха была найдена бронзовая подвеска в 1,5 оборота, а в области ступней две бронзовых бусины.

Фото 8. Могильник Бестамак.
Расположение украшений на пожилой женщине
(старше 60 лет) (№ 131)

Совместные погребения. Только в семи погребениях могильника Бестамак удалось установить пол и возраст хотя бы одного индивида. Из них два не имеют украшений. Это коллективное погребение семи человек в яме № 104 [Логвин, Шевнина, 2018] и парное погребение № 170, где были захоронены мужчина 30–35 лет и новорожденный ребенок 2-х месяцев [Логвин, Шевнина, 2011, с. 349–359]. В остальных захоронениях украшения были обнаружены у мужчин, женщин и детей (ямы № 5, 8, 12, 25, 45).

В виду малочисленности групповых погребений и того обстоятельства, что не во всех групповых погребениях был определен пол и возраст захороненных, мы не стали их разделять на группы, опишем их суммарно.

При анализе данной группы погребений (табл. 3) бросается в глаза как будто большее (кроме погребения № 45) количество найденных украшений при относительной малочисленности групповых погребений, причем это касается и мужчин, и женщин, и детей. Парное погребение № 45 является явным исключением, так как у женского костяка не было найдено ничего, а рядом с мужским находилось два браслета. В целом же расположение украшений у женщин традиционно – руки, голова и шея, в двух случаях ноги. У юноши из погребения № 5 на шее находились пастовые бусины, а у основания левой руки большая плоская бронзовая бляшка. Что касается детских погребений, то удалось установить возраст лишь для погребения № 5 – девочки 8–10 лет и № 8 – 10–12 лет. Девочка в погребении № 5 имела богатый погребальный набор украшений, в том числе и наконечник. Разнообразный набор украшений имели дети из погребений № 8 и 12 (подвески в 1,5 оборота, браслет, бусы, височное кольцо) [Калиева и др., 1992, с. 57–59; Калиева, Логвин, 2008, с. 32–58].

Типы украшений те же, что и в одиночных погребениях (бронзовые, пастовые, каменные бусы и бронзовые браслеты, бронзовые подвески в 1,5 оборота, часто плакированные золотом, бронзовые височные кольца, обоймочки, бляшки, костяные пронизки, клыки животных) (табл. 4). Исключение составляют выпукло-вогнутые бляшки, которые отсутствуют в групповых погребениях, тогда как в одиночных они есть. Единственный тип украшений, не встреченный в одиночных погребениях, это накосники. Накосники были зафиксированы в парных разнополых погребениях (№ 5, 25). Но и здесь наблюдается исключение, это погребение четырехлетней девочки из ямы № 110, в котором также был зафиксирован накосник.

Обсуждение и выводы

В группе одиночных погребений наблюдается явное преобладание украшений в женских могилах. У мужчин украшения практически отсутствуют. Отметим можно лишь погребение мужчины в яме № 140, где в районе мочки уха была найдена подвеска в 1,5 оборота, а на ногах бронзовые бусины. Дети этой группы украшений почти не имеют (за исключением погребения № 110). У стариков снижается количество украшений, встречается необычное их ношение (яма № 131), которое возможно связано с возрастом и сменой статуса. В групповых погребениях наблюдается более разнообразный ассортимент украшений у женщин. В одном случае (№ 5) на шее юноши находились пастовые бусины, а у основания левой руки бронзовая бляшка. Дети, захороненные в групповых погребениях, также имеют более разнообразный набор украшений, чем в одиночных.

В женских погребениях были найдены накосники, браслеты и височные кольца. Остальные типы украшений наблюдаются как в женских, так и в мужских погребениях.

Типично женскими украшениями можно назвать накосники. Тезис Э. Р. Усмановой относительно того, что накосники носились только взрослыми женщинами или женщинами, достигшими брачного возраста, видимо, требует коррекции. Нет оснований полагать, что накосник и другие украшения из ямы № 110 принадлежали не самой умершей девочке 4-х лет, а ее родственнице, как считает Э. Р. Усманова [2010, с. 96]. Весь ювелирный гарнитур (накосник, височные кольца, браслеты, подвески в 1,5 оборота, низка бус на ногах), как и остальной инвентарь (наконечник, копьё, сосуды), отличаются маленькими размерами и, по нашему мнению, составляют единый комплекс (рис. 5; фото 1; 7). Вызывает большие сомнения то, что накосник длиной 94 мм или браслет диаметром 55 мм носила взрослая женщина. Поскольку инвентарь данного захоронения слишком «ярок» для ребенка, само погребение является «неким исключением» и наличие накосника, видимо, тоже нужно расценивать как явление исключительное [Шевнина, Ворошилова, 2009, с. 60–61]. Не согласны мы и с тезисом Э. Р. Усмановой о том, что накосник из погребения № 110 был разорван в ритуальных целях [2010, с. 23]. Украшения при расчистке лежали компактно и по ним, несмотря на почти полное отсутствие костей погребенного ребенка, вполне определялось расположение головы, рук и ног. Продолжительно работая на Бестамаке, мы, к сожалению, часто вынуждены наблюдать жизнедеятельность земляных жаб и грызунов в погребениях. Так как почвы Бестамака песчаные, животные легко растаскивают разнообразный инвентарь в могильных ямах, что и произошло в данном случае с некоторыми бусинками.

Браслеты и височные кольца также были встречены только в женских и детских погребениях Бестамака. Е. В. Куприянова на основании того, что под браслетами часто находят фрагменты кожи и ткани (на могильнике Бестамак такие находки тоже не редки), оправданно интерпретирует их способ ношения как зажимы для рукавов [2008, с. 95]. Но возникает вопрос, что использовали для этой цели мужчины Бестамака, ведь на мужских костяках не было найдено браслетов? При этом, видимо, нельзя считать, что браслеты исключительно женские украшения, поскольку известно, что

Фото. 9. Могильник Бестамак. Расположение бронзовой подвески в 1,5 оборота в районе уха женщины из погребения № 111

практика ношения браслетов у мужчин широко распространена у многих древних народов (шумеры, греки, викинги и т.д.).

Относительно привязки определенных типов украшений к определенным частям тела можно отметить, что в основном зафиксировано традиционное: на голове – накосники, височные кольца, подвески в 1,5 оборота; на шее и ногах – низки бус; на пальцах кольца; браслеты на руках. Но в некоторых случаях фиксируется не совсем обычное расположение украшений. Так, на правом плече женщины из ямы № 51 были зафиксированы пастовые бусины, а на запястьях

и плечах у погребенных из ям № 5, 8, 12, 111 находились плоские нашивные бляшки. Скорее всего, бусины и бляшки в этих случаях служили украшением костюма, то есть были нашиты на одежду, в частности, на рукава. Подвески в 1,5 оборота в яме № 46 находились в области шеи погребенной женщины. Поскольку они были найдены среди пастовых бусин, то вполне логично предположить, что они были в составе ожерелья. А в уже упоминаемой нами ранее яме № 131 три подвески в 1,5 оборота были найдены на локте пожилой женщины, что указывает на их ношение на рукаве костюма (фото 8). Кроме того, подвески в 1,5 оборота в погребениях могильника Бестамак часто фиксируются в районе ушной раковины (№ 26, 48, 111, 140 и др.), что можно трактовать как ношение подвесок непосредственно на ушах (фото 9). Ношение подвесок в 1,5 оборота на ушах известно в андроновском мире [Позднякова, 2000, с. 47–53, Усманова и др., 2006, с. 70–80]. Видимо, способы ношения подвесок в 1,5 оборота были гораздо разнообразнее, чем традиционное расположение их на головном уборе или налобном венчике. Хотя, конечно, можно предположить, что подвески в процессе разложения тела могли скатиться с головы, но тут необходимо обратиться к погребениям № 140 и 111, где антропологом при работе с костяками, которые лежали на левом боку, на левой стороне черепа, в районе мочки уха были обнаружены подвески в 1,5 оборота. В данном случае скатиться они не могли, так как находились под тяжестью черепа. Все это указывает на то, что, несмотря на как бы существующий стандарт в ношении определенных украшений на определенных частях тела, вариаций было достаточно много.

Маленькие выпукло-вогнутые бляшки были обнаружены только на голове умерших (по всей видимости, это связано с тем, что их форма наиболее подходила для украшения головных уборов или налобных венчиков), а плоские бляшки (количество которых очень мало) находились в составе накосников или на руках.

Кроме того, были отмечены интересные сочетания разных украшений, которые, по сути, являются новыми типами. Речь идет о комплектах, где между концами бронзовых браслетов располагались пучки из клыков лисицы [Калиева, Логвин, 2008, с. 50–54]. Такие комплекты были обнаружены в погребениях № 12, 2, 8, 111.

В аспекте асимметричного расположения украшений на погребенных (правое, левое), отмеченного Е. В. Куприяновой [2008, с. 124], на могильнике Бестамак было зафиксировано равное количество асимметричного и симметричного ношения браслетов, подвесок, височных колец и нисок бус.

Украшения, по всей видимости, участвовали в погребальном обряде не только как элемент погребального костюма, но и как часть самого обряда. Речь идет о случаях, когда украшения лежат в каких-то скоплениях находок, но не на самом погребенном. Например, у ног женщины из ямы № 2 находился маленький браслет, три клыка лисицы, диск из кости с отверстием в центре. В районе затылка мужчины из ямы № 45 обнаружен пест, рядом найдены

Фото 10. Могильник Бестамак, погребение № 140. Декор пастовыми бусинками шнурочка для подвешивания на маленьком сосудике, покрашенного охрой

Фото 11. Могильник Бестамак, погребение № 140. Ритуальная выкладка, напоминающая символ «Инь-Янь», из изогнутых и шарообразных предметов (серп, изделие из ребра животного, два шарообразных каменных предмета, один из которых изготовлен из твердой, а второй из мягкой породы)

остатки двух бронзовых браслетов, бронзовая пластинка, два клыка собаки, каменные поделка, бусина и диск.

Но, пожалуй, самой яркой иллюстрацией такого элемента обряда служит погребение № 140, где был захоронен мужчина 40–45 лет (единственный мужчина из бестамакской общины, кто носил подвеску в 1,5 оборота на ухе и бусы на щиколотке), который, по всей видимости, при жизни был наделен определенной властью в общине. В этом погребении обнаружены, кажется, почти все статусные вещи синташтинского общества: булава, большое количество бронзовых (22) и каменных изделий (23) (среди них массивновислообушный топор, тесло, крюк, долота, серпы, иглы и т.д.), остатки от колес колесницы [Логвин, Шевнина, 2008, с. 190–197]. Керамическая коллекция тоже ярка, можно отметить: окрашивание охрой; орнамент в виде «змеи» (?) с рогами барана»; «блюдо», по диаметру которого имеются четыре просверленных отверстия (для подвешивания?); декор пастовыми бусинками шнурочка для подвешивания на маленьком сосудике, покрашенном охрой (фото 10). Наиболее интересным в захоронении № 140 являются необычные элементы погребального обряда. Прежде всего, это ритуальная выкладка, напоминающая символ «Инь-Янь», из изогнутых и шарообразных предметов (серб, изделие из ребра животного, два шарообразных каменных предмета, один из которых изготовлен из твердой, а второй из мягкой породы) (фото 11). На выкладке лежал терочник со следами охры. Возможный ритуальный смысл выкладки, заключается в отражении перехода из одного состояния в другое: «твердое–мягкое», «небо–земля», «женское–мужское», «живое–мертвое» и т.п. Наличие над ногами погребенного мужчины «наброса» разнообразного инвентаря (всего 25 изделий из бронзы и камня). Среди этого «наброса» была обнаружена бронзовая ажурная бляха-медальон, пока не имеющая аналогов в синташтинской культуре (фото 1; 2). Необычная орнаментальная композиция бляхи-подвески также как будто указывает на это. Семантическая интерпретация конечно весьма условна, но, тем не менее, позволяет видеть узор в таком ключе: центральная выпукло-вогнутая часть бляхи – голова, от которой идут ажурные ветви и вертикальное основание – «ствол». Трапезиевидность ствола можно трактовать как женское платье. С каждой стороны «ствола» в узкой его части расположено два маленьких отростка – «руки». На «стволе» – изображение ромба – женское начало, женское лоно и треугольник-уголок вершиной вверх – мужское начало. Все это вместе вполне дозволительно принять как женский образ, на котором схематично изображен символ соития (мужское входит в женское), то есть плодородия. Но, в тоже время, «столб» с колесом или диском наверху осмысливается как символ «мирового дерева», увенчанного солнцем, а «мировое дерево» – воплощение «Великой богини», а диск на нем как небо – «сфера богини». Известно, что впоследствии такая эмблема стала солярным символом [Голан, 1993, с. 25].

Местонахождение украшений не на погребенном, а в скоплениях находок мы связываем с тем, что они могли просто не принадлежать этому человеку и были положены, например, в качестве подарка-амулета. В пользу этого тезиса говорит и то, что «подарки-амулеты» в трех погребениях могильника Бестамак, в силу разных причин, действительно не принадлежали умершим. Например, комплект из браслета и клыков лисицы из ямы № 2 слишком маленького размера, чтобы его носила взрослая женщина 40–50 лет. Скорее всего, он принадлежал ребенку. Браслеты, найденные у затылка мужчины из ямы № 45, судя по всему, ему также не принадлежали, поскольку не было зафиксировано ни одного случая ношения браслетов мужчинами в бестамакской общине. Ну и бляха-медальон из ямы № 140 также, скорее всего, не принадлежала мужчине, поскольку находилась не среди личного инвентаря, а среди «наброса» над погребенным. Можно также предположить, что это не столько украшение, сколько статусный предмет ритуального назначения.

В заключении необходимо остановиться на обычае травестизма, предположенного Е. В. Куприяновой на могильнике Степное 7 [2008, с. 155]. Достоверных фактов проявления обычая

травестизма на могильнике Бестамак не было зафиксировано. Погребение № 21, которое указывается в качестве примера Е. В. Куприяновой, было проанализировано не только Р. Линдстромом, но и А. В. Колбиной. По определению Р. Линдстрема, это мужчина возрастом более 50 лет, по определению А. В. Колбиной – это женщина 50–60 лет. Мы в своих исследованиях опираемся на определения А. В. Колбиной, так как она работает с бестамакской антропологической коллекцией постоянно, тогда как Р. Линдстром имел к ней лишь разовый доступ.

Подводя итог нашему исследованию, приходится признать, что никакого стандарта в ношении и использовании украшений в погребальном обряде зафиксировать не удалось. Наоборот, в процессе работы мы постоянно сталкивались с так называемыми исключениями (богатое погребение ребенка 4–5 лет с наконником, женские погребения без украшений, парное погребение без украшений, единственное мужское погребение с украшениями и т.д.). Видимо, как такового «стандарта» еще не было и в материалах могильника Бестамак отражено начало его формирования. Показательно, что данный вывод об отсутствии «стандарта» в погребальной обрядности синташты-петровки напрямую соотносится с результатами анализа обряда совместных погребений могильника Бестамак, предпринятого нами ранее [Логвин, Шевнина, 2018, с. 139].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азаров А.И.* Основные этапы социализации детей у народов Северо-Западной Меланезии // Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М.: Наука, 1992. С. 85–119.
2. *Арнольд ван Геннеп* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.
3. *Анкушев М.Н., Блинов И.А., Шевнина И.В., Логвин А.В.* Состав бронзовых и золотых изделий из могильника Бестамак (Северный Казахстан) // Геоархеология и археологическая минералогия. 2014. № 1. С. 69–75.
4. *Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.
5. *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: в 2-х ч. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с.
6. *Голан А.* Миф и символ. М: Русслит, 1993. 375 с.
7. *Дегтярева А.Д.* История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
8. *Деген Б.Е.* Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // МИА. 1941. № 3. С. 213–316.
9. *Епимахов А.В.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.
11. *Калиева С.С., Колбин Г.В., Логвин В.Н.* Могильник у поселения Бестамак // Маргулановские чтения: тезисы. Петропавловск: Изд-во Петропавловского пединститута, 1992. С. 57–59.
10. *Калиева С.С., Логвин В.Н.* Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // ВААЭ. 2008. Вып. 9. С. 32–58.
12. *Кузьмина О.В.* Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара: Самар, пед. ин-т, 1992. 128 с.
13. *Кузьмина О.В.* Украшения абашевской культуры // Проблемы археологии Евразии. М.: ИА РАН, 2002. С. 157–174.
14. *Куприянова Е.В.* Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: АвтоГраф, 2008. 244 с.
15. *Логвин А.В., Шевнина И.В.* Элитное погребение синташтыно-петровского времени с могильника Бестамак // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова: м-лы междунар. науч. конф. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. С. 190–197.

16. *Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В.* Погребение женщины старческого возраста на могильнике Бестамак // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: м-лы междунар. науч. конф. «Маргулановские чтения – 2008» / отв. ред. В.В. Варфоломеев. Караганда: Акимат Карагандинской области; КарГУ им. Е. Букутова, 2009. С. 85–90.
17. *Логвин А.В., Шевнина И.В.* Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: м-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК (г. Алматы, 12–15 декабря 2011 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 349–359.
18. *Логвин А.В., Шевнина И.В.* О совместных синташтинских погребениях могильника Бестамак // Человек и Север. Антропология, археология, экология: м-лы всерос. науч. конф. (г. Тюмень, 2–6 апреля 2018). Тюмень: ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 133–139.
19. *Мимоход Р.А.* Фаянсовые бусы с выступами в Восточной Европе в контексте культурно-генетических процессов в конце средней – начале поздней бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: м-лы конф. к 110-летию М.П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 137–144.
20. *Позднякова О.А.* Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово-ХIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: м-лы Регион. археол.-этногр. студ. конф. (г. Новосибирск, 1–6 февраля 2000 г.). Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. Т. III. С. 47–53.
21. *Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М: Наука, 1985. 375 с.
22. *Рогудеев В.В.* Медальоны среднего и позднего бронзового века (к атрибуции солярных медальонов «Чакра») // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Саратовский госуниверситет, 2015. Вып. 11. С. 64–111.
23. *Рындина И.В., Дегтярева А.Д.* Энеолит и бронзовый век. М.: Изд-во МГУ, 2002. 226 с.
24. *Тендрякова М.В.* Мужские и женские возрастные инициации (вариант постановки проблемы) // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 29–41.
25. *Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. В 2-х ч. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.
26. *Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актюбе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
27. *Трифонов В.А.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья: (по материалам археол. работ в зонах мелиорации Краснодар. края) / ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1991. С. 92–166.
28. *Усманова Э.Р., Мерц В.К., Колбина А.В., Вентреска А.* О некоторых сюжетах в «тексте» погребального обряда эпохи бронзы // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья / отв. ред. В.К. Мерц. Павлодар: Эко, 2005. С. 70–80.
29. *Усманова Э.Р., Логвин В.Н.* Женские наkosные украшения Казахстана. Эпоха бронзы. Лисаковск: Книга, 1998. 64 с.
30. *Усманова Э.Р.* Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Лисаковск; Караганда: ТАиС, 2010. 176 с.
31. *Флек Е.В.* Бронзовые бляшки алакульской культуры // ВААЭ. 2010. № 1 (12). С. 87–96.
32. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
33. *Шевнина И.В., Ворошилова С.А.* Детские погребения эпохи развитой бронзы (по материалам могильника Бестамак) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2009. С. 59–63.
34. *Svyatko S., Shevnina I., Logvin A.* Radiocarbon dating of the Sintashta materials of Turgay (based on the materials of the Bestamak burial ground and the Halvay mounds 3 and 5) // In press.

Глава 2

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

2.1 «Быть женщиной — что это значит? Какою тайною владеть?»

© Г. С. Джумабекова, Г. А. Базарбаева

Введение

В отечественной археологии в последние десятилетия XX в. произошли серьезные сдвиги в изучении памятников раннего железного века. Наиболее значимым является открытие непотревоженных погребений. Такие редкие находки – большая удача для археологов. На всем пространстве великого степного пояса Евразии непотревоженные погребения эпохи раннего железа скорее исключение, чем правило.

Цель исследования – выявление роли женщины в обществе ранних кочевников по археологическим комплексам элитных женских погребений Казахстана, определение ярких элементов структуры сопроводительного инвентаря, характеризующего социальный статус женщины. Краткий историографический обзор по данной теме сделан нами ранее [Базарбаева, Джумабекова, 2019]. Первый опыт обобщения материала по женским погребениям на основе данных, полученных на могильнике Берел, например, введен нами в научный оборот в сборнике конференции, посвященной памяти выдающегося исследователя древностей Казахстана – Мира Касымовича Кадырбаева [Джумабекова, Базарбаева, 2010].

На территории Восточного Казахстана погребения с женщинами, выделяющимися специфическим составом предметного комплекса, известны среди памятников пазырыкской культуры.

Курган № 9 могильника Берел несколько отличается от остальных объектов памятника (рис. 1). В погребальной камере, перекрытой бревнами, находился сруб. В разграбленном парном погребении выявлены останки мужчины в колоде, погребение женщины было зафиксировано рядом с колодой, на площадке, вымощенной тонкими плитками алевролита, непотревоженным осталась нижняя половина туловища. Примечательно, что в фалангах рук и ног и в трубчатых костях ног женщины находились отверстия прямоугольной формы, что говорит о посмертных манипуляциях с телом умершей. Из предметов сопроводительного комплекса можно назвать золотые серьги, раковины каури, обложенные фольгой, бронзовое зеркало в чехле на поясе, терочник, костяной наконечник стрелы, в северо-восточном углу могилы – лестница с обрубленными ветками в качестве ступеней [Самашев и др., 2007; Самашев, 2011, с. 64–65] (рис. 2). Помимо этого, оно отличается

Слова в названии Р. Казаковой [Интернет-ресурс].

от остальных погребений Берела тем, что захоронение пяти лошадей в северо-западной половине ямы было перекрыто несколькими слоями камней и плит, в ногах лошадей – в юго-западной части конского отсека – стояла вертикально стела размерами 95×27×17 см (рис. 3). Лошади были частично перекрыты полотнами бересты. Для берелских курганов не характерно перекрытие конских погребений слоями камней и плит, установка стелы и лестницы в могильной яме.

Бронзовый небольшой сосуд-курильница с восемью окатанными камнями и семенами кориандра внутри (рис. 4) был выявлен в скоплении костей мужчины из этого же парного погребения, выброшенных из колоды и за пределы сруба, вместе с бронзовым и костяными наконечниками стрел, деревянными фигурками сфинксов, плакированными желтой фольгой, пуговицами, нашивками от одежды. В этом случае нельзя однозначно сказать, кому принадлежала курильница, видимо, как и в курганах Пазырыка, находка может свидетельствовать об использовании предмета при ритуалах похорон, провода умершего, поминовения.

К этому же типу относится курган № 2 могильника Берел, диаметром 27,5×28 м, где была погребена женщина пожилого возраста в сопровождении семи лошадей. Она занимала определенное положение в обществе, судя по тому, что была погребена рядом с «царским» курганом № 1 (с северо-западной стороны), единственная из представителей пазырыкского времени. Погребение было разграблено, вероятно, спустя непродолжительное время после захоронения. В плечевых костях зафиксированы круглые отверстия.

Из сопроводительного предметного комплекса можно отметить, помимо нашивок из золотой фольги (элементы декора одежды, костюма?), бусин, керамических сосудов, такие

Рис. 1. Могильник Берел. Расположение курганов № 1, 9, 16 (по: [Самашев, 2011, с. 15])

Рис. 2. Берел, к. 9. Придонная часть м.я. (по: [Самашев, 2011, с. 63])

Рис. 3. Берел, к. 9. Захоронение коней, перекрытое камнями и плитами (по: [Самашев, 2011, с. 63])

предметы, как бронзовое зеркало с зооморфной ручкой в кожаном чехле, терку в перевернутом положении, под теркой были обнаружены зерна растения. Предполагается, что наличие последних обусловлено болезнью женщины. Две (или три) лошади, возможно, были облачены в головные маски (и нагривник?), убранство их – с плакировкой (IV–III вв. до н.э.) [Самашев и др., 2016, с. 237–241, 248].

Стоит заметить, что у С. С. Сорокина, судя по приведенному плану могильника Берел, под номером 2 значится другой курган – с западной стороны в цепочке насыпей [1969, рис. 1].

В западной части Казахстана в круг погребений женщин, выделяющихся головным убором с символическим декором и предметами не утилитарного назначения, входит захоронение из кургана № 6 Таксай-1 (VI–V вв. до н.э.). В реконструкции, осуществленной К. Алтынбековым по материалам Я. Лукпановой, фиксируется высокий конусовидный головной убор, каркас которого выполнен в виде стилизованного изображения таутеке (рис. 5). Из находок можно отметить такие не бытовые предметы, как жаровня и котелок, ступка с пестом (пест и терочник).

Ритуальный комплекс погребенной также содержал деревянный короб с кистью волка, нож, деревянный гребень с изображением батальной сцены, алебастровый сосудик, клыки и зубы волка, гальку. Среди других находок – бронзовое зеркало, два золотых браслета, две височные подвески, гривна, деревянный и два стеклянных сосуда, узду.

У погребенной отсутствовали кости стопы, фаланги, плюсны и предплюсны обеих ног; возможно, они были отрублены – т.е. можно увидеть, что здесь также производили манипуляции с

Рис. 4. Берел, к. 9. Находки (по: [Самашев, 2011, с. 26])

останками умершей. Выявленные черты погребального комплекса, обряда позволяют предположить, что эта женщина – жрица [Алтынбеков, 2013; Лукпанова, 2017, с. 147; 2018, с. 231].

Если подобные манипуляции с телом у погребенной в могильнике Таксай могут свидетельствовать об определенном статусе женщины (жрица?), то выявленные специфические повреждения костей погребенных в курганах № 2, 9 могильника Берел имеют иную цель.

Перфорации также зафиксированы на костях скелетов мужчины и женщины из кургана № 16 могильника Берел. На черепе мужчины 45–55 лет – сквозное отверстие, срезаны углы нижней челюсти и сосцевидные отростки. Сквозные отверстия имеют обе ветви нижней челюсти. Объясняется фиксацией нижней челюсти в естественном положении, использованием черепа в ритуальных действиях.

На черепе женщины 18–25 лет из кургана № 16 могильника Берел имеется сквозное отверстие – последствие посмертной трепанации. У обоих индивидов также зафиксировано большое количество перфорационных отверстий на основных костях посткраниального скелета, линзовидные вырезы на бедренных костях, следы манипуляций с крестцом. Следы трепанации зафиксированы на черепе человека из кургана № 10 (мог. Берел). Эти отверстия свидетельствуют о практиковавшейся традиции бальзамирования покойника для его мумификации и посмертных ритуалах с останками людей высокого социального статуса [Китов, 2013].

Следы манипуляции с останками умершего встречаются и в памятниках других регионов – в погребениях тагарской культуры, например [Красниенко, 1996, с. 125].

Рис. 5. Облик женщины сарматского времени по материалам кургана 6 могильника Таксай.
Раскопки Я. Лукпановой. Реконструкция К. Алтынбекова.
Рисунок Д. Джанабаева, выполненный по фото О. Белялова [по: Алтынбеков, 2013]

На территории Жетысу также отмечены случаи, вероятно, помертных ритуалов. Так, предположительно в кургане № 4 могильника Каспан совершено преднамеренное разрушение погребального комплекса вскоре после скелетирования умершего [Джумабекова, Базарбаева, 2019]. Пол погребенного вызывает вопрос. Но инвентарь представлен бисером и гребнем, погребение с большой степенью вероятности, скорее всего, относится к женскому.

В кургане № 1 могильника Каспан были выявлены кости скелета женщины с перфорационными отверстиями. Датировка кургана № 4 – V в. до н.э., кургана № 1 – VI–V вв. до н.э. [Бейсенов и др., 2018]. Мумификация могла быть связана с прощальными традициями с умершим представителем правящей элиты, с целью сохранить тело для захоронения в определенное время [Бейсенов и др., 2018, с. 156]. Хотя обряд бальзамирования и мумификации умерших помимо элиты охватывал более низкие слои населения [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 254].

Похороны, относящиеся к обрядам, сопровождающим переход из одного состояния в другое – свадьбе, инициации, идея о новом рождении особенно ярко показывает представления о роли женщины в древнем обществе. Кроме того, перфорационные отверстия, зафиксированные в костях погребенных, все же более характерны для представителей аристократии разного ранга, и женщины этого слоя выполняли либо принимали участие в совершении ритуалов. Бальзамирование, манипуляции с телом умершей, среди прочего, возможно, свидетельствует о длительном цикле погребально-поминальных обрядов.

*«Кто же ты – ворожея, ведунья...?»**

К вопросу о роли женщины в обществе ранних кочевников позволяют обращаться данные кургана Тасарык. Раскопки проводились экспедицией Института археологии им. А. Х. Маргулана в 2013 г. (Урджарский р-н, ВКО). Памятник датируется V–IV вв. до н.э. [Курган Урджар, 2018; Байтанаев, 2019]. Возраст погребенной женщины – 25–35 лет [Байтанаев, Китов, с. 725].

Благодаря кропотливому труду творческого коллектива, возглавляемого К. Алтынбековым, удалось представить костюм женщины, погребенной в Тасарыке и отметить ряд любопытных элементов погребального обряда (рис. 6).

Ранее было сделано предположение о том, что птица, изображением которой декорирован ее головной убор, можно идентифицировать как феникс. Его символика и связанные с ним представления позволяют предположить, что женщина из кургана Тасарык выполняла определенные ритуалы. Вероятно, они направлены на обеспечение плодородия, связаны с обновлением природы. Символично, что головной убор женщины, погребенной в кургане Тасарык, демонстрирует не только наличие контактов и взаимозаимствований кочевников и населения Китая, но и синтез традиций саков Жетысу и населения пазырыкской культуры [Джумабекова, Базарбаева, 2020].

Головной убор включал парик, собственно головной убор и корону; составными элементами короны являются фигура птицы в центре, два стержня по сторонам от нее, два сайгака, подвески [Алтынбеков, 2018, с. 54–67]. Конусовидный головной убор с навершием украшен деревянными стержнями, оплетенными золотой лентой, с опахалом из тонких спиралек. Авторами реконструкции отмечено, что стержни с опахалом похожи на перо птицы и на раскрытый лист папоротника [Алтынбеков, 2018, с. 63]. В центре вертикальной композиции головного убора находится кованый железный стержень, скрученный спиралью, с золотым шаровидным навершием. Таким образом, в центре композиции находится фигура птицы на переднем плане и стержень с навершием за ней. Изображение птицы и круг имеющихся аналогий изучены нами ранее [Джумабекова, Базарбаева, 2020, с. 96–97]. К. Алтынбекову удалось выяснить, что у погребенной женщины в кургане Тасарык

* В качестве названия использованы строки Б. Каирбекова.

Рис 6. Облик женщины сакского времени по материалам кургана Тасарык/Урджар. Раскопки экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана. Реконструкция К. Алтынбекова. Фото О.В. Белялова (по: [Байтанаев, 2019])

был парик в виде скрученных из двух прядей кос. Волосы на коже головы погребенной женщины отсутствовали, возможно, голова была обрита [Алтынбеков, 2018, с. 58]. В этом наблюдается сходство с выявленными в курганах пазырыкской культуры женскими прическами и головными уборами.

В традиции народов Казахстана и Средней Азии до Нового времени сохранилось пользование в декоре женских украшений растительных элементов как символа жизни, плодородия, изображений птиц и перьев для украшения девичьих головных уборов. Перьями украшали свадебные головные уборы казахских девушек – саукеле [Прищепова, 2011, с. 37, 198, 200]. Казахи и киргизы почитали филина, сову как священную птицу, поэтому его когти и перья использовали как обереги. Ш. Тохтабаева в книге «Серебряный путь казахских мастеров» пишет, что «С одной стороны, она воспринимается как представитель темных сил и поэтому считается способной противодействовать отрицательным явлениям, поскольку зло, причисляя ее к своему разряду, не причиняет ничего дурного тому, кто ею обладает. С другой стороны, сова обожествляется» [2005, с. 247–248]. У оседлых и кочевых народов были разные предпочтения - фазан, павлин, петух и филин, ястреб, сокол, беркут соответственно [Кармышева, 1989, с. 28; Ишбулдина, 2013, с. 240]. Среди птиц, которых почитали казахи - филин, беркут, сокол, орел, лебедь. Считалось, что перья обладают магической, оберегательной силой. У казахов образ птицы связывался с такими понятиями, как счастье, свобода, добро, устремленность в светлое будущее.

Украшения в виде когтей филина служили оберегами. Когти птицы, оправленные в серебро, входили в состав многокомпонентных украшений. Они пришивались к головным уборам взрослых и детей, использовались как нагрудные украшения. Другой распространенный вид оберега - найденные перья филина или совы. Пучок перьев филина «уки» подвязывали к колыбели новорожденного, оформляли как султанчики для детских головных уборов, подвешивали к домбре, пришивали на настенный ковер тускииз.

Использование орнитоморфной символики фиксируется и в костюме казахских женщин. Подвески-обереги үкіаяқ – «когти филина», выполнявшие магико-охранную функцию, пришивали к женскому головному убору от глаза, а также известны «күс мұрын» сақинасы – кольцо «птичий клюв», «үкі» – перья филина.

В возрасте 7–13 лет начиналось отдельное воспитание девочек, в этот период они начинали носить шапочку – такия, украшенную перьями филина. Украшалась перьями птицы касаб, которую надевала на смену саукеле молодая жена. Символично, что орнитоморфная символика присутствовала в костюме девушки в важные, переходные периоды жизни, так, перстень «птичий клюв» надевали девушке перед тем, как отправить ее в семью будущего мужа. Вероятно, здесь птица символизирует начало новой жизни. Характерно, что в узбекской традиции перья филина увенчивали тубетейки мальчиков в день обрезания, чалму ханов, женихов – то есть в переходный, определенный период жизни либо лиц, наделенных символическими функциями [Тохтабаева, 2005, с. 247–248, 249]. В целом, прослеживается символическая связь головного убора царственных особ и свадебного [Попова, 2015, с. 32], казахских ханов и султанов [Горожанкина, 2000, с. 375], царей, дервишей, шаманов, т.е. людей, осуществляющих связь социума с другими мирами, людей, находящихся в переходном, пограничном состоянии.

Еще один обряд переходного периода существовал в поэтапной продолжительной свадебной церемонии – «үкі тағу». Он состоял в том, что родственники жениха в день сватовства одаривали подарками родителей и родственников невесты, а невесте прикалывали к ее головному убору пучок перьев филина – үкі, после чего она считалась засватанной. «Родственники жениха в день сватовства одаривали подарками родителей и родственников невесты, а к головному убору невесты прикалывали «үкі», после чего она считалась засватанной» [Асыллова, Интернет-ресурс].

Подтверждением декорирования знакового головного убора – саукеле - перьями птиц, а также девичьего головного убора – борик, являются многочисленные изображения девушек, запечатленные во второй половине XIX – начале XX века А. А. Ворониной-Уткиной и К. Н. де-Лазари, С. Дудиным [Резван, 2016, рис. 14–17; 2010, с. 27; Прищепова, 2006, с. 182, 208; 2011, с. 69, 112, 113, 455, 463].

Перья филина привязывали к хвосту лошади при сватовстве в другом ауле. Апотропеическую функцию хищные птицы выполняли в родильном обряде. Птицы выполняли шаманскую функцию изгнания злых духов, выступали как бы заместителями шамана. Упоминается, что у «тюркских народов известен мотив превращения шамана в беркута или филина, которые борются со злыми духами, воплощенными также в образе птицы» [Наумова, 2016]. Перья филина в культуре казахов имели разную символику, они, например, являлись знаком срочности – пучок перьев крепился к головному убору нарочного или к дуге упряжки [Ауэзов, 1978, с. 189].

О связи птицы с обрядами перехода свидетельствует грация, усложнение головного убора девушек в традиционной культуре: в определенном возрасте по мере взросления девочки начинали носить специфический головной убор, меняли прическу. Перья на головном уборе девушки означали вступление ее в брачный возраст. Пучок перьев, прикрепленный к головному убору девушки, означал ее новый статус – она считалась сосватанной.

Перья прикрепляли к свадебному головному убору девушки – саукеле, кроме того форма и декор саукеле наполнены другими символическими элементами – в центре налобной диадемы

невесты располагалась фигура многорукой богини-матери, являвшейся покровительницей брака и деторождения [Попова, 2015, с. 31–32]. Среди элементов декора саукеле есть мотив «священное древо жизни», «бараньи рога», символы плодородия, а также үкі аяқ. Возможно, в этом проявляется принципиальное сходство с головными уборами, коронами женщин эпохи ранних кочевников – те же знаковые элементы декорируют их. Символично также, что обычно саукеле обшивался бархатом **красного** (выделено нами – авт.) цвета.

Основу үкі аяқ представляют крупные разветвленные когти филина в оправе из металла (серебра), на которые прикреплялись подвески из коралловых бус на цепочках и круглых вставок из бирюзы, стекла. Символичны и остальные элементы оберегов. Так, бирюза в различных культурных традициях считалась талисманом невест, из нее изготавливали обручальные кольца. Подобные представления имеют древние или глубокие корни и характерны для разных народов или культур. Так, например, показательно, что амулеты из бирюзы, как и амулеты с изображением Хатхор - богини неба, любви, материнства, богини-матери, способной перерождать мертвое в живое - защищали от злых духов и от сглаза. Бирюза, священный камень Хатхор, в мифологии египтян символизировала возрождение и вечную жизнь [Хатхор, Интернет-ресурс].

У казахов считается, что бирюза приносит счастье. Описывая супругу султана Сулеймана Фатьме, Анри Мозер упоминает головной убор цилиндрической формы, декор которого «завершает бирюза редкого размера». Ее эгрет составлен из перьев цапли и страуса [Атанова, Интернет-ресурс].

Коралл – «оберегающий от порчи, наговора и одновременно способствующий жизненному благу и... многочисленному здоровому потомству»; с ним связаны представления о стимулирующем плодотворном качестве [Тохтабаева, 2005, с. 223, 224].

Украшение женского головного убора перьями имеет давние традиции. Не говоря о том, что головные уборы и женские прически украшались изображениями птиц или крыльев (Иссык*, Тасарык, Ак-Алаха), в более позднее время примером такого наглядного символизма является боктаг. Боктаг венчают султанчики из перьев, деревянные или металлические пруты, а также украшают бусами, бляхами, нитками жемчуга и т.п. Предположительно форма наверхий, такие детали как прутья, перья птицы могут свидетельствовать о близости боктаг к космогонической символике народов Сибири и Центральной Азии. В декоре головных уборов золотоордынского времени прослежено высокое украшение пером и жемчужными композициями в местах соединения шапочки с наверхием [Казакова, Интернет-ресурс]. Выявлена взаимовстречаемость в археологических комплексах бокки с бронзовыми зеркалами.

Обычно приводят описание бокки Рубруком: украшение ее перьями птиц, женщины собирают волосы сзади вверх и помещают в бокку [Крамаровский, 2013, с. 115; Путешествие..., 1957, с. 101]. Видимо, бокка являлась головным убором женщин зрелого и старческого возраста, служила символом высокого социального статуса человека [Каримова, 2013, с. 28].

На территории Казахстана известны находки таких головных уборов, по которым выполнена реконструкция. Это бокка в фондах Павлодарского областного историко-краеведческого музея (X–XIII вв.); боктаг из Ждановского могильника, курган № 14, погребение 1 в Сарыарке, чья находка маркирует восточную границу распространения сапожковой разновидности; боктаг в погребении 2 некрополя Бозок. Важным представляется вывод о том, что традиционные черты бокки прослеживаются и в этнографическом материале о казахах. Это относится к саукеле, с которым фиксируется схожесть в покрое и размерах [Пилипенко, Хасенова, 2017, с. 105–106, 107]. Сходство

*Точка зрения относительно костюма изложена ранее [Базарбаева, Джумабекова, 2019]

с саукеле проявляется в ключевых элементах: бокка украшалась перьями павлина и хвоста селезня. Бокка Сарай-Мульк-ханум, старшей жены Тимура, была украшена султаном перьев, жемчугом, рубинами и бирюзой. Бокка ее была **красного** цвета [Крамаровский, 2013, с. 148].

Возможно, связь бокки с саукеле и другими символическими или не рядовыми головными уборами прослеживается в том, что бокка – это принадлежность монгольских жен представителей чингисидских элит, «жен татарских вождей».

Отклоняясь от линии Казахстан-Саяно-Алтай, отметим, что среднеазиатское (узбекско-таджикское) свадебное украшение невесты тилля-кош - букв. «золотые брови» по одной из версий перевода происходит от тилла куш – «золотая птица». Таким образом, свадебный венец - это крылья золотой птицы, хварны, божественного благословения в зороастрийской традиции, защиты [Гюль, Интернет-ресурс]. Таким образом, образ птицы, ее символика в головном уборе невесты либо женщины высокого социального статуса так или иначе прослеживается на протяжении веков у многих народов.

Традиция обозначения пола и социального статуса по мере роста, взросления и т.д. женщины существует у тюрков Саяно-Алтая. Это достигалось усложнением девичьих украшений, использованием специальных видов новых украшений. Вероятно, как и в предшествующую эпоху, комплект украшений костюма невесты и замужней женщины не были произвольными, а воплощали идею плодородия. Прослежена схема маркирования половозрастного статуса девочки–девушки–женщины от недифференцированности украшений девочек до разделения признаков у девушек на выданье и невест и маркированности украшений замужних женщин, уменьшения количества и упрощения украшений – у пожилых женщин [Москвина, 2013, с. 86]. Эта практика характерна в целом для традиционной культуры.

То же характерно для народов Казахстана и Средней Азии. У детей младшей возрастной группы – мальчиков и девочек прически были одинаковые. В возрасте 5–7 лет начинают появляться различия в прическе. При достижении половой зрелости происходила смена головного убора и прически, волосы оформлялись определенным образом, их переставали стричь. Прослеживается инверсия девичьей прически по отношению к женской. После рождения ребенка девичья прическа и головной убор менялись на женскую. В целом, в среднеазиатской и казахстанской традиции прическа это значимый маркер принадлежности женщины к определенному возрастному классу [Попова, Старостина, 2007].

Можно предположить истоки половой и социальной дифференциации причесок и головных уборов женщин еще в эпоху бронзы и ранних кочевников. Элементы, маркирующие статус женщины – прическа, головной убор, что фиксируется в археологических памятниках. Там, где удалось проследить, памятники археологии показывают, что головной убор женщин разных регионов в эпоху ранних кочевников принципиально схож, вероятно, отражая единые представления о роли женщин в обществе.

Как правило, в материалах погребений женщин скифо-сакского времени прослеживается сложная прическа, косы, чаще поднятые вверх, что подтверждается находками шпилек, высоким конусовидным головным убором, отверстиями в цилиндрическом головном уборе.

Другой вариант – две косы, как у погребенной в Тасарыке. Интересно, что центральный штырь здесь является конструктивным элементом головного убора, отдельно от короны с птицей и двумя деревянными стержнями по бокам. Он не предназначен для удерживания прически, закрепления кос в вертикальном положении. Однако косы были искусственными, из растительных волокон. Возможно, голова была обрита. В Тасарыке фиксируется принципиальное сходство с женскими головными usernameами восточной части Евразии.

Женщины Востока. Аналогии близкие и дальние...

В раннесакском кургане Аржан-2 в Туве (вторая половина VII в. до н.э.) головной убор высокий конический или заостренный кверху, две золотые шпильки крепились на его передней стороне, реконструируется полукруглый нагрудник, расшитый золотыми и бирюзовыми бусинами [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017, с. 58].

Головной убор женщины из кургана Аржан-2 украшен золотыми бляхами в виде лежащей лошади, кошачьего хищника и головы хищной птицы. Погребенная была снабжена поясом с железным кинжалом с золотой рукоятью, двумя железными ножами и бронзовым шилом с навершием в виде стоящего барана, золотой пекторалью, деревянным гребнем с золотой ручкой. Возможно, вместе с косметическим набором в реквизит женского погребения входила миниатюрная модель золотого котелка. Хотя К. В. Чугунов оставляет под вопросом – кому он принадлежал, так как находился между погребенными мужчиной и женщиной [Чугунов, 2006; Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017; Семенов, 2015, с. 83, 84].

В Аржане-2 у женщины также находился каплевидный каменный сосуд и круглая каменная чаша, деревянный сосуд с ручкой в виде копыта, фрагмент сумки с семенами, и маленький бронзовый сосуд с ручкой в кожаной сумке [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017, рис. 196; с. 65-69; табл. 66, 1, 2; табл. 68; 67, 1].

Авторы ставят вопрос о том, находились ли (необугленные) семена кориандра из погребения 5 в кургане Аржан-2 первоначально в курительнице. Можно рассматривать семена растений как «символические дары умершему в виде пищи или средств от болезней либо для отпугивания злых духов в потустороннем мире». Пять идентифицированных растений, помимо проса, могли использоваться как пряности или как лекарственные средства.

В пользу предположения, что эти растения использовались, как ароматическая смесь говорит тот факт, что в одном мешочке около женского скелета 2 в могиле 13 лежали клубни сыты круглой и косточка дикой вишни [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017, с. 245, 249–250, 307].

Не исключено, что мисочка, по сути, курительница каплевидной формы, находилась вместе с растительными остатками в западном углу погребальной камеры или повешенном здесь на стенке мешке из органического материала выше правого плеча женщины, лежащей рядом с «царем». Предположительно, это курительница, хотя указывающие на это следы на поверхности не обнаружены [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017, с. 68–69]. Курительницу с семенами растений – вероятно, можно отнести к предметам ритуальным или статусным.

В кургане № 33 Догээ-Баары-2 (Тува, конец III — начало II в. до н.э.) головной убор погребенной имел цилиндрическую или конусовидную форму из войлока и ткани, зафиксирована пара булавок-шпилек, которая закрепляла края убора на прическе. Две другие булавки, возможно, удерживали косу, поднятую вертикально над головой. Предположительно, головной убор состоял из двух частей: небольшой шапки и трубки-накосника. Общая высота убора – 40 см. Лицевая часть убора украшена золотыми и слюдяными пластинками, накладками с изображениями голов оленей, цветным бисером. К нижней части убора крепились золотые трубочки и бирюзовые бусины [Кисель, 2018, с. 121]. Выявлен также нагрудник.

Для погребений могильника Суглуг-Хем в Туве (III–II вв. до н.э.) установлена берестяная конусовидная шапка высотой 40 см, сквозь крышку которой продет деревянный наконсник с железной шпилькой [Кисель, 2018, с. 122].

Типологически близкие головные уборы известны на Алтае. В Пятом Пазырыкском кургане (IV–III вв. до н.э.) реконструируется деревянная цилиндрическая шапка, обтянутая кожей. В вертикальном положении на ней размещался жгут из конского волоса. Еще две косы продевали

сквозь отверстия по бокам цилиндра, они переплетались со жгутом. Прическа или головной убор довершалась накладной косой, которая еще удлиняла прическу, она плелась из человеческих волос и шерстяных нитей и скреплялась железной булавкой [Руденко, 1953, с. 123, 129–130, табл. XXVI, 2].

Обычно прямой иллюстрацией этому головному убору называют изображения на парных золотых бляхах из Сибирской коллекции Петра I («Отдых в пути») [Руденко, 1962, табл. VII, 1] – головной убор и прическа образованы, видимо, двумя боковыми косами, соединенными с косой на темени, которая также была вытянута вверх. Справедливо замечание В. А. Киселя о том, что «вытянутая форма женских головных уборов древних кочевников диктовалась необходимостью закрепления кос в вертикальном положении» [2018, с. 121]. Видимо, для большинства причесок ранних кочевников восточной части это справедливо.

Кроме того, определенные параллели устанавливаются с изображением богини, изображенной на войлочном ковре из Пазырыкского кургана № 5 [Руденко, 1953, табл. XCV]. У богини обрита голова, на которую надет низкий цилиндрический головной убор с зубчатым красно-черным декором, ухо повернуто назад, что свидетельствует о ее неземном происхождении [Семенов, 2015, с. 111, 124].

В кургане № 1 могильника Ак-Алаха-3 у погребенной женщины зафиксирована прическа с использованием парика, зеркало, гривна, каменное блюдо с частично обугленными семенами кориандра, в ушах сережки. У женщины выявлена трепанация черепа, ее бальзамировали, возможно, была обрита. На мизинцах рук женщины завязаны шерстяные веревочки. На обеих руках от плеча до кисти и фаланги некоторых пальцев нанесена татуировка, стиль и образы которой идентичны нанесенным рисункам у мужчины из Пазырыкского кургана № 2 (баран, рогатое копытное с клювом грифона, кошачий хищник). Установлено также сходство в сюжетном построении рисунков на руках [Полосьмак, 2001, с. 230, 231; рис. 48].

Прическа и головной убор женщины из кургана № 1 могильника Ак-Алаха-3 очень символичен, со своеобразным обозначением «древа жизни» - высокое (около 61 см) сооружение из войлока, на деревянном каркасе, на который нашито 15 деревянных фигурок птиц, обклеенных золотой фольгой. Головной убор или прическа дополнялась кокардой в виде лежащего оленя. Войлочная шапка имеет отверстие на макушке, сверху крепился обернутый войлоком пучок волос в шерстяном чехле красного цвета, который одевался на стоящую вертикально прядь волос, собранных на макушке. Прическа закреплялась бронзовой булавкой с навершием. Парик дополнен тремя наконечниками – два по бокам на висках и один на затылке, надевался на обриту (?) голову [Полосьмак, 2001, с. 143–155; рис. 12; 13]. По поводу статуса погребенной в кургане № 1 могильника Ак-Алаха-3 существовали предположения, что она служительница культа, «избранница духов» [Полосьмак, 2001, с. 96].

До сих пор не решен вопрос – реконструируемое сбривание волос для женщин пазырыкской культуры было посмертным для трепанации или было обычным при жизни. Связано ли это с определенным социальным статусом женщины, возрастным?

Высокий головной убор реконструируется для женщин из других синхронных погребений Алтая. Так, для погребений Средней Катунь характерны булавки (заколки или шпильки) для закрепления причесок, изготовленные из бронзы, железа и дерева. Обычно их находят по одному, но в некоторых случаях – несколько штук в погребении [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 86].

У женщин реконструируется высокая прическа или головной убор и по другим информативным памятникам, таковая фиксируется в семи погребениях мог. Локоть 4а на Алтае – высотой 50–70 см, в головах располагались найденные в единственном числе зеркало-погремушка и каменный «алтарик» (V–III вв. до н.э.) [Шульга, 2003, с. 89].

О высокой прическе женщин пазырыкской культуры свидетельствуют курганы Уландрыка, Юстыда. Здесь реконструируются характерные заколки, вплетение искусственной косы, наконечник,

заклучавший в себе косу, на макушке или темени. Вместе с накосниками в погребениях Уландрыка и Ташанты найдены заколки или каркасные палочки, длиной около 35–40 см, удерживающие прическу в вертикальном положении. Предположительно, прическа была непосредственно связана с головным убором или наголовником, как в кургане № 1 могильника Ак-Алаха-3. Хотя высокий головной убор носили и мужчины [Кубарев, 1987, с. 97].

В некоторых курганах Уландрыка найдено более 10 шпилек на одного погребенного, также конструктивно связанных с деревянными накосниками. В целом женщины пазырыкской культуры при жизни заплетали волосы в две косы. Накосники были покрыты снаружи резным орнаментом и служили украшением двух кос. Головные уборы пазырыкцев декорировались изображениями оленя и двух коней, грифона, орла, грифа и петуха, золотыми кокардами, бляшками в виде птиц, розеток и стилизованных бычьих рогов. Применялись налобные повязки или деревянные диадемы [Кубарев, 1991, с. 112–114].

Для ряда женских раннекочевнических погребений Алтая зафиксированы не только высокие прически, но также зеркала-погремушки, музыкальный струнный инструмент, наконечники стрел, каменные алтарики на ножках и терочник, погребения парные (Пазырык, Рогозиха-1 и Локоть-4а, Мечетсай). Со вторым умершим пожилого возраста могли помещать скромное цельнолитое зеркало, каменный алтарик, панцирь черепахи или бронзовую курильницу. Возможно разделение ритуальных атрибутов для мужчины и женщины – во Втором Пазырыкском кургане каменный алтарик и первый «комплект для курения конопли» с курильницей подквадратной формы на ножках мог предназначаться женщине, а комплект с курильницей в форме скифского котла на поддоне – к мужчине (во Втором Пазырыкском кургане обнаружено два комплекта для курения). Предполагается культовая значимость зеркал-погремушек и их упрощенных вариантов и подражаний [Шульга, 2003, с. 93–95].

Относительно погребений с зеркалами-погремушками существуют разные точки зрения: их рассматривают как атрибуты жреческие, музыкантши и танцовщицы, зеркала и алтарики как косметические наборы знатных женщин, принадлежавших к всадничеству. Однако это не означает отрицание существования жриц и жречества [Шульга, 2003, с. 94].

Таким образом, высокая прическа и зеркала-погремушки, их варианты и подражания в комплекте с алтариками – своеобразный комплект, позволяющий высказывать предположения о статусе женщины в обществе ранних кочевников восточной части Евразии.

Сложная и пышная прическа уландрыкских женщин, возможно, была заимствована носителями таштыкской культуры. Шпильки, найденные в курганах Юстыда и Уландрыка, видимо, находят продолжение в таштыкских костяных стерженьках, с помощью которых волосы крепились к берестяным накосникам, традиция сохранилась до позднего средневековья [Кубарев, 1991, с. 111]. Таштыкцы также использовали берестяные накосники, обтянутые шелком. Ношение накосников, т.о., было распространенным обычаем не только у древнеалтайских женщин, но и у других скотоводческих племен Центральной Азии.

Э. Б. Вадецкая реконструирует для женщин таштыкской культуры два варианта причесок: простую и сложную. Это свернутая на макушке коса, заколотая шпильками, закрытая берестяным колпачком. Кончик косы могли пропускать через отверстие в колпачке. Для удержания прически использовали деревянные и костяные шпильки. Либо реконструируются высокие прически с вплетенными волосами. Сквозь трубочку продевали косичку, сплетенную на темени, ее обматывали накладными волосами, закрепляли шпильками [Вадецкая, 1999, с. 50–52].

У народов Сибири и Алтая практиковались подобные прически с накладными/подвесными косами до этнографического (Нового) времени. При этом косы – необходимый элемент прически,

обладающий определенной символикой. Таким образом, высокие головные уборы и прически, длинные косы – традиция, существовавшая тысячелетия, с которой, вероятно, связаны представления о роли женщины в обществе.

Помимо следов манипуляций с останками умершей, помертвых ритуалов, прически, символического головного убора в составе предметного комплекса определенной категории женщин встречаются алтарики, курильницы, лестницы. Но не всегда уверенно можно говорить о том, что они принадлежали погребенным женщинам.

Д. Г. Савинов, перечисляя предметы не утилитарного назначения - курильницы на специальных подставках-«шестиногах» (Пазырык, курган 2; рядом находилась кожаная фляга с зернами конопли); каменный светильник (Пазырык, курган 2); струнные инструменты типа «арфы» (Пазырык, курган 2, Башадар); односторонние барабаны (Пазырык, курганы 2, 3, 5) и т.д., предполагает, что они являлись не сопроводительным инвентарем, а предназначены для ритуальных действий, связанных с обрядом погребения, обрядами «проводов» покойного, т.е. принадлежали людям, исполнявшим погребальные церемонии [Савинов, 1996, с. 110, 111]. Поэтому камеры-срубы больших курганов могильника Пазырык являются не только местами захоронений, но и своеобразными «часовнями».

О том, что курильницы могли быть общественной собственностью, используемой при погребальных обрядах, при совершении ритуала окуривания участников похорон, очищения дымом могильной ямы говорит и В. А. Кисель [2007, с. 72].

Курильница из Догээ-Баары-2, курган 15 также стояла в свободной части сруба, возможно, была предназначена для совершения обрядов общения с умершими предками, сопровождаемых воскурениями. Вероятно, как и в своеобразных часовнях, здесь также совершались неоднократные ритуальные действия [Чугунов, 1996, с. 73]. Такие атрибуты как каменные жертвенники, зеркала, возможно, не являются личными атрибутами погребенных [Чугунов, 2018, с. 30–31].

Для погребений саргатской культуры выявлена закономерность расположения жертвенников и блюд: они характерны для женщин и имеют «различную материальную реализацию одной функции этих предметов». Относительно курильниц предполагается, что они выполняли не только чисто ритуальную, но и бытовую роль – как приспособления для очищения воздуха, воскурения благовонных и наркотических снадобий. Камни – преимущественно мужской предмет (62,5%)» [Матвеева, 1996, с. 82].

Также использование каменных алтариков в качестве ритуальных предметов предполагают А. А. Тишкин и П. К. Дашковский, которые, как и некоторые другие показательные предметы – накосники, эгреты, часто – шпильки, диадемы, гривны и др., встречаются у женщин возмужалого возраста [2003, с. 178]. Такими атрибутами при погребении сопровождалась лица, выполнявшие функции или обязанности служителей культа. Но, видимо, нельзя женщин, сопровождаемых такими атрибутами, обязательно относить к жрицам: их могли хоронить по нестандартному обряду и вне обычных кладбищ [Яценко, 2007, с. 65].

Вероятно, такие предметы как лестница, курильница выполняли не только утилитарную, но и ритуальную функцию. Очевидно, что эти элементы предметного и погребального комплекса взаимосвязаны.

Как и курильницы, лестница могла принадлежать как погребенному, так и использована для ритуалов посещения, проводов умерших. В кургане Тасарык не было обнаружено лестницы и не зафиксированы перфорационные отверстия в костях погребенной женщины, но присутствуют высокий головной убор, алтарик, посуда, кости архара, много папоротника. По этому погребению можно предположить, что женщина при жизни выполняла и определенные ритуальные функции.

Лестница в Небеса...

Помимо кургана № 9 могильника Берел лестницы выявлены в Четвертом и Пятом Пазырыкских курганах: в кургане № 4 лестница стояла в восточном секторе могилы между погребальной камерой и конским захоронением и представляла собой бревно с девятью зарубками-ступенями, в кургане № 5 – лестница также представлена в виде бревна, с восемью зарубками, которое лежало в конском захоронении также в восточной половине погребальной камеры. В Пятом Пазырыкском кургане лестница была уложена вместе с конями.

Во Втором Пазырыкском кургане к северной и южной стенкам погребальной камеры были приставлены по три столба с корытообразными углублениями, на которые были положены три поперечные балки [Руденко, 1953, с. 31, 53, 365, 372].

Помимо лестницы для женщины из Второго Пазырыкского кургана характерен специфический набор атрибутов и прическа с головным убором. Прическа у женщины состояла из косы, наконсника, железной булавки. Женский головной убор сделан из меха черного жеребенка с нашитыми на него ажурными кожаными ромбами, с кожаной диадемой из петушков и мозаичными подвесками из цветного меха. Кроме того, в предметном комплексе присутствовали каменная свечелница, семена конопли, посевного кориандра и донника, медная курильница в форме котла с камнями и семенами конопли внутри, медная прямоугольная курильница на четырех ножках с камнями и семенами конопли, две шестиноги, часть войлочного покрывала шестиноги, кожаное покрывало шестиноги, гребень, зеркало серебряное и бронзовое [Руденко, 1953, с. 81, 97, 98, 366–367].

У женщины из Пятого Пазырыкского кургана выявлен головной убор с косой. Из инвентаря сохранились, среди прочего, древки шестиног [Руденко, 1953, с. 373; табл. XXVI].

В Первом Туэктинском кургане найдена часть лестницы из длинных квадратных в разрезе боковин с врезанными в них ступеньками [Руденко, 1960, рис. 63; с. 113].

Помимо Пазырыка, в других памятниках пазырыкской культуры – курган 1 могильника Ак-Алаха-3, Уландрык, Малтагу-IV – были найдены остатки деревянных шестов-жердей, которые находились в разном положении – стояли на перекрытии срубов, по углам могильной ямы, лежали вдоль стенки сруба. Назначение этих жердей может быть связано с жилищем, но временным, переносным [Полосьмак, 2001, с. 20].

О том, что некоторые предметы могли использоваться в длительных погребально-поминальных ритуалах — свидетельствует место их находок и наблюдения, позволяющие предположить, что погребальные камеры какое-то время оставались доступными. Например, С. И. Руденко сделал наблюдение, - ограбление кургана Туэкта I совершено непосредственно за захоронением, но раньше, чем была возведена каменная насыпь. Отсюда следует вывод, что сам курган возвели через какое-то время после захоронения, «возможно, только на следующий год». Предполагается, по мнению Д. Г. Савинова, что по лестницам на дно могильных ям спускались строители срубов; люди, совершавшие ритуальные действия по захоронению [1996, с. 108–109].

О роли лестницы в мифологии и культовой практике кочевников много сказано, в том числе и Н. В. Полосьмак, которая считала, что лестница не могла играть только утилитарное значение. Ее могли использовать как ритуальный атрибут при проведении обрядовых действий, связанных с похоронами и поминками. Погребения, где отмечены лестницы, могут быть могилами племенных вождей, исполнявших жреческие функции, для «восхождения на Небо» [Полосьмак, 2001, с. 257–258].

Учитывая предположение, что в синкретической системе религиозно-мифологических воззрений «пазырыкцев» наряду с древнеиранским мировоззренческим комплексом практиковался шаманизм, можно отметить некоторые элементы шаманизма: представления о многоуровневом строении Вселенной, возможности перемещения внутри нее и др. Среди элементов шаманства

у индоевропейцев и древних иранцев – техника экстаза, достигаемая с помощью окуривания наркотическими средствами или ритуального напитка «сомы» [Дашковский, Тишкин, 2003, с. 278]. Применение наркотических средств с использованием курильниц в культовой практике у скифов (по сведениям Геродота) Е. Ф. Королькова предполагает как культовое действие, близкое шаманскому камланию [2009, с. 20].

Идея «восхождения» на небо по веревке, дереву или лестнице известна в культуре многих народов. При жертвоприношении коня и вознесении на Небо алтайский шаман устанавливает внутри новой юрты молодую березу, очищенную от нижних ветвей; на ее стволе делается девять ступеней (тапты). Шаман взбирается на ступеньки на березе, проходя по очереди через все небеса, вплоть до девятого, а если он действительно могучий шаман – то и до двенадцатого. Когда он достигает вершины, призывает Бай Ульгена [Элиаде, 2000, с. 185, 189].

В шаманизме народов Средней и Северной Азии дерево соединяет между собой три космические сферы. В целом в архаических традициях Мировое Древо является Древом Жизни и Бессмертия. Не случайным является и количество зарубок-ступеней. Шаман, взбираясь по ним, преодолевает соответствующее число небесных уровней. Например, у якутов шаманы взбираются по дереву с девятью ступенями для того, чтобы принести жертву Айы Тойону [Элиаде, 2000, с. 179, 255, 257].

В целом, у тюрков Дерево – сакральный центр своей земли, которое, как и Гора, выражают одну идею вертикали, связующей воедино три мира. Лестница соотносится с идеями мирового дерева и трехчленности пространства – основополагающими идеями мифологической модели Вселенной тюркоязычных народов.

Это подтверждается иллюстрацией пути шамана к Ульгеню, проходящего мимо жертвенника к березе с девятью зарубками-ступенями на стволе. По ним шаман начинает подниматься на небо [Львова и др., 1988, с. 32, 83, 164; рис. 2].

Таким образом, для шаманизма дерево – Мировой столп, ключевой элемент космологии, связующий сферы мироздания. Шаман осуществляет путешествия по его ступеням. На ветвях родового дерева располагались нерожденные души людей в виде птиц. В традиционных представлениях дерево связывается с «комплексом идей о плодородии, жизненной силе, возрождении, с деревом связаны обряды появления на свет и проводов покойного» [Борко, 2004, с. 53–54, 56].

По мнению специалистов, рисунки на шаманских бубнах и других атрибутах могут отражать реалии обрядовой практики. Так, привязанный к дереву конь – это ездовое животное, умерщвленное на могиле хозяина. Дерево сопоставляется с шестом или деревцем на могиле, которые, в свою очередь, являются модификациями коновязи, соединяющей миры – реальный и иной [Львова и др., 1988, с. 165].

Обсуждение

При поверхностном взгляде женщина в древнекочевническом обществе имеет отношение к шаманизму, на что косвенно могут указывать такие атрибуты, как курильница, лестница, форма и декор головных уборов и причесок. Что касается символики женского головного убора, в частности, головного убора женщины из кургана № 1 могильника Ак-Алаха-3, можно отметить, что, как и в мифологических архаических представлениях, здесь прослеживаются элементы, показывающие ее статус – она владеет тайнами бессмертия, ей принадлежит своя роль в обрядах, воплощающих идею смерти-воскрешения. Женщина дает жизнь, насылает смерть [Борко, 2004, с. 88–89].

Помимо прически, головных уборов, в перечисленных погребениях женщин фиксируются в качестве элементов предметного комплекса курильницы, жаровни, алтарики, а также семена растений, перфорация костей. Очевидно это не рядовые погребения, позволяющие делать предположения

о социальном статусе и роли женщины в целом в обществе. А. А. Тишкин и П. К. Дашковский, систематизировав материалы по погребениям Пазырыка, выделили социально-типологические модели. Женские погребения из курганов № 2 и 5 могильника Пазырык отнесены к первой социально-типологической модели – это жены «вождей» крупных племен или племенных объединений. Вторая, несколько уступающая по пышности инвентаря первой модели, включает курган № 1 (Ак-Алаха-3), курган № 11 (Берел), курган № 2 (Туэкта), курган № 2 (Башадар), курган № 1 (Ак-Алаха-1), курган № 4 (Пазырык). Это женские и парные погребения.

Возможно, погребенную в кургане Тасарык также можно отнести ко второй модели по разработке А. А. Тишкина и П. К. Дашковского. В Тасарыке погребенной женщине 35 лет, наибольшей социальной активностью обладали представительницы возмужалого возраста 20–35 лет, т.е., видимо, она находилась на границе, когда ее социальная значимость, природная сила начинала уменьшаться [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 185–186, 203, 223].

Женщины у древних кочевников занимали достаточно высокое положение, принимали участие в жизни общества. Жены вождей племен и союза племен, в руках которых была сосредоточена верховная, религиозная и административная власть, также занимали высокое положение, выполняли соответствующие культы.

Памятники, где предполагаются погребения служителей культа – курган № 2 (Пазырык), Каракольский курган, курган № 1 (Ак-Алаха-3), курган № 1 (Кутургунтас), курган № 1 (Ак-Алаха-1), возможно курганы № 2 и 27 (Тыткескень-VI). В этих объектах были погребены женщины, кроме парного погребения во Втором Пазырыкском кургане. Среди инвентаря в них зафиксированы каменные алтарики (курильницы?), бронзовые зеркала, а также сопроводительное захоронение лошади. Однозначно такие элементы предметного комплекса, как бронзовые жаровни с камнями, зерна конопля, «шестиноги» могут свидетельствовать о погребениях служителей культа либо выполняющих какие-то некоторые культовые функции, действия. Учитывая, что отправление культовых функций у пазырыкцев осуществлялось главами патриархальных семей и родов, а верховная религиозная власть сосредоточивалась у вождя племен или союза племен [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 228–230], можно предположить, что погребенная в кургане № 9 могильника Берел могла осуществлять определенные культовые функции как жена главы семьи, а в кургане Тасарык – возможно, отнести к служителям культа, близким по статусу к погребенной в кургане № 1 могильника Ак-Алаха-3.

Н. В. Полосьмак также считает, что погребенная в кург. 1 мог. Ак-Алаха-3 обладала какими-то особыми знаниями – может быть, была сказительницей, заклинательницей погоды, ворожеей; в целом лиц из курганов долины Ак-Алаха можно определить как представителей элитного слоя пазырыкцев [2001, с. 276, 280].

Один из признаков погребений служителей культа – наличие алтариков («жертвенников», «курильниц»), предположительно, наряду с металлическими «жаровнями» они использовались для окуривания «дурманящими» растениями. Металлические курильницы в Пазырыке могли использоваться при похоронных, поминальных обрядах, другими людьми, исполняющими эти обряды, а каменные алтарики, вероятно, – это принадлежности самих женщин. Курган № 9 могильника Берел 3. Самашев включил в 1-й тип – это наиболее крупные объекты, содержащие не рядовые погребения [2011, с. 114–115].

Видимо, в этот разряд входит и погребение в могильнике Ханкаринский Дол – курган № 15 – один из наиболее крупных объектов пазырыкской культуры на памятнике. Кроме того, в погребении обнаружено сопроводительное захоронение лошади и некоторые предметы: зеркало, гривна, серьги и головной убор с золотыми зооморфными аппликациями [Дашковский, Усова, 2011, с. 84].

Каменные жертвенники зафиксированы в качестве элементов сопроводительного предметного комплекса в курганах тасмолинской культуры (VIII–V вв. до н.э.). Среди них есть как женские погребения, так и мужские. Среди женских можно назвать такие объекты, как могильник Тасмола I, курган 19 (скелет женщины возмужалого возраста сопровождали бронзовое зеркало в чехле, оселок; пластинчатый нож, предметы конского снаряжения, рамковидные пряжки, пуговицевидные пронизи и бляшка листовидной формы, а также лопатка и черепа двух баранов, лопатка и череп лошади, голова лошади была взнуздана); могильник Тасмола II, курган 2 (скелет женщины зрелого возраста с черепом, лопаткой и ребром барана в ногах, нож); могильник Карамурун I, курган 8 (женщина возмужалого возраста, в заполнении - кость ноги барана); могильник Карамурун I, курган 9 (жертвенник и костяная шпилька, в заполнении ямы найдены кости барана); могильник Карамурун I, курган 10 (скелет женщины старческого возраста, две костяные шпильки, жертвенник, бронзовое зеркало с рукояткой, украшенной изображениями голов двух козлов, бронзовая фигурная бляшка с зооморфным декором); могильник Жыланды / Жиланды, курган 1 (пара серег, две спирали из ленты желтого металла, обломок предмета с острым концом, напоминающего шпильку, бусина из черного камня, массивное бронзовое зеркало, точильный камень, обломок железного ножа); могильник Жыланды, курган № 2 (жертвенник, ожерелье из бирюзы и голубой пасты, сланцевое пряслице и золотая серьга) [Кадырбаев, 1966, с. 311–314, 352, 360, 362; 1974, с. 41–44; Базарбаева, Джумабекова, 2020]. Таким образом, в трех курганах зафиксированы каменные жертвенники, также выявлены шпильки, зеркала. Обращает на себя внимание возраст женщин, а также присутствие в могилах костей баранов (череп, лопатка), которые имели важное значение в обрядовой практике скотоводов и кочевников, в том числе связаны с шаманизмом.

Также каменные жертвенники выявлены в курганах, где не определен пол погребенного человека: Тасмола I, курган 22 (здесь находился конский череп, бусы бочонковидные, пряжки); Тасмола V курган 2 (череп и лопатка барана, семь черепов лошадей и три черепа баранов, удила в зубах лошадей и уздечные наборы рядом); могильник Тасмола III, курган 4 (лопатка лошади); могильник Карамурун I, курган 5б; могильник Нурманбет I, курган 2 (бронзовая фигурная накладка, зооморфно оформленная бляшка, пронизка и бусина). Из недавних исследований можно назвать могильник Байке-2, курган 7а: в погребении зафиксированы жертвенник из песчаника, зеркало с ручкой, ворворки и зооморфно декорированный костяной футляр (VII в. до н.э.) [Бейсенов и др., 2017].

В мужских погребениях каменные жертвенники отмечены в трех случаях: могильник Тасмола VI, курган «а» (точильный камень лежал на жертвеннике с остатками древесных угольков, предмет из трубчатой кости); Карамурун I, курган 5г (костяное изделие для хранения жидкости или краски); могильник Карамурун II, курган 1 (три обломка от рукоятки железного меча, наконечник стрелы и поясная пряжка) [Кадырбаев, 1966, с. 314, 319, 335–336, 354, 357, 359, 364, 365].

Исходя из поверхностных данных, можно допустить среди населения тасмолинской культуры женщин, выполнявших определенные ритуалы и обладавших значительными правами.

О том, что каменные переносные алтари и глиняные курильницы являлись атрибутами жриц савромато-сарматского времени – существует традиционное мнение [Медведев, 2009, с. 8]. О высоком социальном статусе савроматских и сарматских женщин свидетельствует то наблюдение, что наиболее богатые сарматские курганы были насыпаны над основными женскими захоронениями.

У скифов также имело огромное значение очага в культуре, стоит вспомнить, что у причерноморских скифов главная клятва – клятва огнем царского очага. Очаг, огонь, богиня очага в скифских верованиях занимали важное место. Почитавшаяся богиня домашнего очага, божество огня во всех его проявлениях в скифской мифологии – Табити. Для скифов устанавливается существование ритуала символического бракосочетания царя с богиней, тем самым подтверждался сакральный характер царской власти [Елисева, Интернет-ресурс].

Близка образу скифской богини Табити похороненная в основном погребении кургана Аржан-2 женщина, которая олицетворяла племенные культы «священного брака» царя с богиней, женского божества «царского очага» и т.п., ее можно воспринимать как «царицу» — хранительницу царского очага. «Женщина в Аржане-2 могла являться для носителей культуры и божеством — женой “царя”, приобщенного к ней через священный брак; и богиней “царского” очага, и покровительницей очага каждой семьи или рода» [Чугунов, 2018, с. 30–32].

Если женщина у кочевников это хранительница огня, домашнего очага, видимо, представительница более высокого социального слоя это хранительница очага вождя племени или союза племен. В этом аспекте можно неоднозначно трактовать наличие обугленных остатков злаков в головном уборе-парике женщины, погребенной в кургане № 1 Ак-Алаха-3. Н. В. Полосьяк считает, что они могли присутствовать как знак женщины — хозяйки очага, знак почитания огня [2001, с. 146]. Можно предположить, что окраска волос черной минеральной краской, использование краски может быть связано и с тем, что, например, седина ассоциировалась со старостью, а женщина, способная дать новую жизнь, хранительница очага должна быть молодой, здоровой.

Также и погребенные в берелском кургане № 9 и в Тасарыке могли быть покровительницами очага определенной социальной единицы или структуры, семьи, рода, выполнять функции служительницы культа.

У ранних кочевников существовал культ Великой Богини, связанный с представлениями о жизни и смерти, с погребальной обрядностью. Заключение «священного брака» шамана с женским божеством определяло смысл ритуала посвящения в шаманы [Королькова, 2009, с. 18]. В изобразительной традиции тема священного брака присутствует в изображении на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана (нач. IV в. до н.э.), на золотой поясной бляхе (V–IV вв. до н.э.) из Сибирской коллекции Петра I. У женщины, богини подчеркнута ее органическая и сакральная связь с деревом.

В связи с ролью женщины, ее статусом интересны варианты интерпретации сцены на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана, в которых однозначно женский персонаж интерпретируется как Богиня: сцена инвеституры, где Богиня вручает вождю власть [Руденко, 1952, с. 89]; Великая богиня, мать всего сущего [Грач, 1980, с. 67]. Исследователи практически сходятся во мнении, что на ковре изображена женщина-богиня плодородия [Мартынов, 1987]; сидящая женщина — Богиня плодоносящих сил природы [Артамонов, 1973, с. 66]. Такие сцены могут отражать семантическую связь брака всадника с Богиней и перехода в мир смерти (Д. А. Мачинский); свидетельствовать о путешествии «умершего Героя к Великой Богине и к ритуальному посмертному браку жрицы Великой Богини от имени божества с умершим Героем» (В. Ю. Зуев) [Королькова, 2009, с. 26; Баркова, 1998].

Л. Л. Баркова также пришла к выводу, что на ковре представлена женщина-богиня, держащая в руке мировое дерево. Эта женщина — «Великое солнечное божество, от которого всё произрастало, оплодотворялось, рождалось». Мужской персонаж — воин-вождь, обратившийся за получением благословения на трон. Приобретение царственности означало брак с богиней [Баркова, 1998, с. 141].

В основе обрядовых действий, нашедших отражение в погребальном инвентаре курганов, лежит идея героизации — обожествление умерших «царя» и «царицы» и отождествление их персон с божественными покровителями — Великим Божеством Неба и Великой Богиней, иначе — Божеством Грозы и Божеством Плодородия [Мотов, 2007, с. 68].

Образ Истолковательницы-спасительницы-проводницы, игравшей ключевую роль в судьбе Героя, с волшебным деревом Аза, «способном исцелять болезни, отвращать смерть и возвращать к жизни», сохранился в сказаниях о Сослане в осетинском эпосе [Цуциев, Интернет-ресурс].

с сюжетом, заключавшим глубокий смысл, помещенный в могилу, предположительно, вождя племени или племенного объединения и его жены, вероятно, показывает роль женщины в обществе древних кочевников. Ее статус – жены вождя – подразумевает выполнение ритуалов, раскрывающих ее функции, связанные с плодородием, возрождением, обеспечивающие власть вождя.

Возможно, это увязывается с пониманием ритуального статуса женщины, обусловленного представлениями о женщине как о существе, «способном проникать в сопредельные зоны и мифологические пространства» [Данилова, Интернет-ресурс].

Сцена на ковре (Пазырык, курган № 5), вероятно, отражает представление о месте и роли женщины – жены вождя, героя в обществе – анализ орнаментальных фризов позволил предположить, что ковер в равной мере мог быть связан как с мужчиной, так и с женщиной, погребенными в кургане [Гук, Николаев, 2018, с. 98].

Выводы

Женщина по природе своей, связанная с тайной рождения, вероятно, представлялась как обладающая особыми знаниями. В системе религиозно-мифологических воззрений «пазырыкцев» шаманизм занимал определенное место. Наличие параллелей между мифо-ритуальной системой племен ранних кочевников и сибирским шаманизмом очевидно. И здесь образ женщины сыграл свою роль: «женский» шаманизм признается как естественное состояние; возможно, изначально в шаманизме преобладал женский элемент [Романенко, Интернет-ресурс], существовал специальный класс шаманов, «превращенных в женщин» [Элиаде, 2000, с. 239]. Обряд священного брака и шаманские ритуалы связаны между собой.

Образ Великой богини – покровительницы плодородия – существовал и позднее в мировоззрении тюркских народов. В нем акцентировались черты, указывающие на ее материнскую природу. Этот образ непосредственно связан с деревом, которое служило местом обитания и семантическим заместителем Великой богини [Львова и др., 1988, с. 127–128].

Женщина, погребенная в кургане Тасарык (а также в курганах № 2 и 9 могильника Берел), выполняла определенные ритуалы как хозяйка и покровительница очага семьи или рода, олицетворение образа Великой Богини. Мы видим, что в одном образце головного убора и некоторых элементах сопроводительного предметного комплекса проявляется символика, показывающая роль женщины в древнем обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алтынбеков К.* Возрожденная из пепла. Алматы: «Остров Крым», 2013. 64 с.
2. *Алтынбеков К.* Уржарская жрица: история возрождения уникальной находки. Алматы: «Остров Крым», 2018. 94 с.: ил.
3. *Артамонов М.И.* Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: «Искусство». 1973. 280 с.
4. *Асылова Л.М.* Характерные особенности казахских серебряных оберегов из фонда Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника URL: <http://www.vkoem.kz/index.php/ru/2010-03-09-08-54-46/85-2010-03-09-10-07-22/950-asylova-1-m-kharakternye-osobennosti-kazaxskix-serebryanyx-oberegov-iz-fonda-vostochno-kazaxstanskogo-oblastnogo-arhitekturno-etnograficheskogo-i-prirodno-landshaftnogo-muzeya-zapovednika>
5. *Атанова С.* Анри Мозер. Киргизская степь // СААН. 3 апреля 2020. URL: <https://caa-network.org/archives/19451>
6. *Ауэзов М.* Путь Абая. Алма-Ата: «Жазушы», 1978. Т. 1. 608 с.

7. Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. К вопросу о статусе женщин в культуре населения Казахстана сакского времени (по материалам из Восточного Приаралья) // Археологія і давня історія України. 2019. Вип. 2 (31). С. 20–28.
8. Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Шаманка, жрица, принцесса? (К изучению статуса женщины сакской эпохи) // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2019. № 3 (19). URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1264>
9. Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Труды М.К. Кадырбаева как источник по изучению палеосоциологической ситуации населения раннего железного века казахских степей // Отан тарихы. 2020. № 1. С. 30–42.
10. Байтанаев Б.А. Курган Урджар: история открытия и некоторые итоги исследования // Археология Казахстана. 2019. № 2 (4). С. 9–22.
11. Байтанаев Б.А., Китов Е.П. Антропологические особенности женского погребения из могильника Уржар // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней): сб. науч. ст. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 722–729.
12. Баркова Л.Л. Большой войлочный ковер из Пятого Пазырыкского кургана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: м-лы всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. А.Д. Грача. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 137–142.
13. Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Дуйсенбай Д.Б. Зооморфный декор футляра из кургана раннесакского времени (Центральный Казахстан) // КСИА. 2017. Вып. 248. С. 134–148.
14. Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Китов Е.П., Кулькова М.А. Исследование сакских курганов в урочище Каспан в Жетысу // ТиПАИ. 2018. Т. 23. № 3. С. 138–162. DOI: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2018\)3\(23\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2018)3(23).-10)
15. Борко Т.И. Шаманизм: от архаических верований к религиозному культу. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. 152 с.: ил.
16. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. 440 с.
17. Горожанкина Е.М. Казахский свадебный головной убор саукеле. Попытка семантического прочтения // Жертвоприношение: Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней: сб. ст. / Науч. ред. Л.И. Акимова и А.Г. Кифишин. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 371–382.
18. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: ГРВЛ. 1980. 256 с., вкл.
19. Гук Д.Ю., Николаев Н.Н. Чей ковер? Гендерные стереотипы // Мужская и женская субкультуры в архаике: мифологемы, системы обозначения, функции: сб. науч. тр. семинара «Теория и методология архаики» / Отв. ред. М.Ф. Альбедиль, Д.Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 92–100. (Теория и методология архаики. Вып. XII).
20. Гюль Э. URL: https://www.facebook.com/GyulElmira?__tn__=%2CdCH-R-R&eid=ARDcNt-TOIBG5xdQbnlCBW2gyRyt_U5HwiryV9wDSgJGbgGKi5ggM3RFKRdrqpb8MznAdZtEkyUHfgQvu&hc_ref=ARQOPmlMt-qe73RHcQAgrYYSAsyncJrd7999DJM9umjzWG11iF0U9vWV61gT18hP1hg8&fref=nf
21. Данилова Н.К. «Дом – мир женщины»: сакральные женские образы и феминная символика в жизненном пространстве народа саха // Человек и культура. 2019. № 3. С. 13–27. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29870
22. Дашковский П.К., Усова И.А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский Дол (Северо-Западный Алтай) // АЭАЕ. 2011. № 3 (47). С. 78–84.
23. Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. К идентификации погребений женщин могильника Берел // Кадырбаевские чтения – 2010: м-лы II Междунар. научн. конф. Актобе: Областной центр истории, этнографии и археологии, 2010. С. 83–86.
24. Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Нарушенные женские погребения сакского времени в Жетысу: по материалам могильника Каспан-6 // Маргулановские чтения–2019: м-лы междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.). Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 260–270.
25. Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. «Яростные птицы с огненными перьями» // ТиПАИ. 2020. № 2 (30). С. 95–110. DOI: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)2\(30\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)2(30).-07)
26. Елисеева Л.А. Мифология: Скифская мифология. URL: <http://mifolog.ru/mythology/item/f00/s03/e0003612/index.shtml>

27. *Кадырбаев М.К.* Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: изд-во «Наука» АН КазССР, 1966. С. 303-433.
28. *Кадырбаев М.К.* Могильник Жыланды на реке Нуре // В глубь веков / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: изд-во «Наука» АН КазССР, 1974. С. 25-45.
29. *Казакова Е.П.* Боктаг – головной убор монгольской женщины // Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. URL: <http://astrakhan-musei.ru/article/article/view/15078>
30. *Каримова Р.Р.* Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация) / отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 212 с. + 8 с. цв. вкл.
31. *Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.: ил.
32. *Кисель В.А.* Рассказ Геродота и ритуальные сосуды древних кочевников // АЭАЕ. 2007. № 3 (31). С. 69–79.
33. *Кисель В.А.* Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г.В. Длужневской): сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 120–127.
34. *Китов Е.П.* Посмертные повреждения на черепах из могильника Берел (новые данные о мумификации?) // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана / науч. ред. А. Онгар. Астана: издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. Т. II. С. 237–241.
35. *Королькова Е.Ф.* Великая богиня, божественный всадник и загадочные энареи: попытка интерпретации // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем: сб., посвящ. юбилею И.П. Засецкой. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 11–28.
36. *Крамаровский М.Г.* Монголы. История и культура // Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. Девяносто девять имен Всевышнего. М.: Изд. дом Марджани, 2013. С. 142–161.
37. *Красниченко С.В.* Впускные захоронения как элемент тагарского погребального обряда (по материалам раскопок Сибирской экспедиции ИИМК РАН) // Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Зуев В.Ю., Семенов Вл.А. (редколлегия). Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: м-лы междунар. конф. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 123–130.
38. *Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 304 с.
39. *Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
40. Курган Урджар: книга-альбом / сост. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2018. 120 с.
41. *Лукпанова Я.А.* Реконструкция женского костюма из элитного погребения Таксай-1: взгляд археолога // ПА. 2017. № 1 (19). С. 145–156.
42. *Лукпанова Я.А.* Комплекс ритуальных предметов из элитного женского погребения в Западном Казахстане // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 228–232.
43. *Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
44. *Мартынов А.И.* О мировоззренческой основе искусства скифо-сакского мира // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология: сб. науч. ст. / ред. А.И. Мартынов, В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1987. С. 13–25.
45. *Матвеева Н.П.* Следы отправления культов в погребальных памятниках саргатской культуры // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: м-лы междунар. конф. / Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Зуев В.Ю., Семенов Вл.А. (редколлегия). СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 81–83.
46. *Медведев А.П.* Очерк этнографии сарматов // Вестник ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. 2009. № 2. С. 3–14.
47. *Москвина М.В.* Статусный символизм традиционных женских украшений тюркских народов Саяно-Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 83–86.

48. *Мотов Ю.А.* «Восхождение на Небо». К интерпретации погребального обряда Пазырыкской элиты по материалам первого кургана могильника Пазырык // История и археология Семиречья: сб. науч. ст. Алматы: ОФ «Родничок», 2007. Вып. 3. С. 42–73.
49. *Наумова Ю.Н.* Демонологический персонаж *албасты* в родильной обрядности казахов: функции и атрибуты // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 12 (21). С. 65–71.
50. *Пилипенко С.А., Хасенова Б.М.* Об одном типе головных уборов из средневековых погребений Сарыарки // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография / отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 98–113.
51. *Полосмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. 336 с.
52. *Попова Л.* Казахские головные уборы в собрании Российского этнографического музея // Консул. 2015. № 3–4 (41). С. 30–33.
53. *Попова Л.Ф., Старостина О.В.* Знаковая маркировка возраста в женских прическах народов Средней Азии и Казахстана // Лавровский сборник: м-лы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006–2007. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 176–180.
54. *Прищепова В.А.* Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии конца XIX — начала XX века (из собраний МАЭ РАН) // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. Сб. МАЭ. Т. LII. СПб.: Наука, 2006. С. 174–225.
55. *Прищепова В.А.* Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб.: Наука, 2011. 452 с., ил.
56. Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето Благодати 1253 // Джiovанни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Перевод А.И. Малеина. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 87–194.
57. *Резван Е.* Самуил Дудин – фотограф, художник, этнограф (материалы экспедиций в Казахстан 1899 г. и 2010 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2010. 61 с.
58. *Резван Е.А.* Из коллекции Лаикжана Биркимбаева и Хасана Имамбаева (поступление 1899 г.) // Туркестан. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Национальный филиал Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» в Республике Казахстан (Серия «Мой мир ислама», т. 1). СПб.-Алматы, 2016. С. 296–311.
59. *Руденко С.И.* Горноалтайские находки и скифы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 268 с.
60. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с. + 120 табл.
61. *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с. + 128 табл.
62. *Руденко С.И.* Сибирская коллекция Петра I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 52 с. + 27 табл. (САИ. ДЗ-9).
63. *Савинов Д.Г.* Об обряде погребения Больших пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: м-лы междунар. конф. / Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Зуев В.Ю., Семенов Вл.А. (редколлегия). СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 107–111.
64. *Самашев З.* Берел. Berel. Алматы: «Таймас». 2011. 236 с.
65. *Самашев З., Боковенко Н.А., Ахмадиев Ж., Чотбаев А., Кариев Е., Толегенов Е., Самашев С., Киясбек Г., Жалмаганбетов Ж., Ерболатов С.* Некоторые итоги исследований на некрополе Берел в 2016 году // Алтай – Түркі әлемінің алтын бесігі / Ахметов Д. (ред.). Өскемен: Акимат ВКО, 2016. С. 234–252.
66. *Самашев З., Джумабекова Г., Базарбаева Г., Чотбаев А., Толегенов Е., Киясбек Г., Хасенова Б.* Берельский курган № 9 // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2007. С. 127–128.

67. Семенов Вл.А. Искусство варварских племен. СПб.: Типография «НП-Принт», 2015. 400 с.: ил.
68. Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. 1969. Т. 10. С. 207–227.
69. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.
70. Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахских мастеров. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 474 с. +124 с. вкл.
71. Хатхор, Бирюзовая госпожа и ее храм на древних месторождениях бирюзы в Серабит эль-Хадим. URL: <https://world-jewellery.livejournal.com/28368.html>
72. Цуцев А.А. О возможной интерпретации сюжета «Сидящая богиня и всадник» в иконографии ираноязычных кочевников Евразии URL: <http://iratta.com/materials/skify/15024-o-vozmozhnoy-interpretacii-syuzheta-sidyaschaya-boginya-i-vsadnik-v-ikonografii-iranoyazychnyh-kochevnikov-evrazii.html>
73. Чугунов К.В. Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы (к вопросу о некоторых параллелях археологических и письменных источников) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: м-лы международ. конф. / Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Зуев В.Ю., Семенов Вл.А. (редколлегия). СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 69–80.
74. Чугунов К.В. Сосуд Гестии или чаша Геракла? Размышления по поводу одного шедевра // In Situ: к 80-летию проф. А.Д. Столяра. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 200–207.
75. Чугунов К.В. Цари и боги Азиатской Скифии (по материалам кургана Аржан-2) // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 2 (27). С. 25–34.
76. Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.
77. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с., ил.
78. Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. Киев: «София», 2000. 480 с.
79. Яценко С.А. О женщинах - «жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н.э. – II в. н.э.) // Народы и религии Евразии. 2007. Т. 1 (1). С. 58–66.

2. 2 Женщины «племени воинственного, свободного, непокорного»

© Я. А. Лукпанова

Введение

По сведениям Геродота, «сарматские женщины исстари ведут свой образ жизни: они ездят верхом на охоту с мужьями и без них, выходят на войну и носят с мужчинами одинаковую одежду. Относительно браков у них соблюдается следующее правило: ни одна девушка не выходит замуж, пока не убьет врага» [Смирнов, 1964, с. 201]. Так ли это на самом деле? Ответ на данный вопрос попробуем найти в материалах VI–IV вв. до н. э. из казахстанской части Приуралья, имеющихся в распоряжении археологов.

История археологического изучения памятников сарматского времени (VI–IV вв. до н. э.) имеет длительную историю. Самые первые раскопки в крае были проведены в 1887–1888 гг. по разрешению Императорской археологической комиссии известным русским этнографом, археологом, антропологом А. Н. Харузиным [1890, с. 118]. В 1904, 1906, 1909, 1911 годах И. А. Кастанье – представитель Оренбургской ученой архивной комиссии провел археологические исследования на территории Акюбинской и Западно-Казахстанской областей [Железчиков, 1998, с. 5]. После революции огромный вклад в исследование курганов раннего железного века вносит П. С. Рыков [Кушаев, 1993, с. 11, Железчиков, 1998, с. 5], П. Д. Рау [Сенигова, 1953, с. 6], И. В. Синицын [Железчиков, 1998, с. 6]. Полученный материал стал основой для дальнейшего изучения региона.

В послевоенное и настоящее время археологические исследования на территории Казахстана набирают темпы, изменилось техническое сопровождение, стали применяться усовершенствованные методы в археологии, все больше и больше привлекаются методы смежных дисциплин. Это коснулось и Западного Казахстана. Значимыми и яркими археологическими открытиями памятников VI–IV вв. до н. э. стали Лебедевка, Бесоба, Жалгыз оба, Кырык-оба, Булдурты, Таксай, где, помимо мужских захоронений, были обнаружены и богатые женские погребения. Огромный вклад в изучение древностей этого периода вложили Г. А. Кушаев, М. К. Кадырбаев, М. Г. Мошкова, Б. Ф. Железчиков, С. Ю. Гуцалов и др. [Лукпанова, 2011]. Собран корпус данных о материальной культуре ранних кочевников, которые хранятся в фондах музеев Казахстана. В ходе подготовки данной работы привлекались материалы из архива Института археологии им. А. Х. Маргулана. В частности, проанализированы полевые отчеты, на основе которых была сделана выборка по женским погребениям для выяснения роли женщин в сарматском обществе.

Характеристика материала

Очень важно отметить могильники Бесоба, Лиманное (Солянка), Лебедевка, Кырык-оба-2, Булдурты, Таксай-1, Таксай-3, Жайык-1 (табл. 1).

Таблица 1 – Характеристика женских погребений Западного Казахстана (VI–IV вв. до н.э.)

№	Могильник, курган, погребение	Сохранность погребения	Тип погребения	Ориент. головы	Инвентарь								
					украшение	узда	зеркало	котел	ритуальн. предметы	декор одежды	жертвенник	сосуды	нож
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	Бесоба, к. 3	Не погребож., осн.	Грунтовая яма, с бревенчатым перекрытием	3	Комплект (золото, стекло)		1/с прав. ст. черепа	-	Реальгар, точильный камень, очаг	Нашивные полушферы, бляшки (95 шт.)	1/ на трех ножках в виде головы волка	Сосуд баночной формы, фр. сосуда с носиком-сливом	-
2	Бесоба, к. 4, п. 2	Не погребож., парное, сопроводит.	На древнем горизонте	3	Бусины (сердолик, халцедон, стекло, паста)	1	1/ у изголовья	-	Колесико, геронник, раковина, галька (3 шт.), очаг	Головн. убор, нашивн. бляшки в виде головы грифобарана (электра)	1/у правого плеча на четырех ножках	-	1
3	Бесоба, к. 9	Не погребож., коллективн. Сопроводит.	На древнем горизонте	Ю	Комплект (золото, стекло)	-	1/у изголовья	-	-	-	-	Миниатурный сосудик и глиняные лепные сосуды	-
4	Жалтыз оба	Погребож., осн.	На древнем горизонте	-	Браслет (бронза), бусина (стекло)	-	1	-	Точильные камни (2 шт.); колесико (бронза); ложка с изобр. сайги на ручке; изделие из трехдв. яшмы.	-	1/на двух ножках с орнаментом в виде волны	Сосуд лепной	-
5	«Лиманы» Солянка-2, к. 1, п. 4	Не погребож., парное, в ногах, сопроводит.	Грунтовая яма, с бревенчатым перекрытием	В	-	-	1/у ног	1 Над черепом	Гальки 74 шт. под ребрами животного	-	-	-	-

Продолжение таблицы 1

6	Булдурты-1, к. 2, п. 2	Не попре- вож., сопроводит.	Грунговая яма, с бре- венчатým перекры- тием	ЮЗ	Ком- плект (золото)	-	1/с лев. ст. че- репа	-	-	-	Колоколь-чик (бронза), мел, реальгар, буси- на, курильница, галька (2 шт.), камень. Предм. из трубч. кости, крючок из ко- сти; проколка с на- вершием в виде морды волка. Предметы из железа и брон- зы	-	-	-	-
7	Булдурты-1, к. 2, п. 3	Не попре- вож., сопроводит.	Грунговая яма, с бре- венчатým перекры- тием	СЗ	Браслет	-	1	-	-	-	Гадальные кам- ни (9 шт.), галька, мел, раковина, бу- сина зеленого цвета, пряслице	Сосуд серо- глиняный (лепной)	-	-	1
8	Булдурты-1, к. 5.	Не попре- вож., осн.	Грунговая яма, с бре- венчатým перекры- тием	3	Бусины	-	1/у изо- ловья к северу от че- репа	-	-	-	Пряслице, рако- вина с охрой, галька (3 шт.)	Лепной горшок	-	-	-
9	Булдурты-1, к. 6	Потревож.	Грунговая яма, с бре- венчатým перекры- тием	-	Бусина пирами- дальн. формы; 2 янтарн., фр. из железа и бронзы; кольцо (серебр.)	-	1	-	-	-	Гадальный камень, оковки сосуда (золото)	-	-	-	-

Продолжение таблицы 1

10	Лебедевка-2 (Есеп-Амангау)	Не потревож., осн.	Грунтовая яма, с бревенчатым перекрытием	3	Комплект (золото, сердолик)	-	1/с лев. ст. над черепом	-	Охра, сосудик (стекло), оковка деревянного сосуда с изобр. (бронза) раковины Stipea, одна с охрой, галька, оселок, пряслице	Нашивки-подвески групповидн. формы (13 шт.). Нашивн. бляшки округл. формы и сердолик. листовидн. бусина (голова. убор). Нашивн. бляшки разн. форм (38), бусины разл. (головной убор)	-	Сосудики биконической формы	1
11	Лебедевка-1 (Сегизай)	Не потревож., сопроводит.	Грунтовая яма, с бревенчатым перекрытием	В	Бусы	-	1/над головой	-	Сосудик (стекло)	-	1/прямоуг. на 4 ножках	2 сосуда	-
12	Кырык-оба-2, к. 2, п. 3, скелет 1	Не потревож., сопроводит.	Яма с подбоем	3	-	1	1/на уровне колен на пр. ноги	1/на конич. поддоне с носиком-сливом	Охра, галька, сосудик (стекло); бусины и подвеска в виде жука-скарабея; галька, терочник, раковины, блюдо из рога; накладка в виде головы грифона	-	-	сосуд	1
13	Кырык-оба-2, к. 2, п. 3, Скелет 2	Не потревож., сопроводит.	Яма с подбоем	3	-	-	1/возле лев. руки	-	Ложечка с зооморфн. навершием, пряслице	-	-	-	-
14	Кырык-оба-2, к. 2, п. 4	Не потревож., сопроводит.	Яма с подбоем	Ю	Бусы (камень, стекло), браслет (бронза)	-	1/у локтя прав. руки	-	алабастр	-	-	2 сосуда круглодонных	2

Продолжение таблицы 1

15	Кырык-оба-2, к. 2, п. 5	Не погребен, сопроводит	Яма с погребом	Ю	-	-	1/с лев. ст. черепа	-	Костяная трубочка, пряслице, раковина, охра, костяная трубочка, галька, охра	Бляшка (8) с изображ. головы грифона, полусфера, бляшка (1) (головн. убор)	-	-	1 +накопеч. стрелы
16	Кырык-оба-2, к. 10, п. 2	Не погребен, сопроводит.	Грунтовая яма, с бревенчатым перекрытием	ЮЮЗ	-	Ожерелье (золото)	1/у лев. локтя	-	Гальки, мел	-	-	-	-
17	Кырык-оба-2, к. 23, п. 2	Погребен, осн.	Грунтовая яма с дромосом, с бревенчатым перекрытием	-	-	Комплект (золото)	-	-	Мел (2 куса), оковки сосуда (2 шт, серебро), пряслице, ритуальный, сосуд, шагалка (фаянс), стержень с наверх. в виде головы птицы; ступка; оселок в металлич. оправе; костяная втулка с точечным орнам., костяной футляр с иглой, галька, раковины, охра	-	-	-	-
18	Таксай-1, к. 6, п. 1	Погребен, сопроводит.	На древнем горизонте	Ю	-	-	-	-	-	-	-	-	-
19	Таксай-1, к. 6, п. 2	Сопроводит.	На древнем горизонте	ЮЗ	-	-	-	-	-	-	-	-	-
20	Таксай-1, к. 6, п. 3	Не погребен, осн.	Грунтовая яма с двойным бревенчатым накатом	ЮЗ	5	Комплект	1	1+жаровня	Зубы, клыки волка; терочник; пест, галька, сосудик	Бляшки, бусины, зубы, клыки волка	-	-	-
21	Жайык-1, к. 1, п. 5	Погребен.	Яма с погребом	Ю	-	Браслеты	1	-	-	Бляшки	-	2 фр. керамики	1

Примечание: В 8 и 12 столбцах в числителе указано количество, в знаменателе – расположение и/или краткая характеристика. Под словом «комплект» обозначено присутствие гривны и височных подвесок, либо ожерелья и серёг. Под словом «грифон» подразумевается стилизованное изображение головы фантастической хищной птицы.

Могильник Бесоба расположен близ поселка Сарыжар (Мартукский р-н, Актюбинская обл.), раскопки М. К. Кадырбаева 1973, 1974, 1976 гг. Здесь были обнаружены захоронения представителей родоплеменной знати VI–IV вв. до н. э., наряду с погребениями воинов были открыты и женские погребения в персональных курганах и в коллективных захоронениях, все они принадлежали представителям элиты населения Южного Приуралья середины I тыс. до н. э. В курганах № 3 и 4 были обнаружены женские погребения.

Курган № 3 имел сложную надмогильную конструкцию в виде шатра. В центре кургана была выявлена яма подпрямоугольной в плане формы размерами 5,4×6,2 м, глубиной 0,60 м. В северной половине ямы была погребена женщина, головой ориентированная на запад с легким отклонением к югу, кости плохой сохранности, правая рука согнута в локте и поднята вверх, левая вытянута вдоль туловища, «скелет был завернут в кошму и обмотан плетенкой из веток» [Кадырбаев, 1974, с. 3]. На женщину были надеты украшения в виде золотого ожерелья, состоящего из подвески, золотых бусин и пронизок в виде трубок, а также связок из синих стеклянных бусин. В области височных долей погребенной были обнаружены массивные золотые серьги биконической формы с зернью. На одежду были нашиты полусферические бляшки (95 шт.). С правой стороны черепа лежало бронзовое зеркало, в 20,0 см к югу от черепа находился железный нож, у ног погребенной выявлен каменный терочник, сосуд баночной формы с орнаментом в виде ногтевых вдавлений на шейке. С левой стороны на уровне локтя была обнаружена зеленая краска и возле ног в мешочке охра. На уровне бедренной кости был установлен большой каменный жертвенник на трех зооморфных ножках (рис. 1, 10). Ножки в виде скульптурной головы волка с оскаленными зубами и округлыми ушами, снизу жертвенник орнаментирован рельефной трехлепестковой фигурой, рядом с жертвенником был обнаружен миниатюрный сосуд, реальгар, точильный камень круглый в сечении. Ближе к западной стенке могильной ямы зафиксированы обломки крупного глиняного сосуда с носиком-сливом. В южной половине могильной ямы находился прямоугольный очаг глубиной 5,0 см или кострище. Рядом с очагом, вплотную к нему, были положены части туши лошади [Кадырбаев, 1974, с. 5].

В кургане № 4 было обнаружено парное захоронение на круглой площадке 28 м², принадлежащее мужчине и женщине. Скелет женщины лежал на меловой подсыпке, ближе к северу, головой ориентирован на запад. Вещевой комплекс был представлен бронзовым зеркалом (рис. 1, 3), лежащим у изголовья; уздой, оформленной в зверином стиле; колесиком-амулетом (рис. 1, 5); каменным терочником; раковиной (рис. 1, 6); у правого плеча был обнаружен прямоугольный каменный жертвенник на четырех ножках (рис. 1, 8); железный нож и три ритуальные гальки. В области черепа лежали электроновые нашивные бляшки с изображением головы грифобарана (рис. 1, 4), выполненного в технике басмы, возможно, нашитые на головной убор; на шейных позвонках женщины обнаружены бусины из сердолика, халцедона, стекла и пасты (рис. 1, 7). В погребении обнаружен очаг-кострище прямоугольной формы, размерами 0,7×0,8 м, глубиной 10–15 см.

Курган № 9 представлял собой восьмигранную гробницу, М. К. Кадырбаев отмечал ее как самую высокую среди раскопанных в восточной части Евразии деревянных архитектурных сооружений. Под насыпью кургана высотой 3,0 м, была обнаружена подкурганная конструкция размерами 11,2×10,0 м, из горизонтально сложенных по пять штук бревен, которые удерживались на вертикально установленных бревнах как опоры [Кадырбаев, 1984, с. 89]. Внутри бревенчатого сооружения находилась прямоугольная площадка в виде земляного стола, ограниченная канавкой размерами 50,0×30,0 см, к площадке с южной стороны примыкал дромос (рис. 1, 1, 2). В кургане № 9 обнаружено коллективное захоронение. Захоронение женщины из кургана № 9 располагалось обособлено, за пределами погребальной площадки, ближе к западу, головой ориентировано на юг.

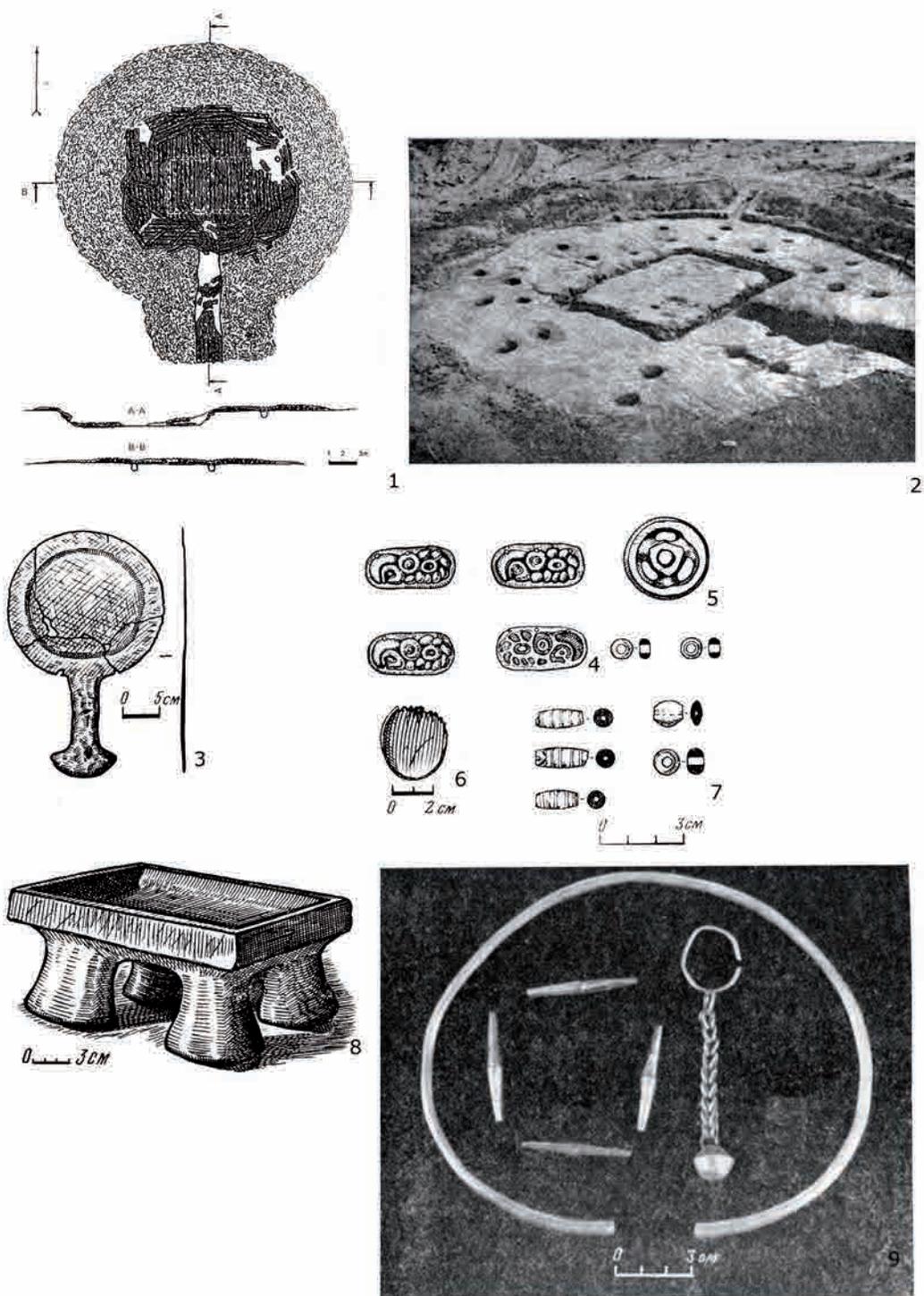

Рис. 1. Курганный комплекс Бесоба: 1 – план и разрез к. 9; 2 – погребальная площадка и дромос к. 9 после снятия деревянной конструкции; 3–8 – предметы, обнаруженные в женском погребении к. 4; 9 – украшение из женского погребения к. 9. 1, 9 – по: [Кадырбаев, 1981, с. 30, 33]; 2–8 – по: [Кадырбаев, 1984, с. 87, 88, 90]

Оно было отнесено к жреческому. На шею женщины было надето ожерелье из золотых пронизей и стеклянных бус, в области виска лежала золотая серьга с подвеской на цепочке (рис. 1, 9). Также выявлены бронзовое зеркало, миниатюрная посуда для косметики и глиняные лепные сосуды [Кадырбаев, 1984, с. 89]. Женское захоронение в кургане № 9 атрибутируется нами как сопроводительное, основное погребение принадлежало мужчине, погребенному на центральной площадке.

Курган Жалгыз-оба (диаметр 18,0 м, высота 0,70 м) расположен в 900 м от разъезда Кумысай (разъезд 37, упраздненный в 2012 г.) и в 6,0 км от п. Сарыжар (Мартукский р-н, Актюбинская обл.). В кургане на уровне древней поверхности выявлено погребение женщины и ребенка, оно было центральным, вокруг него группировались могилы четырех воинов [Кадырбаев, 1974, с. 8]. Конструкция погребения представляла собой деревянное сооружение в виде круга диаметром 12,0 м, ширина стен – 0,50 м. Погребение женщины было потревожено. Рядом с фрагментами черепа был обнаружен бронзовый браслет, стеклянная бусина биконической формы, в северо-западном конце площади развала костей стоял жертвенник на двух невысоких ножках-полочках прямоугольной формы, по бортику высечен волнообразный орнамент, рядом лежало бронзовое зеркало с длинной рукоятью, под ним обнаружено два точильных камня, бронзовое колесико, нож, костяная ложка с резной ручкой с изображением сайги. Рядом с зеркалом находилось изделие из трехцветной яшмы яйцевидной формы, к юго-западу – фрагменты глиняного сосуда и кусок дерева.

Могильник Бесоба, курган Жалгыз-оба – памятники верховьев р. Илек, по мнению М. К. Кадырбаева, представляют собой восточный аванпост культуры ранних кочевников Приуралья [1984, с. 91].

Курганный комплекс «Лиманы» Солянка-2 курган № 1, погребение 4. Памятник исследовался в 1982 г. отрядом Уральского педагогического института под руководством Г. А. Кушаева. Могильник расположен в 3 км от грейдера из пос. Акжайык в пос. Базартобе (Акжайыкский р-н, ЗКО). Погребение 4 датируется V–IV вв. до н. э. [Кушаев, 1993, с. 70–73].

Могильная яма подпрямоугольной формы, располагалась в центре, ориентирована по линии В–З, размерами 5,8×3,8 м. В древности могила была ограблена. По краям сохранились остатки перекрытия в виде толстых бревен диаметром 20,0 см. Внутренние стены ямы у основания были укреплены бревнами, вдоль каждой из длинных сторон уложено по две пары бревен длиной 3 м, вдоль двух коротких сторон уложено по одному бревну в упор, после этого яма перекрывалась бревнами.

В западной половине ямы обнаружено парное захоронение, восточная часть ее была пуста, вероятно, ограблена. В могиле основным является погребение мужчины, ориентированное на юг, в ногах которого находился скелет женщины – вдоль северной стены под меловой посыпкой, головой на восток, кости рук сложены вдоль туловища, ноги вытянуты.

У ног женщины с левой стороны лежало зеркало с плоским диском диаметром 15,0 см, с обломанной широкой боковой ручкой длиной 6,0 см, рядом с зеркалом обнаружена раковина. Над черепом с левой стороны у основания северной стенки обнаружены фрагменты раздавленного глиняного сосуда и бронзовый котел с двумя вертикальными ручками на коническом поддоне. Диаметр устья котла 38,5 см, высота тулова – 37,0 см, высота сохранившегося поддона 8,0 см. В 1,2 м восточнее котла, были выложено шесть ребер крупного животного, а под ними 74 черные гальки размерами 1–2,5 см. По мнению Г. А. Кушаева, они служили для совершения магических обрядов [1993, с. 73].

Курганный комплекс Булдырты расположен на возвышении большого плато в 2,0 км к СЗ от пос. Булдырты. Исследован в полевом сезоне 2003 г. под руководством А. А. Бисембаева. В курганах № 2, 5, 6 выявлены женские элитные погребения [Свод, 2011, с. 341–342].

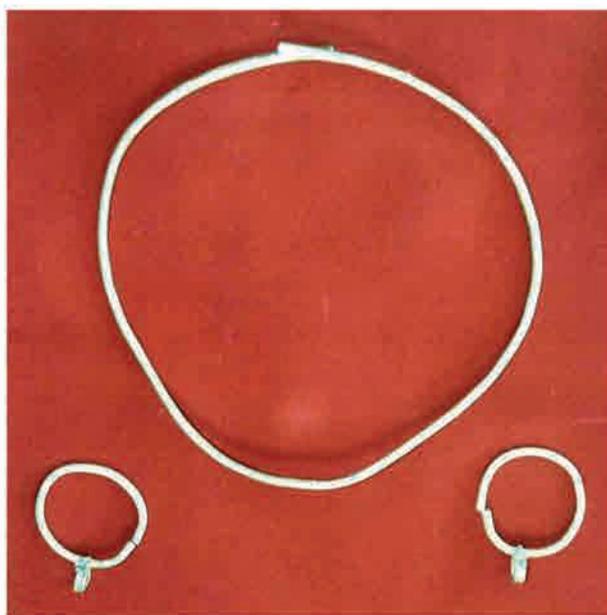
Курган № 2 диаметром 45,0 м, высотой 3,0 м имел шатровую подкурганную конструкцию. Определенный интерес вызывает глиняный очаг круглой формы, обнаруженный в центральной яме кургана № 2 (рис. 2, 1). Погребение 1 разграблено, в яме были выявлены разрозненные кости взрослого человека, мужчины 35–45 лет (определение А. И. Нечвалоды). Возле очага найден массивный каменный пест с изображением скульптурной головы грифона в верхней части, костяное блюдо, выточенное из рога лося, массивный предмет из железа. По всей яме разбросаны фрагменты железных предметов и керамики.

Могильная яма погребения 2 была перекрыта деревянными плахами в три слоя, все три слоя относительно друг друга лежали перпендикулярно, друг на друге, толщина перекрытия составляла около 0,60 м, вероятно, они держались на 11 столбах, остатки которых были обнаружены вокруг скелета. Яма подпрямоугольной в плане формы, углы ямы скругленные, длинными сторонами ориентирована по направлению СЗ–ЮВ. Погребение принадлежало женщине, головой ориентированной на ЮЗ. Скелет лежал на спине, руки вытянуты вдоль корпуса, ноги сведены к стопам, кисть, лучевая и локтевая кости правой руки отсутствуют. На шею женщины была надета гривна из желтого металла, выполненная из массивного круглого в сечении прута, у височных долей женщины найдены массивные кольца из желтого металла с дополнительными спиралями (рис. 2, 2), между ног в районе коленных суставов находился литой бронзовый колокольчик, орнаментированный рифлеными полосами, навершие колокольчика украшено зооморфными мотивами (рис. 3, 2). Колокольчик находился в частично сохранившемся матерчатом мешочке красного цвета. С левой стороны черепа к северу было выявлено массивное бронзовое зеркало с боковой ручкой с сохранившимися фрагментами кожаного футляра. Возле зеркала находился крупный кусок мела, реальгар. Западнее зеркала обнаружена бочонковидная, продолговатая белая бусина. Севернее скелета на уровне коленей была выявлена массивная глиняная кубкообразная курильница (рис. 3, 8) высотой 7,5 см, с вдавленными углублениями на дне, рядом с курильницей лежали два галечных камня, на уровне средней части берцовой кости с правой стороны были обнаружены крупный камень подквадратной формы с прямоугольным углублением в центральной части, предметы из трубчатой кости мелкого животного, возможно барана, крючок из кости, проколка костяная с навершием в виде морды оскаленного волка (рис. 3, 3), предмет из железа в кожанно-деревянных ножнах и предмет из бронзы в виде длинного литого прута.

Погребение 3 выявлено севернее ямы 1. Могильное пятно подовальной формы, вытянутое по оси ЗСЗ–ВЮВ, перекрытое на уровне погребенной почвы ветками. Глубина ямы была зафиксирована на отметке 1,35 м от уровня погребенной почвы. На дне ямы был зафиксирован скелет взрослого человека, предположительно женщины, головой ориентированной на СЗ (рис. 3, 4). Ноги вытянуты, руки сложены вдоль корпуса. На руки погребенной были надеты браслеты (рис. 3, 5). По мнению В. Г. Петренко аналогичные изделия выполнялись из согнутого, круглого в сечении и перекрученного в нагретом состоянии стержня [Петренко, 1978, с. 56]. Концы стержня, из которого изготовлены браслеты из Булдырты – гладкие. В северо-западном углу слева от скелета были обнаружены бронзовое зеркало с гладким диском и боковой ручкой (рис. 3, 6), сероглиняный лепной горшок с шаровидным туловом, отогнутым венчиком, округлым дном, гадальные камни (9 шт.), галька, кусок мела, раковина, бусина зеленого цвета, над головой с правой стороны погребенной у западной стенки лежало красноглиняное шайбовидное пряслице.

1

2

Рис. 2. Курганный комплекс Булдурты, к. 2: 1 – глиняный очаг (п. 1); 2 – гривна, серьги (п. 2)
(по: [Памятники..., 2006, прил, с. 8, 11])

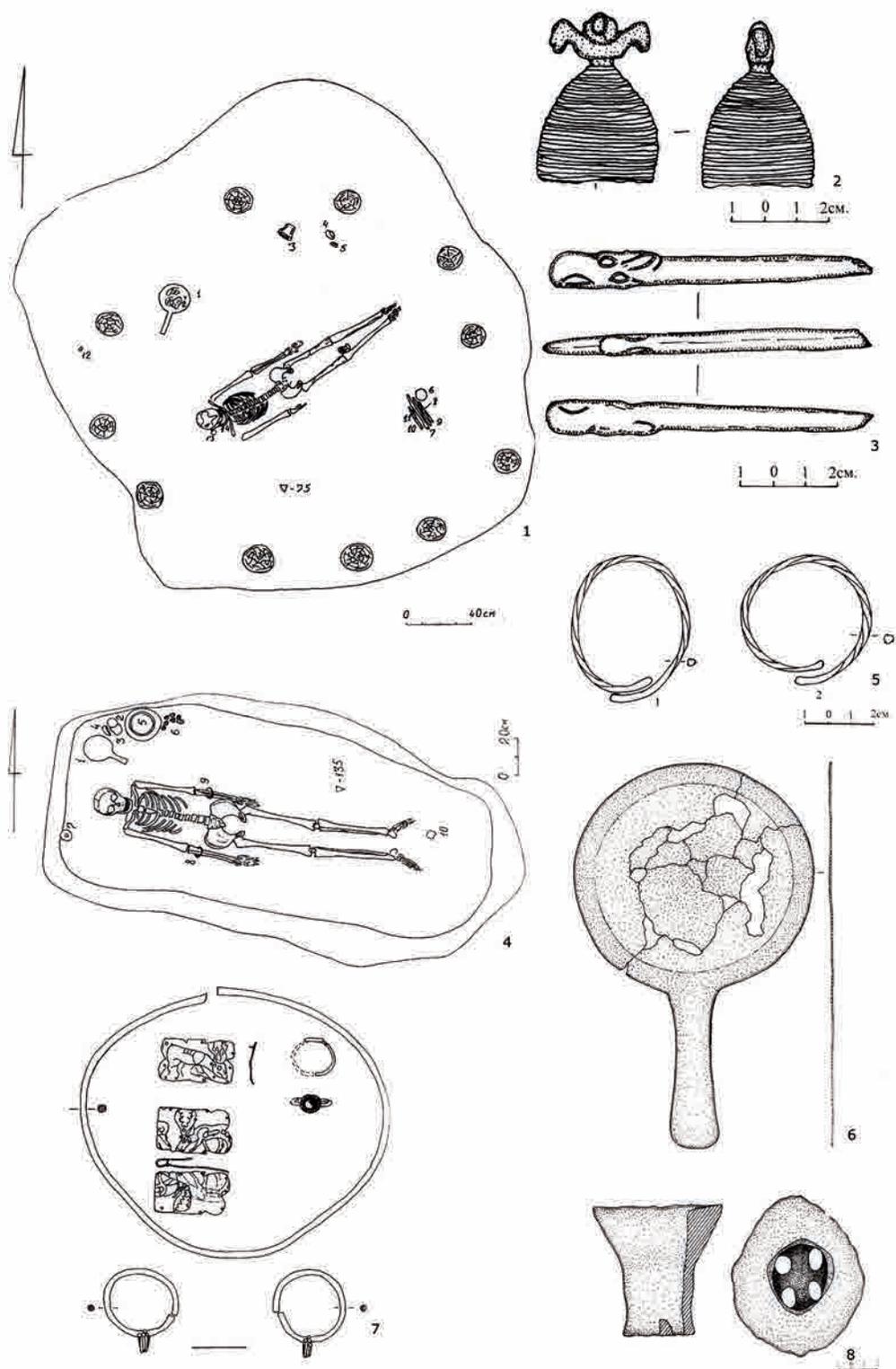

Рис. 3. Курганный комплекс Булдурты: 1 – план погребения 2, к. 2 (по:);
 2, 3, 6, 8 – предметы из погребения 2, к. 2; 4 – план погребения 3, к. 2;
 5 – погребение 2, к. 2; 7 – предметы из женского погребения к. 6.
 1–6, 8 – по: [Памятники..., 2006, с. 218–220]; 7 – по: [Сдыков и др., 2003]

Курган № 5. В насыпи кургана на разных глубинах были выявлены глиняное пряслице, фрагменты лепного горшка. Могильное пятно, ориентированное по линии З–В, было зафиксировано в центре кургана. Глубина ямы выявлена на уровне 1,85 м. Костяк головы был ориентирован на запад. В области шейных позвонков были обнаружены две пастовые бусины и их фрагменты, у изголовья к северу от черепа выявлены бронзовое зеркало с боковой ручкой, керамическое пряслице и раковина *Grifea* с охрой, в ногах у восточной стенки три гадальных камня черного цвета.

На уровне бедренных костей с левой стороны у северной стенки обнаружены кости крупного животного в них железный нож, в северо-восточном углу ямы обнаружены кости животного и плоскдонный лепной горшок с шаровидным туловом. Судя по предметам, найденным в погребении, скелет принадлежит женщине.

Курган № 6. Могильное пятно округлой формы было обнаружено в центре кургана, дно ямы зафиксировано на глубине 1,86 м, по дну яма подквадратной формы. В заполнении ямы на разных глубинах встречались кости человека, основная часть костей, череп, берцовые кости, ключица, позвонки, лучевые кости были обнаружены в северной части могилы. Среди них были найдены фрагменты бронзового зеркала; бусина пирамидальной формы, шестигранная; две янтарные бусины: первая плоская, ее размеры 0,7×0,6 см, вторая вытянутая с сужающимися концами, ее размеры 0,28×0,14 см, диаметр бусины 0,2 см; фрагменты предметов из серебра, железа и бронзы; гадальный камень черного цвета и оковки деревянного сосуда из желтого металла с изображением оленей. В центре ямы обнаружено кольцо из серебра с вкраплениями желтого цвета (рис. 3, 7).

Могильник Есен-Амантау (Лебедёвка II) расположен на вершине одноименного плато в 7 км к ЮЗ от поселка Сегизсай (бывш. п. Лебедёвка) и в 9 км к северу от посёлка Егиндыколь (Шынгырлауский р-н, ЗКО). Состоит из 37 археологических объектов (33 кургана и четыре прямоугольных склепа-«святых мест»), растянувшихся цепочкой по линии З–В на расстояние более 1 км. Памятник был исследован в 2002 г. отрядом ЗКАЭ под руководством С. Ю. Гуцалова.

Курган № 6 диаметром 30,0 м, высотой 2,25 м. Яма подовальной в плане формы, размерами 4,5×6,5 м, вытянута по оси С–Ю; перекрыта бревнами в продольном направлении. Дно зафиксировано на глубине 3,8 м от уровня погребенной почвы. По дну могила имела прямоугольную форму и ориентирована длинными стенками по линии С–Ю с небольшим отклонением к западу. Скелет женщины находился вытянуто на спине, головой на запад с некоторым отклонением на юг. Ноги были согнуты в коленях. Вокруг головы фиксировались кусочки красной охры. Вся площадь дна, очевидно, была застелена покрывалом органического происхождения, от которого остался тлен черного цвета мощностью 1–1,5 мм [Гуцалов, 2007, с. 75–80].

На женщину были надеты украшения, в области висков найдены две золотые височные подвески, состоящие из проволочной петли, к которой прикреплено кольцо с подвешенной к ней сложной «косичковидной» цепочкой длиной около 20,0 см с кольцом на конце. Одежда была украшена нашивками грушевидной формы, выполненными в технике зерни, они обнаружены в области грудных позвонков (13 шт.). Слева и выше черепа лежало бронзовое зеркало с плоским гладким диском, к которому при помощи трех бронзовых заклепок прикреплена плоская рукоять с волнистым косичковидным орнаментом. На конце ручки имеется изображение сцены терзания кабаном козла, на месте крепления ручки к диску - изображение головы грифона. Диаметр зеркала – 18,0 см, длина зеркала вместе с ручкой 33,0 см. Слева от черепа, севернее бронзового зеркала, находилось скопление нашивных конусовидных бляшек из желтого металла, бляшек полусферической формы диаметром 0,5 см, уплощенных диаметром 0,8 см, штампованные пластины в виде головы оленя с двумя петлями на оборотной стороне (38 шт.), бляшка в виде вихревой свастики. Среди бляшек

лежали бусины зеленого цвета, цилиндрическая рифленая, уплощенная овальная, сердоликовая бусина продолговатой трубчатой формы и прямоугольной формы, шестигранная, бусина белого цвета с шестью шишечками. Чуть южнее скопления бляшек найдена бронзовая оковка деревянного сосуда с контурным зооморфным изображением; в области шейных позвонков – сердоликовые бусины.

В 40,0 см южнее черепа находился разбитый стеклянный сосудик темно-синего цвета. Тулово украшено орнаментом в виде семи чередующихся белых и коричневых волнистых линий. Слева, возле берцовых костей погребенной находились ритуальные предметы: раковины *Grifea*, в одной из которых была краска красного цвета, рядом с ними галька светло-коричневого цвета длиной 6,7 см. В ногах – частично разбитые керамические сосудики биконической формы. Справа от скелета, на уровне грудных позвонков в 60,0 см находился каменный оселок длиной 37,0 см, глиняное пряслице биконической формы. Под черепом обнаружены бляшки круглой формы из желтого металла, там же найдена бусина светло-коричневого цвета листовидной формы длиной 2,2 см. Вероятно, они нашивались на головной убор.

В северо-восточном углу ямы были обнаружены кости лошади, коровы, овцы, южнее - ребра коровы и нож.

Могильник Лебедевка-1 (Сегизсай) расположен в 3,0 км на запад от села Сегизсай (бывший пос. Лебедевка) (Шынгырлауский р-н, ЗКО). Состоял из 13 насыпей диаметром 10–12 м, высотой 0,5–0,7 м. Исследовался в 1969 г. отрядом Уральского педагогического института под руководством М. Г. Мошковой [Свод, 2010, с. 434], в 2018 г. - под руководством М. Д. Калменова [Калменов, Сейткалиев, 2020, с. 249].

В *кургане № 1* (диаметр 18,0 м, высота 1,0 м) открыто три погребения. Судя по инвентарю, два из них принадлежали мужчинам, одно погребение № 3 – женщине. Яма прямоугольной в плане формы, размерами 2,3×1 м, была перекрыта бревенчатым накатом. Дно ямы зафиксировано на глубине 1,8 м, где обнаружен скелет взрослого человека, ориентированного головой на восток. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые. В районе шейных позвонков найдено украшение, состоящее из 11 стеклянных уплощенных бусин синего и белого цвета с двумя глазками, диаметр их 1,2–1,5 см. Над головой обнаружен миниатюрный лепной горшок, над ним бронзовое зеркало без ручки, диаметром 12,5 см с валиком по краю. Над черепом с правой стороны выявлены косметический сосудик-флакон высотой 7,0 см, шириной 2,0 см, изготовленный из стекла синего цвета с зигзагообразным декором на тулове и каменный жертвенник прямоугольной формы на четырех ножках высотой 0,6 см, размеры столика – 25,0×35,0 см. На уровне плеч с правой стороны, а также в ногах с правой стороны, обнаружены кости барана и лепной горшок [Калменов, Сейткалиев, 2020, с. 250, рис. 3, 1–4, 6].

Могильник Кырык-оба-2 расположен в 77 км от Уральска, в 5 км от п. Даниляколь, на левом берегу р. Урал в 10 км от его русла и в 5 км к северу от «царского» кургана Кырык-оба-1 (Бурлинский р-н, ЗКО). Он состоял из 30 земляных курганов, растянувшихся цепочкой с запада на восток. Могильник условно разделен на две части: восточную, где насчитывается восемь курганов, и западную, образованную из 21 объекта. Насыпи курганов округлые, южная часть – оплывшая. Под насыпью курганов были выявлены сложные деревянные конструкции шатрового и срубного типа, опиравшиеся на валы, в центре которых были зафиксированы могильные ямы. Яркие женские захоронения были обнаружены в курганах № 2, 3 (раскопки Ж. Смаилова, М. Сейткалиева), 10, 23 (раскопки С. Ю. Гуцалова).

Курган № 2 (диаметр 40 м, высота 1 м) был расположен в восточной части некрополя. Надмогильное сооружение представляло собой сруб подквадратной формы размерами 10,5×8,5 м. За пределами сруба на уровне древней поверхности расчищена выкладка из досок длиной 0,2 м,

диаметр внешней границы выкладки составил 17,5 м. Основное захоронение было разграблено, но за пределами сооружения обнаружено три женских погребения [Сейткалиев, 2010, с. 48].

Погребение 3 было совершено в яме с подбоем, входная яма размерами 3,2×2,5 м, длинными сторонами ориентирована по оси СВ–ЮЗ. С южной стороны ямы на глубине 0,85 м был зафиксирован уступ. Дно ямы было выведено на глубину 2,20 м, подбой обнаружен в северной части входной ямы, ориентирован по оси В–З. Размеры подбоя 3,35×2,20 м.

В яме выявлено два скелета, принадлежащие женщине и ребенку, ориентированные головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища. Над черепом с правой стороны женщины найдены куски охры и гальки. На уровне колена и правой берцовой кости лежало большое бронзовое зеркало, которое крепилось двумя железными гвоздиками к костяной рукоятке с зооморфным декором. Размеры диска 17,9×16,9 см, длина ручки 18,6 см. Рядом находился стеклянный сосудик высотой 5,0 см. Вокруг него найдены стеклянные и каменные бусины, среди них подвеска в виде жука-скарабея из фаянса, чуть ниже расчищены пастовые бусины. У ног погребенной возле восточной стенки находился бронзовый котелок на коническом поддоне, с двумя вертикальными ручками и носиком-сливом. Высота 24,3 см, диаметр 11,8 см. У северной стенки найден керамический сосуд высотой 20,0 см, ритуальная галька, терочник, раковины и многочисленные предметы конкой узды. У входа в подбой зафиксировано блюдо из рога лося, накладка из желтого металла с зооморфным декором.

Возле левой руки ребенка находилось бронзовое зеркало с боковой ручкой. Размеры диска 10,4×9,4 см, общая длина 14,3 см, рядом с зеркалом обнаружено пряслице диаметром 3,0 см, под зеркалом – костяная ложечка с зооморфным навершием. У изголовья погребенных были зафиксированы ребра лошади, среди которых найден черешковый нож.

Входная яма погребения 4 имела в плане округлую форму, диаметр ее 2,30 м. С западной стороны ямы были зафиксированы две ступеньки на глубине 0,60 и 1,70 м. Дно ямы зафиксировано на глубине 2,20 м. Подбой овальной в плане формы был выявлен с восточной стороны ямы, ориентирован длинными сторонами по оси С–Ю. На дне подбоя обнаружен скелет молодой женщины, ориентированный головой на юг [Сейткалиев, 2010, с. 49]. Руки вдоль туловища. У изголовья зафиксированы кости лошади, среди них железный нож, на шею были надеты бусы из стеклянных и каменных бусин. На левом запястье женщины обнаружен бронзовый браслет. У локтя правой руки лежало большое бронзовое дисковидное зеркало с боковой ручкой, под зеркалом расчищен сосудик из камня (алабастр?) высотой 12,0 см, возле восточной стенки лежали два круглодонных горшка, в одном из них находился железный черешковый нож.

Погребение 5. Входная яма имела подквадратную форму и была ориентирована стенками по сторонам света. С восточной стороны ямы были зафиксированы ступеньки на глубине 0,75 м. Подбой овальной формы был выявлен в западной части входной ямы. Дно зафиксировано на глубине 1,85 м. На дне подбоя расчищен костяк женщины, головой ориентированной на юг, руки расставлены в стороны и согнуты в локтях. У правого локтя обнаружена нашивная бляшка с изображением головы животного (2,1×1,5 см), такие же семь бляшек были найдены возле черепа, вместе с ними была найдена одна полусферическая бляшка диаметром 1,2 см. У входа в подбой находились костяная трубочка и керамическое пряслице усечено-биконической формы высотой 2,1 см. У южной стенки, над головой погребенной, лежали кости лошади и железный черешковый нож, у западной стенки, на уровне черепа с левой стороны, – бронзовое зеркало (диаметр диска – 15,0 см, общая длина – 25,5 см), три стеклянные бусины и бронзовый трехлопастной наконечник стрелы. Рядом лежали раковины и кусочки охры, возле левой ноги погребенной – костяная трубочка. У северной стены под ногами найдена ритуальная галька и большой кусок охры.

Курган № 10 (диаметр 14,0 м; высота 0,2 м) был расположен в центре могильника, южная часть кургана примыкала к дорожному кювету. В кургане было выявлено три погребения, погребение 2 принадлежало женщине. Яма ромбовидной в плане формы размерами 1,9×2,2 м, глубиной 35–50 см, была впущена в глиняный вал. Углами она ориентирована по длинной оси ЮЮЗ–ССВ. Ко дну яма сужалась до размеров 1,2×1,3–1,5 м. Скелет находился на подстилке из войлока в деревянной раме, на невысоком деревянном помосте по диагонали, вытянуто на спине головой на ЮЮЗ, руки, слегка отодвинутые от туловища, согнуты в локтях, при этом лучевые кости левой руки сходятся к тазу, а правой – находятся параллельно скелету. На шее – ожерелье из золотых бусин округлой формы (рис. 5, 1), спаянных из двух полусферических половинок, в районе плечевых костей – ритуальные гальки, куски мела. У левого локтя – бронзовое зеркало с широким овальным диском диаметром 11,0 см, короткой плоской ручкой длиной 6,0 см.

Курган № 23 (диаметр 36 м; высота 1,65 м) располагался на пашне в восточной группе курганов, в которой он был крупнейшим. Вокруг кургана наблюдался кольцевидный ров шириной до 5,0 м и глубиной до 0,5 м. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 6,4×7,2 м, ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. Глубина ямы 1,2 м от уровня погребенной почвы. От южной подошвы кургана к ней был прорыт дромос длиной 10,4 м, шириной 1,2–1,8 м. У входа в могильную яму в дромосе было совершено захоронение ребенка – вытянуто на спине, головой на ССЗ. Дно входной ямы и могилы было устелено корой. В северном углу могилы был прорыт грабительский ход. Заполнение могильной ямы представляло собой рыхлую гумусированную супесь черного цвета со значительным включением больших комьев материковой глины. Могила оказалась ограбленной в древности и на дне фиксировались разрозненные остатки захоронения: основная масса костей человека была сосредоточена в южном углу. В самом углу был аккуратно поставлен череп взрослого человека, рядом лежали кости рук, к северу и западу от них – ребра, тазовые кости и нижние конечности человека. В западной части от данного скопления обнаружены: массивная гривна, сделанная из гладкого золотого прута, две височные подвески, выполненные в технике зерни и 26 полусферических нашивных бляшек овальной в плане формы. Среди костей скелета обнаружено два крупных куска мела. Здесь обнаружены два серебряных предмета – пластинки с двумя штифтами, вероятно, оковки какого-то деревянного сосуда и кости МРС. У северо-восточной стенки находилось керамическое пряслице. Основная масса предметов из захоронения была сосредоточена напротив входа в могильную яму. Здесь, возле тризны, представленной костями крупного животного, обнаружены: золотые и серебряные оковки деревянных ритуальных сосудов, фрагменты гончарных сосудов – флаконы розового и серого цвета, ритуальный сосуд розового цвета, фаянсовая шкатулка с крышкой украшенной глазурью, а также, деревянный стержень с керамическим навершием красного цвета в виде головки птицы, каменная ступка, большой оселок (пест? из серого песчаника, находившийся когда-то в металлической оправе), костяная втулка с точечным орнаментом, костяной футляр с железной иглой, ритуальная галька, две ископаемые раковины, кусочек красной охры [Сдыков, 2008, с. 88–89].

Курганный комплекс Таксай-1 расположен в 8,0 км южнее пос. Долинный и в 2,0 км севернее железнодорожного разъезда Таксай. Комплекс состоял из шести земляных насыпей [Сдыков, Лукпанова, 2013].

Курган № 6 (диаметр 41,0 м, высота 1,0 м) расположен на востоке комплекса, имел сложную конструкцию. Под насыпью над центральной ямой находилось надмогильное сооружение, вокруг которого зафиксированы два кольцевых вала из желтой материковой глины, ближе к центру был выявлен прокаленный докрасна кольцевидный вал из сырцовых блоков, плотно прилегающий к конструкции.

В кургане выявлено три женских погребения. Две женщины, обезглавленные, обнаружены в СЗ и ЮВ секторах, на уровне древнего горизонта, они являлись сопроводительными относительно центрального захоронения. Один скелет принадлежит женщине преклонных лет, второй – юной девушке. Третье погребение было совершено в центральной яме. Яма была подквадратной формы, перекрыта двойным слоем бревен тополя, условно она была разделена на восточную и западную части. Скелет лежал у восточной стены могилы, на циновке; вытянуто на спине, головой на запад с некоторым отклонением на ЮЗ (рис. 4, 1, 2). Погребальное убранство женщины было украшено золотыми нашивными бляшками, тщательная фиксация их расположения позволила воссоздать вариант костюма, несмотря на то, что материал, из которого была сшита одежда, не сохранился [Алтынбеков, 2013; Лукпанова, 2017а]. На верхнюю часть костюма были нашиты золотые бляшки, на рукава – подвески и амулеты, выполненные из зубов и клыков волка в золотой оправе. Под позвонками, между тазовыми костями и кистями обеих рук обнаружены золотые бусины биконической формы, полые, спаянные из двух конусовидных половинок, на поверхности каждой из них проработано по восемь продольных углублений, на которые напаяны по две витые скрученные золотые проволоки, спаянные с двух концов у отверстия для продевания. На голову женщины был надет конусовидный, высокий головной убор. Он имел сложную конструкцию, к сожалению, остался только каркас конусовидной формы, из желтого металла, в виде двух соединяющихся узких пластин, сложенных вдвое, к которым припаяно наверху в виде изображения головы архара. Запястья женщины украшали два золотых браслета омеговидной формы с декором в виде сокращенного варианта сцены нападения рогатого кошачьего хищника на травоядное животное, расположенного на разомкнутых окончаниях. С левой и правой стороны висков обнаружены две височные подвески. На шею погребенной была надета гривна с заходящими концами, сделанная из литого золотого прута (рис. 4, 3–6).

На правой руке погребенной, чуть выше кисти, находилось двустороннее бронзовое зеркало в ореховом футляре. Зеркало с круглым гладким диском, к которому при помощи двух заклепок прикреплен плоский ствол боковой ручки, расширяющейся кверху и книзу. Ручка обложена золотым листом, имеет зооморфный декор.

Возле кисти левой руки выявлен стеклянный сосудик в форме миниатюрного горшочка темно-синего цвета, одна сторона которого деформирована и расплавлена. Подобные сосудики использовались для хранения косметических средств.

В западной части ямы был разложен разнообразный по составу инвентарь:

1. Бронзовый котел полусферической формы с сужающимися к устью стенками. У котла имелись две вертикальные петлевидные ручки с навершиями в виде трех выступов и две ручки-петельки, прикрепленные на уровне центральной части тулова котла, под вертикальными ручками. Котел предназначен для приготовления жидких продуктов, так как у него имеется носик-слив в виде протома верблюда с вытянутой шеей. Подобные котлы использовались в различных ритуальных целях.

2. У южной стенки ямы обнаружена жаровня. К. Ф. Смирнов называет жаровни характерным предметом быта и религиозных культов [1964, с. 166].

3. Рядом с жаровней, в 0,40 м северо-восточнее от нее, обнаружена стеклянная полихромная чашечка, вокруг которой найдена россыпь бусин. Бусины глазчатые, голубого, желтого цвета и одна белого. Подобные бусины были широко распространены на протяжении долгого времени.

4. В северо-западном углу ямы выявлен ореховый короб длиной 80,0 см, шириной 50,0 см, выполненный из пяти плоских досок, с невысоким бортиком. В нем находились ритуальные вещи, характерные для совершения жреческих обрядов. Кисти двух особей волка, нож с костяной

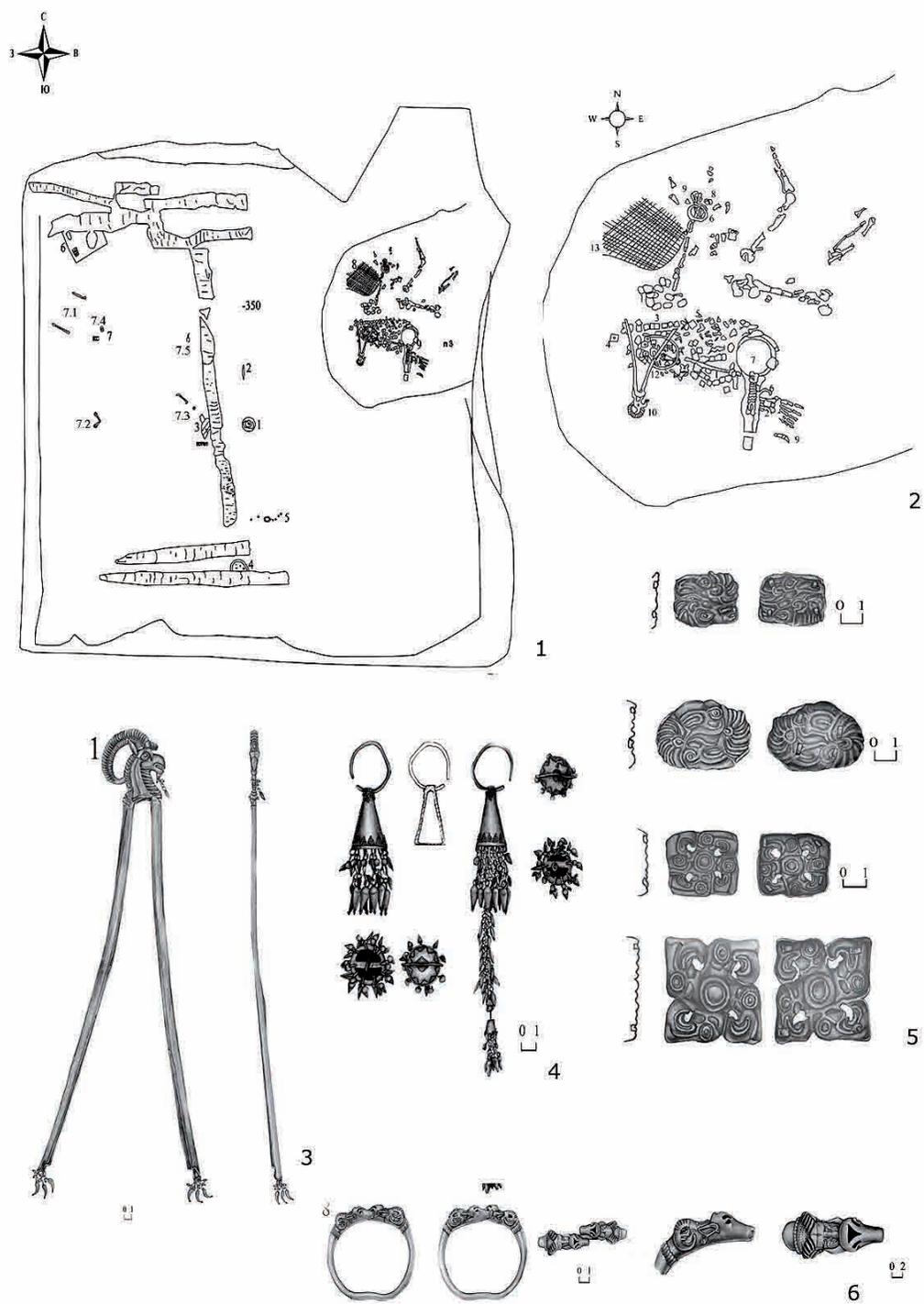

Рис. 4. Таксай-1, к. 6: 1, 2 – план центрального погребения

рукояткой, наносник в виде стилизованной головы хищной птицы, уникальный деревянный гребень с изображением противостояния скифа персам. На гребне лежал миниатюрный белый сосуд, клыки и зубы волка, а также ступка с пестом, галька.

5. В северной части ямы зафиксирован железный нож, лежавший острием на юг.

В погребении обнаружено пять комплектов конской узды, четыре из которых лежали на перекрытии ямы с южной и западной стороны. Пятая узда была найдена в яме среди вещей женщины.

В погребальном обряде ранних кочевников юго-западное направление имело важное значение, это предположение подтверждает ориентировка всех погребенных, обнаруженных в данном кургане: юг, юго-запад, расположение четырех комплектов узды на перекрытии, золотых изделий под южной стеной ямы, оформленной в виде заходящего солнца [Лукпанова, 2016, с. 156]. Погребение в кургане № 6 комплекса Таксай 1 было основным, с двумя сопроводительными женскими погребениями.

Курганный комплекс Таксай-3 расположен в 5 км юго-восточнее пос. Долинное, (Теректинский р-н, ЗКО). Комплекс состоит из шести курганов [Лукпанова, 2017б].

Курган № 3 (диаметр 45,0 м, высота 1,5 м). Под насыпью кургана выявлена конструкция, состоящая из радиально уложенных бревен диаметром 10,0–12,0 см, верх которых покрыт ветками и корой. Возможно, это была некогда шатровая конструкция, которая, также как и в кургане № 2, рухнула в результате сожжения. Сооружение сгорело, земля прокалилась до 1,0 м.

В кургане на уровне древнего горизонта обнаружено коллективное захоронение. Было выявлено три погребения, из них первое и второе парное, головой они были ориентированы на юго-восток, третье зафиксировано восточнее. Погребение 2, судя по инвентарю, принадлежало девочке-подростку, кости черепа которой под воздействием высокой температуры не сохранились, оставшиеся кости потревожены грызунами, сохранились лишь тазовые кости и части нижних конечностей. У изголовья найден лепной плоскодонный сосуд с шаровидным туловом плохой сохранности, зеркало с гладким диском и боковой ручкой на нем бусины, раковина каури, в области тазовых костей обнаружен умбон из желтого металла. Скелет девочки-подростка лежал рядом с погребением принадлежащего мужчине-воину.

Курганный комплекс Жайык-1 расположен на правом высоком берегу р. Урал, в 13,0 км юго-западнее г. Уральска, при въезде на территорию средневекового городища Жайык. Он состоит из четырех курганных насыпей. Курган № 1 (диаметр 42,0 м, высота 1,8 м) сооружался в два этапа, имел сложную подкурганную конструкцию. Центральная часть кургана сложена из грунтовых блоков, которые представляли собой «вальки», вырезанные из верхнего гумусового горизонта. Они были уложены на бревна, которые впоследствии сгорели во время сжигания конструкции. Размер «вальков» примерно 30×20×15 см. По периферии внутренняя насыпь окружена кольцевым рвом глубиной от 0,5 до 2,5 м, ширина рва варьировалась от 0,5 до 1,5 м. В заполнении кольцевого рва на разных глубинах обнаружены камни, мел, кости животных, фрагменты керамики, части жертвенников разных форм. Всего в кургане выявлено 14 погребений, расположенных полукольцом вокруг центральной ямы. Пять погребений (№ 1, 5, 6, 7 и 8), судя по специфичному набору вещей, принадлежали женщинам [Лукпанова, 2020].

Погребение 5 (IV в. до н. э.) совершено в подбое. В заполнении входной ямы были зафиксированы фрагменты зеркала (рис. 5, 2), черешковый нож, ребра человека, кости правой руки в сочленении, в области запястья обнаружен бронзовый браслет. Подбой был обнаружен с восточной стороны, длинными сторонами ориентирован по оси С–Ю. Длина подбоя 2,4 м, ширина 1,0 м.

Погребение предположительно принадлежало женщине, покоившейся на тонком слое органики черного цвета, головой она была ориентирована на юг. Скелет потревожен, у него отсутствуют

1

2

Рис. 5. Находки: 1 – ожерелье из золотых бусин. Могильник Кырык-оба-2, к. № 10, п. 2 (фото из архива З. Самашева); 2 – нашивные бляшки в виде жуков. Курганный комплекс Жайык-1, к. 1, п. 5

правая берцовая кость, правая рука и ребра с правой стороны, левая рука лежит ладонью вниз. Все отсутствующие кости женщины обнаружены в заполнении входной ямы. Поскольку кости руки найдены в сочленении, очевидно, в данном случае мы сталкиваемся с обрядом расчленения. Причем бронзовый браслет, как и на левом запястье скелета, был обнаружен в области запястья правой конечности человека, найденной в заполнении ямы. У южной стенки выявлены кости крупного животного: ребра и мелкие позвонки. Вокруг шейных позвонков женщины найдены шесть нашивных блях в виде жуков, изготовленные из желтого металла, вероятно, декор воротника одежды (рис. 5, 2), на запястье левой руки был надет бронзовый браслет из литого прута, под костями животных лежал черешковый нож, слева у плеча женщины найдены два фрагмента лепного сосуда. К погребению 5 относятся также предметы, найденные в заполнении входной ямы. Входная яма погребения 5 позже была использована для погребения 6.

Обсуждение

Таким образом, мы привели сведения по 21 женскому погребению VI–IV вв. до н.э. Все погребения были выявлены в курганах со сложной архитектурой, в основном это шатровые постройки, которые, по мнению М. К. Кадырбаева, заключали погребения представителей родоплеменной знати. Наземные деревянные постройки, богатые захоронения, сопровождаемые трупосожжением или трупоположением, в большинстве своем близки погребальным памятникам Приаралья VII–VI вв. до н.э., к ним относятся курганы Бесобы, Кырык-обы, Таксая, Булдурты, Жалгызоба, эти захоронения относились к наиболее почитаемым лицам у ранних саков Приаралья, кочевников Приуралья [Смирнов, 1964, с. 88, 89]. Основные проявления, схожие с Приаральем, мы наблюдаем в распространении «святилищ огня», в существовании практики коллективных захоронений на погребенной почве, срубных типах построек, наличие очагов. Под насыпями курганов фиксируется наличие богатой заупокойной пищи, фрагменты керамики или целые сосуды, иногда узда. Особенно важно отметить наличие узды в двух женских погребениях кургана № 6 комплекса Таксай-1, кургана № 4 комплекса Бесоба. В таксайском погребении выявлено пять комплектов узды, четыре на перекрытии и одна среди личных вещей женщины. Следует отметить, что в кургане № 6 могильника Таксай был найден распределитель-тройник, который мог служить приспособлением для пропускания вожжей, П. И. Шульга приводит в качестве примера ассирийские повозки [2008, с. 48], где использовался подобный тройник. Аналогичные предметы были обнаружены в кургане № 15 комплекса Кырык-оба-2. В юго-западной части кургана на уровне погребенной почвы было обнаружено четыре комплекта узды, в которые входили три распределителя – тройника [Гуцалов, 2007, с. 85, рис. 13], что подтверждает наличие у населения Приуралья колесниц. Возвращаясь к женскому погребению из Таксая, стоит обратить внимание на то, что для женских погребений наличие узды было весьма редким явлением, К. Ф. Смирнов могилы, в которых лежали комплекты двух и более уздечных наборов, относил к конным жрицам [1964, с. 203].

Основные типы погребальных камер – простая грунтовая яма квадратной, подпрямоугольной формы с перекрытием (10), ямы с подбоем (5), ямы с дромосом (1). Встречаются погребения на древнем горизонте (5). Погребения можно разделить на индивидуальные, коллективные, парные. По значимости основные (6) и сопроводительные погребения. Более ранние погребения, датируемые VI–V вв. до н.э., головой ориентированы на запад, V–IV вв. до н.э. – на юго-запад с некоторым отклонением на юг. Во всех рассмотренных женских погребениях встречаются украшения, охра, галька, в некоторых из них раковины, куски мела, реальгар, в большинстве погребений находилась заупокойная пища (кости лошади, овцы, КРС).

Материальная культура представлена определенным набором вещей, которые характерны в основном для женских погребений:

1. В 17 погребениях были обнаружены зеркала.

2. Каменные жертвенники выявлены в четырех погребениях. Функциональное назначение данных предметов спорное, им отводится различная роль от «алтариков огня» до курильниц [Коноплева, 2015, с. 531].

3. Ритуальные стеклянные сосудики и курильницы, блюда из рога лося. Эти виды посуды встречаются только в погребениях элиты, они, безусловно, являются импортом, особенно стоит отметить стеклянную посуду, выполненную в технике «сердечника» [Трейстер, 2010, с. 249].

4. Костяные ложечки с зооморфным декором. Они встречаются и в мужских и в женских захоронениях.

5. Украшения из желтого металла, бронзы, железа, бусы из камней, стекла, пасты, кольца.

6. Обкладки деревянного сосуда, чаши, которая имела ритуальное предназначение.

Возвращаясь к вопросу о «гинекократии», а точнее о роли женщин-сарматок в военной демократии, отметим, что он остается спорным. Из проанализированных погребений ни в одном захоронении не обнаружены предметы вооружения, исключением может быть погребение из кургана № 2 могильника Кырык-оба-2, где был найден один наконечник стрелы, но единичные предметы не учитываются и не могут характеризовать статус человека, в данном случае наконечник являлся не оружием, а скорее всего амулетом [Багаутдинов, Мышкин, 2013, с. 47].

Вопрос отношения всех женских погребений, содержащих зеркало и жертвенник, к жреческому также вызывает спорные моменты, как мы видим, 80% погребений с зеркалами, поэтому этот предмет уже не может служить маркером жреческих погребений. К. Ф. Смирнов отмечал, что зеркала являются обязательными атрибутами савроматских жриц, также раковина *Grifea* с остатками красной охры, а также кусочки красной охры, зафиксированные вокруг головы. К так называемым маркерам жреческих погребений он отнес и золотые бляшки, выполненные в зооморфном стиле, подчеркивая их сакрально-магический характер [Смирнов, 1964, с. 139]. В свете последних открытий золотые украшения, бляшки и предметы импорта не всегда определяют отношение погребенного к жречеству, они могут отражать социальное положение человека. Обилие соляных символов подчеркивает статус женщин и позволяет отнести их к элите древнего общества.

С. А. Яценко выделял культовые атрибуты в женских погребениях сарматок на рубеже тысячелетий такие, как: посохи, сумочка с большим количеством уникальных амулетов, наличие амулетного ожерелья, предметы с антропоморфными изображениями, низки мелких амулетов, наличие колокольчиков, античных сосудов [2007, с. 60–63]. По материалам женских погребений, представленных в статье, ссылаясь на выделенные признаки С. А. Яценко, считаем возможным отнести к жреческим погребениям только пять захоронений из комплексов: Бесоба курган № 4; Булдурты-1, курган № 2, погребение 2; Кырык-оба-2, курган № 2, погребение 3; курган № 23, погребение 2; Таксай-1, курган № 6, погребение 3. Остальные захоронения, возможно, принадлежат аристократам.

Наличие котлов в погребениях это признак элитарности, они выполняли роль маркеров, подчеркивая принадлежность человека к привилегированному сословию, они встречаются как в мужских, так и в женских захоронениях, поэтому котлы могли принадлежать вождю, царю, жрецу, главе семейства, осуществлявшему хозяйственные, политические, сакральные функции [Джумабекова, Базарбаева, 2017, с. 115]. Котел обладал высокой медиативной способностью, являлся символом плодородия, семьи и рода.

Социальная роль женщины была разнообразна, в ее функции входили не только хозяйственные работы, но и ритуально-магические действия, как в собственной семье, так и в группе, к которой она принадлежала.

Декор одежды женщин оформлен в зверином стиле, что являлось выражением духовных «основ мировоззрения и идеологии» [Мартынов, 1984, с. 4]. В оформлении костюмов присутствуют образы, символизирующие культ Солнца, они выступали как обереги и одновременно являлись солярными символами. Яркое проявление представлений населения эпохи отражено в костюме женщины из Таксая.

М. К. Кадырбаев погребения Бесобы отнес к жреческому, подчеркивая, что в гробнице наличие специальных очагов-кострищ является культовой привилегией жриц. На примере погребения 1, курган № 3 комплекса Булдурты мы видим, что подобные очаги могут быть не только в женских, но и в мужских погребениях и, возможно, они играли особую роль в ритуале погребения какого-то значимого человека, не имеющего отношения к жречеству. Истоки происхождения очагов находят в Приаралье, Средней Азии [Орынбасаров, 2008, с. 93]. Поскольку очаги в Приуралье встречены редко, они не в полной мере изучены и этот вопрос остается открытым.

Курганы верховьев Илека М. К. Кадырбаев называет «Герросом» местной конфедерации племен [1984, с. 93], районом, где концентрировались кладбища военной аристократии, жречества, племенных вождей, в их число бесспорно можно добавить и все остальные могильники, представленные в статье.

Выводы

Анализ показал, что статус женщины в погребениях символизировали украшения, предметы быта и ритуальные вещи. Возможно, для маркировки мужских и женских погребений в первом случае использовалось оружие, во втором – наличие роскошного украшения и различных предметов, в том числе и импортного происхождения.

Так, в женских погребениях в разряд определяющих статус и положение предметов входят гривна и котел, возможно, эти женщины возглавляли род, «социальную ячейку или являлись женами (вдовами) глав родовых объединений» [Джумабекова, Базарбаева, 2017, с. 115], что объясняет в погребальном обряде сложные могильные ямы, конструкции.

Мы не отрицаем участие женщин в войнах, как отмечал С. А. Яценко, женщина могла стать воином при определенных обстоятельствах, когда она являлась матерью наследника, представляла своего погибшего мужа, а также как «мстительница» [Яценко, 2018, с. 159].

Таким образом, женщины могли иметь и политическую власть и выполнять сакральные функции, стать воином в зависимости от сложившихся обстоятельств в кочевом обществе в условиях военной демократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алтынбеков К.* Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай I. Алматы: Остров Крым, 2013. 64 с.
2. *Багаутдинов Р.С., Мышкин В.Н.* Мужской и женский наборы вещей у кочевников Самаро-Уральского региона в VI-IV вв. до н.э. // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 2 (103). С. 44-48.
3. *Гуцалов С.Ю.* Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // АЭАЕ. 2007. № 2 (30). С. 75-92.
4. *Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.* О символике металлических котлов в культуре кочевников // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 2 (19). С. 114-117.
5. *Железчиков Б.Ф.* Археологические памятники Уральской области. Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 1998. 136 с.
6. *Кадырбаев М.К.* Отчет Актюбинского археологического отряда за 1974 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, оп. 2, д. 1375, 28 л.
7. *Кадырбаев М.К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время: сб. ст. / под ред.: А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 84-93.
8. *Калменов М.Д., Сейткалиев М.К.* Новые исследования на комплексе Лебедевка I (Сегизсай) (предварительное сообщение) // Маргулановские чтения-2020: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17-18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 2. С. 247-253.
9. *Коноплева К.Г.* История изучения каменных жертвенников ранних кочевников Евразии // Наука ЮУрГУ: м-лы 67-й науч. конф. секции соц.-гум. наук / отв. ред. С.Д. Ваулин. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2015. С. 527-532.
10. *Кушаев Г.А.* Этюды древней истории Степного Приуралья. Уральск: «Диалог». 1993. 171 с.
11. *Лукпанова Я.А.* Археологическое изучение Западно-Казахстанской области // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: м-лы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости РК и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 12-15 декабря 2011 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. Т. 1. С. 69-82.
12. *Лукпанова Я.А.* Знаковая функция предметов с зооморфными изображениями из кургана № 6 комплекса Таксай I (Степное Приуралье) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева / отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 154-159.
13. *Лукпанова Я.А.* Реконструкция женского костюма из элитного погребения Таксай-1: взгляд археолога // ПА. 2017а. № 1 (19). С. 145-156.
14. *Лукпанова Я.А.* Раннесакские памятники Южного Приуралья // Казахстан в сакскую эпоху. Коллективная монография / отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017б. С. 179-190.
15. *Лукпанова Я.А.* Женские погребения из кургана 1 могильника Жайык-1 в Западном Казахстане // ТиПАИ. 2020. № 2 (30). С. 111-127.
16. *Мартынов А.И.* О мировоззренческой и идейной основах искусства скифо-сибирского мира // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология): тез. докл. второй археол. конф. по проблемам скифо-сибирского мира (г. Кемерово, 3 - 6 апреля 1984 г.) / отв. ред. Б.Н. Пяткин. Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1984. С. 3-7.
17. *Орынбасаров Е.Е.* Глиняные очаги в ритуальной практике кочевников Западного Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. Вып. 9. С. 215-218.
18. Памятники природного и историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области. В 14-ти томах. Т. 2. Сырымский район. Орал: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2006. 320 с.
19. *Петренко В.Г.* Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д4-5. М., 1978. 144 с.
20. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Западно-Казахстанская область. Алматы: Аруна, 2010. 487 с.

21. *Сдыков М.Н.* Степная пирамида. Уральск: «Полиграфсервис», 2008. 264 с.
22. *Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Тулегенова Н.И., Марыксин Д.В.* Отчет об археологических раскопках могильника «Булдурга» на территории Сырымского района Западно-Казахстанской области в полевом сезоне 2003 г. // Фонды Западно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея.
23. *Сдыков М.Н., Лукпанова Я.А.* Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере комплекса Таксай I). Уральск: Полиграфсервис, 2013. 292 с.
24. *Сейткалиев М.К.* Раннепрохоровские впускные погребения в курганах некрополя Кырык-Оба II // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. № 1. С. 46–56.
25. *Сенигова Т.Н.* Краткий отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции за 1953 год (Большой и Малый Узени – Джангалинский район) // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, оп. 2, д. 278, 13 л.
26. *Смирнов К.Ф.* Сарматы: Ранняя история и культура сармат. М.: Наука, 1964. 380 с.
27. *Трейстер М.Ю.* Стекланные сосуды в «технике сердечника» из раннесарматских погребений Южного Приуралья // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: м-лы XVIII Уральского археологического совещания. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 249–252.
28. *Харузин А.* Курганы Букеевской степи. Изв. ИОЛЕАЭ, т. 64 // Труды антропологического отдела. М.: Тип. Т-ва А. Левенсон и К°, 1890. Т. 11. Вып. 2. 118 с.
29. *Шульга П.И.* Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. 1: раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.
30. *Яценко С.А.* О женщинах–«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н.э. – II в. н.э.) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. статей / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул: Азбука, 2007. Вып. I. С. 58–66.
31. *Яценко С.А.* Женщины-воительницы в искусстве ранних кочевников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 1 (11). С. 153–161.
32. *Kadyrbaev M.K.* Denkmäler des Sauromatenadels in Westkasachstan // Das Altertum Heft. 1981. Bd. 27. S. 29–37.

2.3 «Мужчины» и «женщины», культурно-хронологический и этносоциальный аспекты исследования: по материалам погребения № 138 могильника Бестамак

© А. М. Сеитов

Некрополь Бестамак представляет собой грунтовый разновременный могильник, расположенный в Аулиекольском районе Костанайской области, в 150 км к югу от г. Костанай у истока реки Убаган (правый приток р. Тобол, Северный Казахстан). Памятник исследуется Тургайской археологической экспедицией с 1991 г. [Калиева, Колбин, Логвин В.Н., 1992; Калиева, Логвин В.Н., 2008; Логвин А.В., Шевнина, 2018, с. 133]. К настоящему времени на Бестамаке изучено несколько погребальных комплексов раннего железного века (ямы № 102, 103, 138, 183) [Логвин А.В. и др., 2008, с. 155–169; Логвин А.В., Шевнина, 2008, с. 249–254; Логвин А.В. и др., 2014, с. 45–46; Сеитов, 2017, с. 182–206].

Характеристика памятника

Погребение № 138 было исследовано в полевом сезоне 2006 г. под руководством А. В. Логвина. В ходе археологических работ на памятнике, на глубине 0,7 м, была зафиксирована могильная яма и окружающий ее кольцевой ров диаметром 24 м, шириной 2,5–4,5 м, глубиной до 1,8 м (рис. 2, 1). В западной с отклонением к югу части ров сужается, имеет выступ с внутренней стороны, а в придонной части зафиксированы две столбовые ямки. По-видимому, в этой части рва находился вход, образованный деревянным мостиком. Во рву были обнаружены каменные и керамические находки, скопления костей животных и углей, остатки костей лошадей, крупного рогатого скота, овец и собаки. По всей видимости, изначально ров окольцовывал насыпь, которая к настоящему времени не сохранилась из-за песчаного грунта. На внутренней площадке рва, к западу от центра, зафиксирована могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 4,27×2,55 м, глубиной 1,3 м, меридиональной ориентировки, с небольшим подбоем в западной стенке (рис. 2, 2). В могильной яме, на глубине 0,7–0,95 м, были зафиксированы древесные остатки тонких жердей, закрывавшие вход в погребальную камеру. На дне могильной ямы, в центре, обнаружено коллективное захоронение четырех человек. Погребенные расположены вытянуто на спине, попарно, ногами друг к другу, ориентированы головами почти в противоположные стороны. Два костяка (№ 1, № 2 – мужских) ориентированы головами на юг с отклонением к востоку, а другие два (№ 3, № 4 – женских) – на север с отклонением к востоку. Под каждым погребенным зафиксирован тлен органического происхождения. Вокруг каждого костяка фиксируется прямоугольный кант древесного тлена, вероятно, от погребальных носилок. Следует отметить, что на костях, погребенных № 1, № 2 и № 4 зафиксированы следы белого вещества, напоминающего мел или известь. Напутственная пища представлена частями МРС (предположительно барана): череп, лопатки, позвонки, конечности, ребра. Причем, по одной конечности животного положены погребенным № 2, № 3, а две у головы и ноги погребенного № 1.

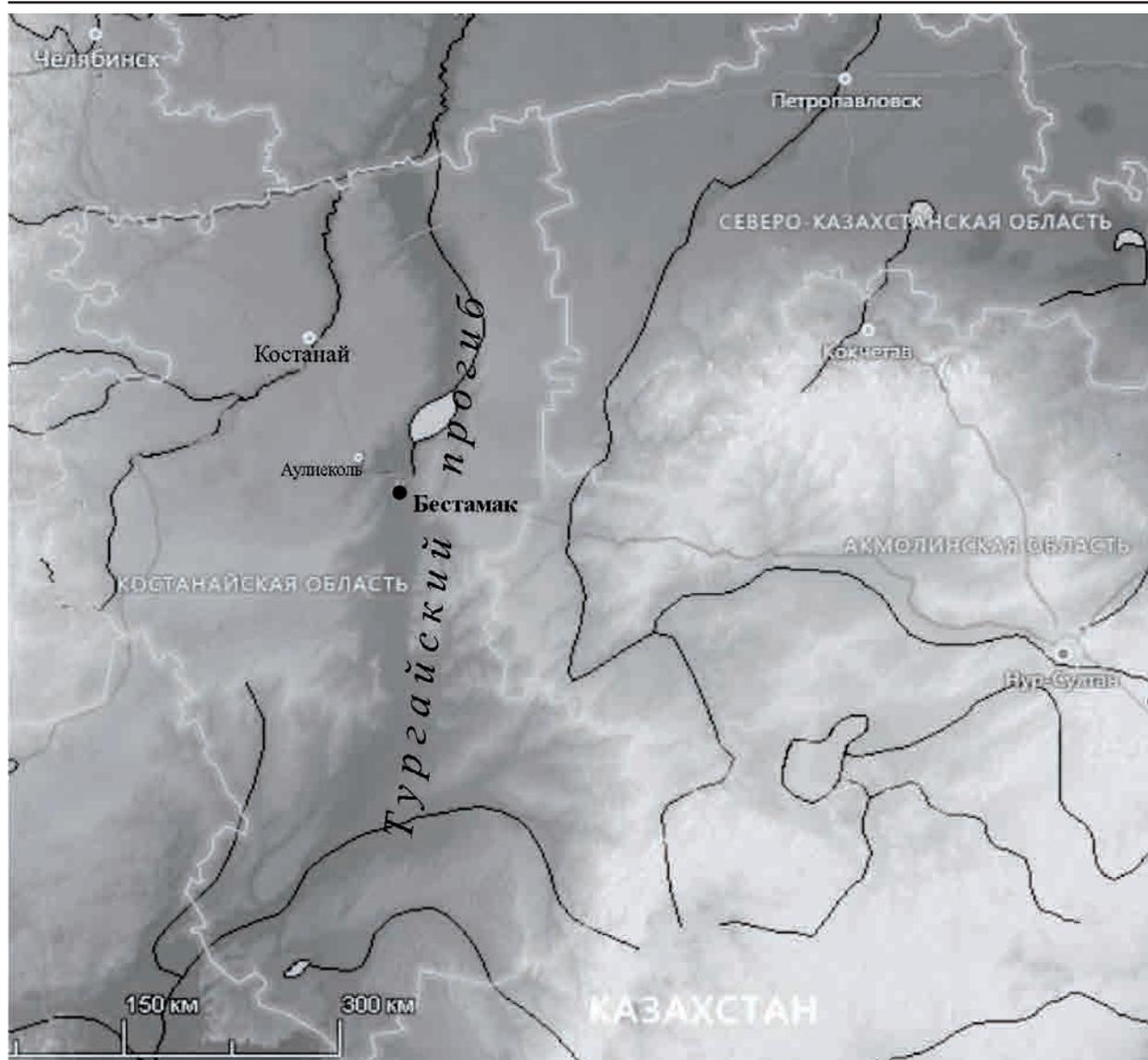

Рис. 1. Расположение могильника Бестамак на карте

Череп животного помещен у головы погребенного № 2. В центре ямы, между костяками № 1, № 2 и № 3, № 4, в ногах, были обнаружены два целых плоскодонных керамических сосуда и один очень плохой сохранности (рис. 3, 1–2). Также был зафиксирован тлен от трех деревянных сосудов, на одном из которых сохранились следы ремонта бронзовой проволокой (рис. 3, 5) [Логвин А.В. и др., 2008, с. 156–169, рис. 2, 3–4; 3; 4; 5; фото 3–4; Логвин А.В., Шевнина, 2008, с. 249–254; Сеитов, 2017, с. 188, рис. 3, 1–2]. Перейдем к детальной характеристике каждого погребенного (антропологические определения выполнены А.В. Колбиной).

На погребенном № 1 (мужчина 30–35 лет) отмечено много железной трухи, видимо, остатки доспехов. Вдоль левого бока был положен железный меч в деревянных ножнах (рис. 3, 13). Между мечом и бедром находилась связка железных черешковых трехлопастных наконечников стрел (около 6 экз.; рис. 3, 16). С правой стороны был положен железный кинжал в деревянных ножнах

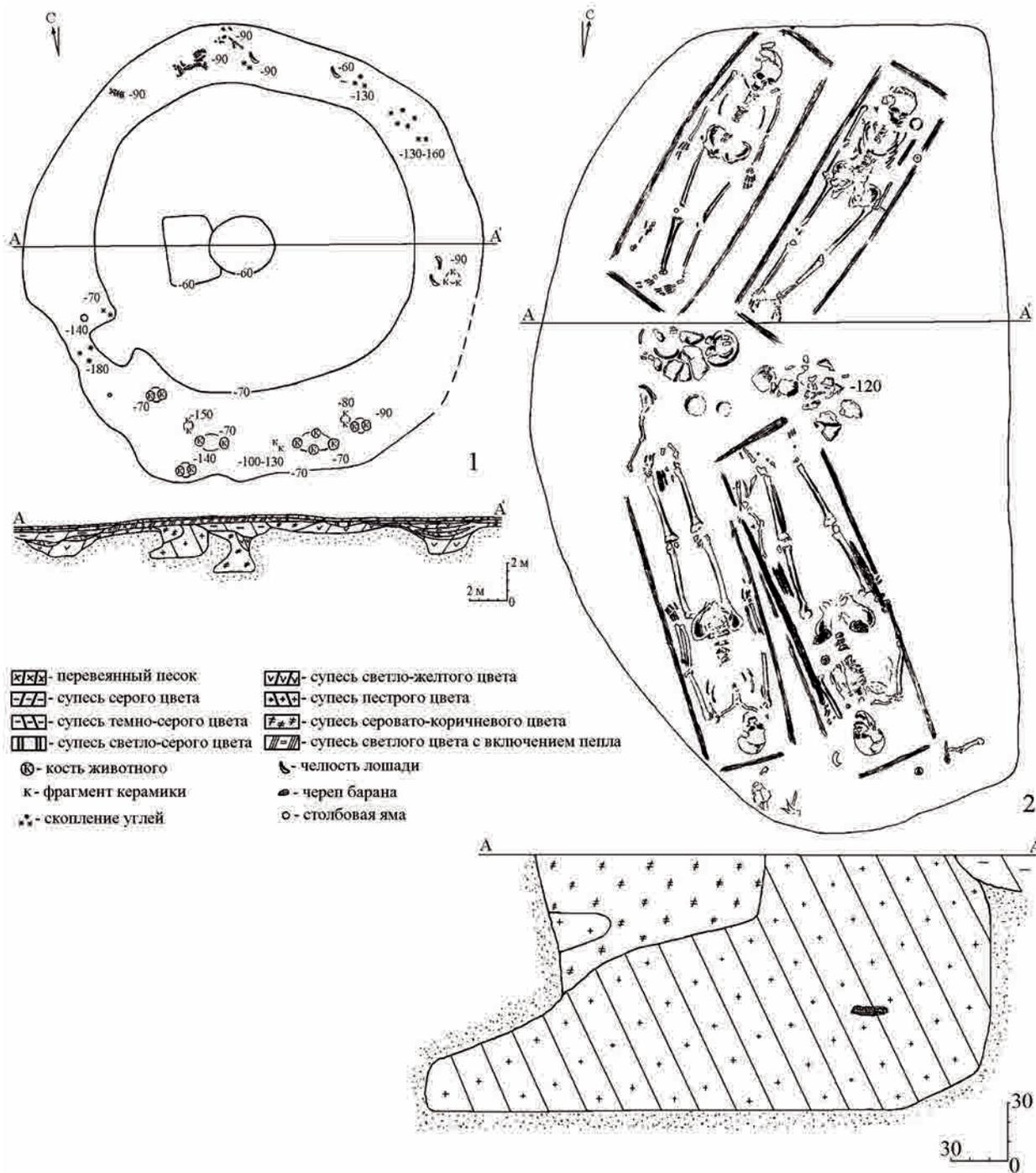

Рис. 2. Бестамак, погребение № 138: 1 – план кургана со рвом, 2 – план погребения с профилем (по: [Логвин А.В. и др., 2008])

(рис. 3, 14). Меч и кинжал имеют прямое перекрестие и кольцевое навершие. У левого бока умершего обнаружена железная округлая пряжка с подвижным язычком и остатками ткани (рис. 3, 19). На левом плече найдено маленькое овальное железное изделие, на позвоночнике обнаружены два маленьких железных крючка плохой сохранности. На тазу погребенного обнаружены две пластинчатые поясные накладки (пряжки?) с остатками ткани (рис. 3, 17–18). Также при умершем был обнаружен кусочек красной охры.

На правом плече погребенного № 2 (мужчина 40–50 лет) зафиксирован один бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с внутренней втулкой. Между ступнями ног обнаружен пучок из пяти бронзовых с внутренней втулкой трехлопастных и трехгранно-трехлопастных наконечников стрел и железный нож (рис. 3, 15, 12). На груди зафиксированы остатки кожаной одежды.

В процессе расчистки погребенной № 3 (женщина 50–55 лет), вокруг черепа и под ним, были обнаружены черные дисковидные бусины из гагата, округлые и биконические бусины перламутрового цвета из раковины (?), и несколько бусин из янтаря (определения О. В. Карзановой в петрографической лаборатории отдела вещественного состава ОАО «Кустанайская поисково-съёмочная экспедиция»). В стенке ямы, за черепом, найдена квадратная керамическая (?) бусина (рис. 3, 7, 9–11). За черепом обнаружен фрагмент бронзовой пластины (зеркало?) в чехле из бересты (рис. 3, 6).

На скелете погребенной № 4 (девочка около 10 лет) фиксируется кальцинированность костей, что позволяет предположить подверженность тела умершей горению. С левой стороны у плеча была положена вверх дном гончарная кружка (рис. 3, 3), рядом с ней кусочек мела. У левой руки найдено керамическое пряслице (рис. 3, 4). Под подбородком были обнаружены бусины: округлые и биконические перламутрового цвета из раковины (?), черные дисковидные гагатовые и одна фаянсовая бочонковидная бусина (рис. 3, 8, 9–11). Множество таких же перламутровых и гагатовых дисковидных бусин было обнаружено при расчистке погребенной, на груди, под спиной, на ногах, под головой, на руках [Логвин А.В. и др., 2008, с. 156–169, рис. 2, 3–4; 3; 4; 5; фото 3–4; Логвин А.В., Шевнина, 2008, с. 249–254; Сеитов, 2017, с. 188–190, рис. 3, 3–20].

Обсуждение

Могильная яма с подбоем, перекрытая деревом, ориентировка мужчин головами в южном направлении, следы огненного ритуала, посыпка погребенных и дна могильной ямы мелом или известью, напутственная пища в виде конечностей барана, мел и охра, обычай оставлять разбитые зеркала или только фрагмент характерны для погребальной традиции раннесарматской культуры. Часть из перечисленных признаков широко известна еще в савроматское время. Кости собаки иногда встречаются в погребальных комплексах ранних кочевников [Смирнов, 1964, с. 82–83; 85–87; 92; 94–102; Гуцалов, 2004, 94–95; 96; 102–103; 109–110; Бейсенов, 2015; Нурмуханбетов, Трифионов, 2016, с. 16; Джумабекова, Базарбаева, 2018, с. 475, 477]. Кольцевые рвы с проходом в южной части известны вокруг курганов Северного Казахстана [Хабдулина, 1994, с. 24], джетыясарской культуры Восточного Приаралья [Левина, 1992, с. 65].

В исследуемом памятнике, наряду с типичными признаками раннесарматской погребальной традиции, просматривается ряд нехарактерных для нее обрядовых черт. Это обычай хоронить на деревянных носилках. Остатки легких конструкций из дерева (носилки, решетчатые, и иногда дощатые гробы) встречаются в сарматских погребениях с IV в. до н.э., но широкое распространение получают только с III–II вв. до н.э. [Смирнов, 1989, с. 172; 1975, с. 122; Мошкова, 1963, с. 22–23, табл. 3, 10; 4, 5–8; Моргунова и др., 2003, с. 70, 146, 155, рис. 44, 18; 89; 94; Гуцалов, 2004, с. 95, 102, 110; 2009, с. 111; Таиров, 2000, с. 173; Глебов, 2011, с. 35; Железчиков, Кригер, 1978, с. 218–219, рис. 1]. Традиция хоронить в гробовых конструкциях и на носилках существовала еще со скифо-сарматского

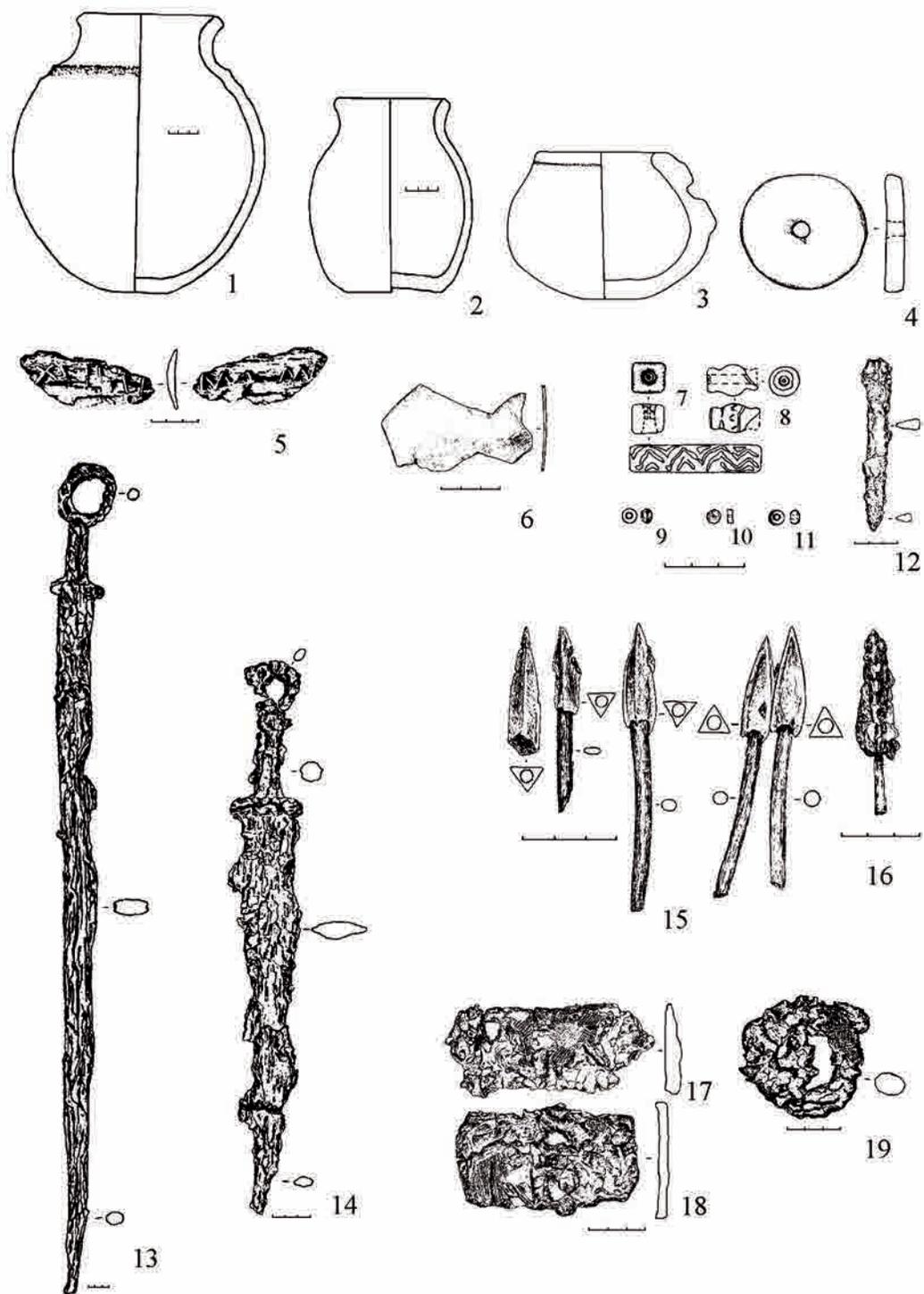

Рис. 3. Бестамак, погребение № 138: 1–3 – сосуды, 4 – пряслице, 5 – фрагмент посуды со следами ремонта бронзовой проволокой, 6 – фрагмент зеркала (?), 7–11 – бусины, 12 – нож, 13 – меч, 14 – кинжал, 15–16 – наконечники стрел, 17–18 – поясные накладки (пряжки?), 19 – пряжка; 1–4, 7 – керамика, 5 – дерево, проволока, 6, 15 – бронза, 8 – фаянс, 9, 11 – перламутр, 10 – гагат, 12–14, 16–19 – железо (по: [Логвин А.В. и др., 2008])

времени, но наибольшую распространенность приобрела с момента выхода на политическую арену хунну [Логвин А.В. и др., 2019, с. 319–321].

Обращает на себя внимание необычное расположение мужских и женских костяков ногами друг к другу, головами почти в противоположные стороны. Нам известно только два комплекса с похожими случаями. Так, в погребении 1 могильника Чиатав в Прикамье (Северная Башкирия) исследовано коллективное захоронение четырех человек, которые расположены в могиле попарно (пара женщин и пара мужчин), ногами друг к другу, вытянуто на спине и с противоположной ориентировкой. Женщины головами на СВ, а мужчины – на ЮЗ. Чиатавский могильник относится к пьяноборской культуре и бытовал, по мнению Н. А. Мажитова во II в. до н.э. – II в. н.э. или, возможно, во II–I вв. до н.э. [1959, с. 101–104, 111, рис. 2]. Б. Б. Агеев относит этот памятник к I в. до н.э. – I–II вв. н.э. [1992, с. 70]. Еще одно захоронение было обнаружено в могильнике, находящемся в южной части городища Марица (Посеймье, левый приток Десны). В погребении 6 зафиксировано коллективное захоронение четырех человек, уложенных попарно, ногами друг к другу и головами в противоположные стороны. Мужчина лежал вытянуто на спине, рядом с ним, параллельно, – женщина на боку с согнутыми ногами. Оба головами на СВ. Ногами к ним, головами на ЮЗ, лежали вместе параллельно женщина и ребенок. Женщина на спине с согнутыми ногами, а позу ребенка установить не удалось. Погребение относится к скифскому времени в диапазоне IV–III вв. до н.э. [Пузикова, 1978, с. 196–197, рис. 7; Білінський, 2019, с. 255, рис. 2, б].

В бестамакском погребении ориентировка мужчин в южном направлении, типичная для ранних сарматов, что не скажешь о женщинах. Северная ориентировка, в целом, не характерна для раннесарматских и среднесарматских погребений на большей части территории их распространения, однако спорадически встречается в эти периоды. Повсеместной у сарматов она станет только в позднесарматское (гунно-сарматское) время [Скрипкин, 1984, с. 81–82; Боталов, Гуцалов, 2000, с. 153–154]. Нужно отметить, что северная ориентировка в сарматских погребениях сравнительно немного увеличивается с конца раннесарматского времени [Клепиков и др., 2008, с. 51, 53, 58]. Такое направление отмечено в Нижнем Поволжье, Волго-Донском междуречье (особенно в бассейне р. Иловля) [Сергацков, Шинкарь, 2003, с. 165–169], на Среднем и Нижнем Дону [Деревянко, 2017, с. 38–42; Глебов, 1989, с. 155–156]. В Северном Причерноморье ориентировка в северный сектор является преобладающей во II в. до н.э. – IV в. н.э. [Симоненко, 1993, с. 7–100]. Ряд исследователей связывают североориентированные погребения II–I вв. до н.э. Северного Причерноморья с роксоланами [Симоненко, 1993, с. 110; Деревянко, 2016, с. 21; 2017, с. 42 и др.].

Ранее ориентировка в северном направлении широко практиковалась у кочевников тасмолинской культурной общности [Кадырбаев, 1966, с. 371; Хабдулина, 1994, с. 20–26; Бейсенов, 1997, с. 12; 2015; Таиров, 2007, с. 12–13], у племен гороховской и саргатской культур [Могильников, 1992а, с. 287; 1992б, с. 300; Матвеева, 1993, с. 137]. Северная ориентировка типична для хуннских и джетыясарских погребений и, в целом, часто встречается среди памятников восточного ареала евразийских степей конца I тыс. до н.э. [Левина, 1992, с. 65; Скрипкин, 2010, с. 214–215].

Обычай помещения головы барана за головой погребенного не характерен для раннесарматского погребального обряда. Такая традиция существовала в Центральной Азии, а также типична для коргантасских погребений Центрального Казахстана, относящихся к III–I вв. до н.э. В памятниках коргантасского типа, в специальных отсеках в головах погребенных, находят черепа и кости животных, чаще баранов и лошадей [Бейсенов, 1997, с. 13; Таиров, 2006, с. 182–191; Шульга, 2015, с. 405–417].

Клиновое оружие с кольцевым навершием и прямым перекрестием имеет многочисленные аналогии с экземплярами конца раннесарматского – среднесарматского времени. Мечи и кинжалы

такой формы преимущественно встречаются в среднесарматских погребениях [Хазанов, 1971, с. 9–10; табл. II–V]. Прототипы мечей и кинжалов с кольцевым навершием у сарматов, по видимому, восходят к клинковому оружию восточных районов (Минусинская котловина, Тува, Алтай и Северо-Западный Китай [Скрипкин, 2010, с. 78, 335–346, рис. 3–9]. Сочетание бронзовых втульчатых и железных черешковых наконечников стрел в сарматских памятниках характерно для III–II вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 167–169; Клепиков, 2000, с. 99–100; Клепиков и др., 2008, с. 53]. Круглорамчатые пряжки с подвижным язычком и пластинчатые пряжки получили широкое распространение с конца раннесарматского времени под воздействием центральноазиатской моды на различные типы ременной гарнитуры [Матренин, Тишкин, 2015, с. 143]. Такие изделия широко встречаются в Южной Сибири, Забайкалье, Центральной и Средней Азии [Гуцалов, 2004, с. 32–33, 68, табл. 27, 4, 9–11; Мандельштам, 1992а, табл. 42, 22, 33, 53, 54; 1992б, табл. 81, 14–15, 25, 28; Могильников, 1992в, табл. 106, 19, 37, 57; 108, 71; Пшеницына, 1992, табл. 93, 45; 94, 58; Вадецкая, 1992, табл. 97, 7]. Лепные сосуды из рассматриваемого памятника имеют аналогии с керамикой раннесарматских погребений Южного Приуралья [Гуцалов, 2004, с. 33–37, табл. 20, 23; табл. 19, 41]. Гончарная кружка, импортная, схожа с сосудами джетыясарской культуры и керамикой из памятников Жетысу (Семиречье) усуньского периода [Заднепровский, 1992, табл. 29, рис. 59–61; Левина, 1992, табл. 22, 16]. Перламутровые бусы могли быть импортированы из Индии, Северного Причерноморья; фаянсовая - из Ближнего Востока, Северного Причерноморья [Алексеева, 1982, с. 27–28, 30; 1975, с. 27–28; Левина, 1996, с. 224–227; Игуменшева, 2008, с. 7–8]. Происхождение гагатовых (гешировых) бус исследователи связывают с Северным Кавказом, где еще в древности были известны большие месторождения этого материала. Гагатовые бусы широко распространяются в сарматских памятниках в III–II вв. до н.э. [Алексеева, 1978, с. 8, 10, 13–14, 22; Смирнов, 1964, с. 149; Скрипкин, 1990, с. 114–115; Игуменшева, 2008, с. 7; Мамедов, Китов, 2015, с. 54]. Бусы могли попасть сюда через Среднюю Азию или Волго-Уральские степи.

Таким образом, погребение № 138 мог. Бестамак следует отнести к концу раннесарматской культуры, в пределах конца III–II в. до н.э., наиболее вероятно II в. до н.э., и объединить этот комплекс с группой единовременных памятников южноуральского региона. Данное погребение отражает процесс трансформации раннесарматской культуры, появление новых, прежде всего восточных, черт в ее облике. Ряд признаков погребального обряда (северная ориентировка, носилки, голова барана) и инвентарь (клинковое оружие с кольцевым навершием, пряжки, гончарная кружка, возможно бусы) отражают контакты с населением центрально-среднеазиатского регионов [Сеитов, 2017, с. 199, 201].

По всей видимости, это одновременное погребение, т.к. не наблюдалось каких-либо нарушений или следов ограбления. К тому же в погребальную камеру вела узкая входная яма, перекрытая жердями [Логвин А.В., Шевнина, 2008, с. 249]. Поэтому, в случае дополнительных захоронений трудно было бы совершить это, не нарушая вход в могилу.

Анализ сопроводительного инвентаря позволяет в общих чертах реконструировать социальное положение умерших. Весь вещевой комплекс можно разделить на три группы: «мужской», «женский» и «общий». К «общему» относится керамическая и деревянная посуда, положенная в центре могильной камеры между ногами погребённых. Маркерами «мужской» группы являются предметы вооружения. По всей видимости, наиболее высокое положение занимал возмужалый мужчина (косяк № 1). Различное вооружение, пряжки и, предположительно, остатки защитного доспеха маркируют более высокий социальный статус умершего. Можно отметить, что доспехи были свойственны военной элите и тяжеловооруженным воинам [Погодин, 1997, с. 118–119; Берсенева,

2011, с. 83]. Сопровождение мужчины напутственной пищей в виде двух конечностей животного, т.е. больше чем у остальных, по всей видимости, тоже подчеркивает его несколько привилегированное положение по сравнению с другими сопребывшими.

Сравнительно скуднее инвентарь зрелого мужчины (кость № 2), отсутствует клинковое оружие. Возможно, здесь имеет место возрастное отличие, когда статусные маркеры утрачиваются с возрастом. Е. В. Вдовченков предположил наличие у сарматов возрастных классов, характерных для многих обществ древности [2013, с. 292–294]. Подношение умершему головы животного, по-видимому, подчеркивает почтенность его возраста. Как самому старшему мужчине в знак уважения положили голову барана [Логвин А.В., Шевнина, 2008, с. 253]. Сохранилось немало этнографических свидетельств особой значимости головы животных в традиционных культурах многих народов. Так, у ряда тюркских и монгольских этнических групп сваренная голова барана и лошади, в первую очередь, подносилась уважаемым людям, старшим в общине [Патаева, 2015, с. 36; Галданова, 1987, с. 38; Гимбатова, 2007, с. 80; Бадмаев, 2015, с. 256]. В традиционной культуре осетин голова барана – это почетная часть, которая предназначалась старейшинам [Вольная, Найфонова, 2016, с. 9].

К «женскому» инвентарю относятся бусы, зеркало, пряслице и кружка. Набор «личных» вещей девочки немного разнообразнее, чем у женщины. Существует много этнографических и исторических примеров, свидетельствующих о том, что в преклонном возрасте или в случае вдовства носить яркие наряды и много украшений считалась не уместным. Последние могли передаваться дочерям. Так, в саргатских погребениях вещевой набор женщин старшей возрастной группы был в основном скромным [Берсенева, 2011, с. 56–58]. Похожие наблюдения отмечены в женских погребениях пазырыкской культуры [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 203]. Исследование возрастных различий по археологическим памятникам савромато-сарматского круга показало привилегированное положение возмужалых мужчин и молодых женщин по сравнению с другими возрастными группами [Берлизов, 2011, с. 255–258]. Особенностью погребенной № 3 является отсутствие белого вещества (мела или извести ?) на скелете.

На момент смерти девочки, наиболее вероятно, она оставалась незамужней. Может поэтому ее нарядили в праздничную, расшитую бусинами одежду (как невесту?), возможно, на руки и шею надели браслеты из бус. Хотя доля украшений в раннесарматских погребениях девочек Южного Урала немалая. Видимо, в древности девочки раньше приступали к исполнению взрослых гендерных ролей, чем мальчики, маркерами чего выступали соответствующие наборы украшений [Берсенева, Гильмитдинова, 2013, с. 41]. Пряслице могло символизировать род занятий, связанный с прядением, ткачеством и, в целом, с домашним хозяйством «будущей» хранительницы очага. Возможно и другое предназначение этого предмета в могиле. Результаты недавних исследований свидетельствуют, что пряслица в погребениях раннего железного века не являются устойчивым признаком для определенного пола или возраста и имели, прежде всего, не утилитарное, а символическое значение [Берсенева, 2011, с. 87–90; Берсенева, Гильмитдинова, 2013, с. 42]. По мнению М. Г. Мошковой, пряслица помещали в могилу древних кочевников в качестве амулетов и оберегов [2012, с. 349].

Еще обращают на себя внимание некоторые особенности, связанные с погребением девочки. Она была подвержена воздействию огня и рядом с ней не обнаружены остатки напутственной пищи. Трудно объяснить первое, возможно, в силу ее возраста или иных причин над ней был проведен ритуально-очищающий обряд. Отсутствие мясной пищи могло быть связано с неполноправным положением в обществе: не взрослый член общины, еще ребенок. Хотя детей, также как и взрослых, часто сопровождали заупокойной пищей. Поэтому остается только предполагать эти причины.

Некий символизм наблюдается во взаиморасположении умерших относительно друг к другу: зрелая женщина и мужчина с одной длинной стороны могильной ямы, девочка и возмужалый

мужчина с другой; более старший возраст - напротив, и молодой аналогичным образом. Только у более молодых найдены мел и охра.

К сожалению, не представляется возможность ответить на вопрос - кем доводились друг другу погребенные. Возможно, женщина и девочка имели близкородственную связь (например, мать и дочь, бабушка и внучка и т.п.) На это может указывать однотипный набор мелких бусин, видимо, происходящий из одного источника (передача матерью украшений дочери?).

В археологии принято считать захороненных в пределах одного могильника/кургана, членами определенной группы, связанной горизонтальными, преимущественно родственными связями (племя, род, «поколение», семья). Коллективные погребения, за редким исключением, тоже интерпретируются аналогичным образом [Смирнов, 1964, с. 80, 92; 1975, с. 91, 105, 115, 143, 173; Акишев, Кушаев, 1963, с. 98–100, 105; Пшеничнюк, 1983, с. 91; Ковпаненко и др., 1989, с. 35, 40; Левина, 1996, с. 89; Берсенева, 2011, с. 128–129; 2015, с. 340 и др.]. Погребенных совместно (коллективные, двойные/парные) в одной могильной яме, как правило, ориентировали головой одинаково в определённую сторону света. Разная ориентировка в погребении № 138 мог. Бестамак вызывает много вопросов относительно родственных связей между «мужчинами» и «женщинами».

Судя по этнографическим материалам, ориентировка умерших по сторонам горизонта была важной частью погребального обряда и подчинялась строгим канонам, так как правильно сориентированное тело умершего помогало его душе попасть в потусторонний мир. У различных этнических групп бытовали определенные представления о расположении загробного мира и пути в него. Соответственно, отличались погребальные традиции и, в частности, обычаи ориентировки погребенных. В археологии ориентировка по сторонам света составляет один из важных компонентов при выделении археологических культур [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 49; Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985, с. 136–137].

Разная ориентировка «мужчин» и «женщин» бестамакского погребения неслучайна и могла быть вызвана различными причинами, на рассмотрении которых следует остановиться более подробно.

Разнонаправленная ориентировка погребенных в пределах одной могильной камеры изредка встречается в археологии. Однако такие случаи известны повсеместно в самых разных культурах древности Евразии. К примеру, из «савроматских» и раннесарматских погребальных памятников VI–IV вв. до н.э. нам известно 11 комплексов с различной ориентировкой костяков в одной могильной яме. Большинство из них происходит из курганных могильников Южного Урала и Западного Казахстана: Бесоба (курган 4), Сынтас I (курган 1) [Кадырбаев, 1984, с. 86–88; Кадырбаев, Курманкулов, 1976, с. 139–147, рис. 1], Челкар III (курган 4), Лиманы (курган 1, погребение 4) [Кушаев, 1993, с. 67–68, 70–72], Лебедевка V (курган 9, погребение 5) [Железчиков и др., 2006, с. 13, рис. 26], Сибай II (курган 3), Филипповка (курган 7) [Пшеничнюк, 1983, с. 53–54, 91–92, табл. XL, 1; 2012, с. 42, 64], Бисоба (курган 9) [Бисембаев и др., 2019, с. 239]. Другие происходят из Нижнего Поволжья (Березовка, курган 4) [Дремов, Семенова, 2003, с. 129–135, рис. 1], Заволжья (Энгельс, курган 31) и Нижнего Дона (Сладковский, курган 4) [Смирнов, 1964, с. 207, рис. 7, 9; 1982, с. 120–130].

Среди них есть как двойные/парные, так и коллективные. В девяти погребениях умершие располагались в могильной яме под углом, т.е. ортогонально, а в двух – параллельно, головами в противоположные стороны, т.е. «валетом». В тех комплексах, где указаны половозрастные определения, 13 костяков принадлежали мужчинам, девять – женщинам, и по два скелета принадлежали детям и подросткам (пол не указан). Из семи погребений, где указан пол, пять – разнополюе (мужчины и женщины), два – однополюе (только мужчины). В разнополюх погребениях,

как правило, мужчины и женщины ориентированы в разные стороны. Исключением являются два комплекса. В одном из них (Сладковский, курган 4) двое женщин и один мужчина лежали головами на юг, а другой мужчина и ребенок – на запад. В другом, мужчина, женщина и два подростка были ориентированы в южный сектор, а женщина с ребенком – в западный. В основном мужчины ориентированы головами на юг (9 из 13 костяков). У женщин не наблюдается преобладание определенной ориентировки. Из разнообразия ориентировок преобладает южное направление, за ним по количеству следует западная, еще меньше представлено восточное. Следует отметить, что совсем не встречается северная и северо-западная ориентировки. На материалах представленных погребений только в трех случаях можно наблюдать, что погребенные с разной ориентировкой отличаются богатым или бедным набором вещей, а также отмечены захоронения без инвентаря. К примеру, в кургане 1 могильника Сынтас I мужчину-воина, захороненного в могильной яме головой на юг, сопровождали трое других мужчин, расположенных вокруг него, по краям ямы, на древней поверхности. Двое из них лежали вдоль западной и восточной стенок ямы, головами в южный сектор, а один лежал у края северной стенки ямы как бы в ногах центрального погребения, головой на запад. Его инвентарь скромнее, чем у остальных, нет оружия. Видимо, иное расположение последнего, скромный инвентарь отражают его сравнительно низкое или бедное социальное положение среди остальных погребенных. В другом коллективном захоронении из кургана 4 могильника Сладковский выделяется погребение богатой женщины с полным вооружением, головой на юг. В двойном/парном захоронении кургана 31 у г. Энгельс «валетом» были уложены головой на восток мужчина и головой на запад женщина. Инвентарь был зафиксирован только при женщине.

Теперь остановимся на южной и западной ориентировке, которая особенно выделяется среди рассматриваемых погребений. Общеизвестно, что западная ориентировка была характерна для «савроматских» погребений, а южная - главнейший признак погребальной традиции раннесарматских и среднесарматских памятников. Причем оба направления существовали синхронно. Однако, если в конце VI – первой половине V в. до н.э. в южно-уральских погребениях преобладала западная ориентировка, то с конца V–IV в. до н.э. стала господствовать южная [Смирнов, 1964, с. 91–92; Гуцалов, 2004, с. 96, 103, 105; Мошкова, 1972, с. 40, 45]. К. Ф. Смирнов отмечал, что сочетание в одной могиле южной и западной ориентировок характерно для раннесарматского времени [1964, с. 9–92; 1984, с. 14]. С. Ю. Гуцалов упоминает, что в коллективных погребениях на древнем горизонте из Южного Приуралья, там, где удалось зафиксировать их положение, погребенные, как правило, располагались ортогонально, головами на юг и запад, реже - на восток [2004, с. 95–96]. М. К. Кадырбаев подмечал, что в коллективных гробницах савроматского времени на Илеке ортогональные погребения «приобретают канонические черты» [1984, с. 88]. К. Ф. Смирнов разную ориентировку умерших (в южном и западном направлениях) в одном погребальном комплексе объяснял не родством, а какими-то социальными отношениями. Однако в другом месте своей монографии, упоминая захоронение в кургане 31 у г. Энгельс, исследователь предположил, что погребенный, ориентированный головой на восток, происходил из другого рода. По-видимому, ученый не рассматривал западную и южную ориентировки как маркеры разнородовой принадлежности, а таковыми считал иные направления, например, восточную [1964, с. 92, 207].

Нам известно восемь погребений с разной ориентировкой, относящихся к культурам конца раннесарматского – позднесарматского времени, связанные с сарматским и гунно-сарматским кругом памятников. В Башкирии, в погребении 32 кургана 18 могильника Старые Кишки (III–II вв. до н.э.), найдено коллективное захоронение, где двое взрослых погребенных были уложены головами на юг, а скелет ребенка лежал головой на север [Пшеничнюк, 1983, с. 106]. В Волго-Донье, в бассейне

реки Иловля, в погребении 9 кургана 32 могильника Авиловский II (II–I вв. до н.э.), обнаружено захоронение женщины, которая ориентирована головой на север с небольшим отклонением к востоку. В восточной стенке ямы устроена ниша, где погребен ребенок, лежавший головой на юг [Сергацков, Шинкарь, 2003, с. 167].

К среднесарматской культуре относятся два погребения с различной ориентировкой, обнаруженные в могильнике Айгурский II из Прикубанья. Так, в кургане 15 зафиксировано двойное захоронение, умершие уложены «валетом», мужчина головой на ЮЮВ, а ребенок – на ССЗ. В кургане 11 погребенные расположены ортогонально: мужчина и подросток рядом параллельно друг к другу, головами в южном направлении, а ребенок лежал у них в ногах, перпендикулярно, головой на ВСВ [Бабенко, Березин, 2009, с. 287, 301, рис. 7; 15]. Из погребения 1 кургана 59 могильника Тумек-Кичиджик в Средней Азии происходит одно коллективное захоронение, где костяки лежали «валетом». Взрослый и ребенок расположены головами на север, а другой (предположительно взрослый) головой на юг. Памятник относится к ранне-среднесарматскому типу, в пределах I в. до н.э. – II в. н.э. [Лоховиц, 1979, с. 140–142, табл. 2, 3]. В кургане 9 могильника Культобе из Южного Казахстана обнаружено коллективное погребение, в котором скелеты двух женщин лежали вместе, параллельно, головами на восток. Рядом располагался костяк мужчины, ориентированный головой на север. В другой части ямы найдены останки подростка, уложенного головой на юг. Данный могильник связан с сармато-суннуской культурной общностью и датируется в рамках I в. до н.э. – III в. н.э. [Подушкин, 2016, с. 204]. В Южном Казахстане известно еще одно погребение с разной ориентировкой, относящееся к памятникам «кенкольского типа» IV–V вв. н.э. В катакомбной яме могильника Чоон-Капка 1 обнаружено двойное/парное захоронение; костяки расположены «валетом», мужчина головой на юг, а женщина на север. Обращает на себя внимание разнообразный и сравнительно богатый инвентарь женщины [Байпаков и др., 2005, с. 77–78, рис. 2, 10]. В погребении кургана 3 могильника Темясово в Башкирии было исследовано коллективное захоронение позднесарматского времени, в котором шесть скелетов (из них четверо взрослых и два ребенка) лежали в ряд, параллельно, головами на север, а седьмой, принадлежащий взрослому человеку, у них в ногах, головой на запад [Пшеничнюк, Рязанов, 1976, с. 134–135, рис. 2]. Пол погребенных не указан, но, судя по набору инвентаря, все взрослые скелеты, по всей видимости, принадлежали женщинам. Как можно видеть, вышеприведенные восемь погребений, за исключением одного (Чоон-Капка 1), не выделяются какими-либо социально значимыми признаками, подчёркивающими богатое или бедное положение погребенных. Не прослеживается и строгая зависимость ориентировок от половозрастной принадлежности погребенных. Однако, в половине из них, как можно заметить, дети были ориентированы головами в другую сторону. М. Г. Мошкова отмечала, что в раннесарматских памятниках, при захоронении взрослых и детей вместе в одной могиле, последних обычно размещали в ногах или между взрослыми и часто головой обращали в сторону, противоположную ориентировке взрослых [1963, с. 22]. Похожие случаи зафиксированы не только в раннем железном веке. Так, например, в двойном погребении эпохи бронзы мог. Бестамак (яма № 170) умершие были ориентированы головами в противоположные стороны: взрослый головой на юго-запад, а новорожденный ребенок у него в ногах головой на северо-восток. Инвентарь взрослого ярко воинский и даже ребенок был сопровожден собственным инвентарем и жертвенной пищей. А. В. Логвин и И. В. Шевнина предполагают, что захоронение ребенка могло быть жертвоприношением [Логвин А.В., Шевнина, 2011, с. 349, 358, рис. 3; 2018, с. 135, 138; Шевнина, Ворошилова, 2009, с. 62]. Жертвоприношения не взрослых членов общества, в частности подростков от 7-8 до 14-15 лет, были более предпочтительными в связи с древними

представлениями о ритуальной «чистоте» и безгрешности лиц этого возраста [Бессонова, 1992, с. 11–12].

Таким образом, погребальные ритуалы, в частности, ориентировка, часто различались для взрослых и детей. В этих случаях, возможно, кроются причины возрастного и ритуального характера. Детям как не полноправным членам общества, не прошедшим обряда инициации, не всегда полагались такие же почести как взрослым и их не редко хоронили без соблюдения определенных норм. Об этом свидетельствуют как этнографические, так и археологические данные [Итина, 1977, с. 213]. Однако, сложно интерпретировать случаи, когда и взрослые и дети ориентированы в другую сторону как, например, в погребении № 138. Видимо, здесь следует искать другие причины.

Преобладание в рассмотренных восьми погребениях южной и северной ориентировок имеет, прежде всего, эпохальный характер рубежа эр, когда южная ориентировка, присущая сарматам на протяжении длительного времени, стала сменяться северной, ставшей господствующим направлением в погребальной традиции гунно-сарматского (позднесарматского) времени. Эта смена, в первую очередь, связана с изменением этнокультурного облика сарматов, инкорпорировании других этнических групп в сарматский мир.

Разная ориентировка погребенных отмечается и в археологических культурах, слабо связанных либо совсем несвязанных с савромато-сарматским миром. Так, в могильнике Есино XVIII (погребение 2 курган 2) в Минусинской котловине (тагарская культура, VIII–VII вв. до н.э.) выявлено захоронение мужчин, уложенных «валетом», головами в противоположные стороны: один на ЮЮЗ, другой – на ССВ [Савинов, 2012, с. 94, табл. LXI, фото 15]. В Верхнем Приобье в курганной группе Гоньба II обнаружено двойное/парное погребение V в. до н.э. (пол не указан), где умершие лежали «валетом», один на восток, другой на запад [Кунгуров, Сингаевский, 2006, с. 51–52]. В Горном Алтае, в могильнике Кайнду (VI–V вв. до н.э.), исследовано двойное захоронение подростков, уложенных «валетом», один головой на ЮВ, другой – на СЗ. Разную ориентировку на могильниках Горного Алтая скифского времени ряд исследователей объясняют полиэтничностью населения пазырыкской эпохи [Кирюшин и др., 2003, с. 65–67].

Разнонаправленная ориентировка встречается и в памятниках Скифии. Б. Н. Граков отмечал: «...Принятая ориентация костяков нарушалась лишь для совершения второстепенных слуг, может быть рабов, например, отрок в боковой катакомбе Солохи, слуга царицы в Чертомлыкском кургане, мальчик у входа мужского погребения и служанка в ногах женщины Мелитопольского кургана...» [1964, с. 127]. По замечанию В. С. Ольховского, видимо, прижизненная подчиненность умерших в некоторых богатых захоронениях подчеркивается, в том числе, и иной ориентировкой [1991, с. 100–101].

Расположение погребенных «валетом» отмечено на могильнике скифского времени, устроенного на городище Марица в Посеймье (левый приток Десны). Коллективное погребение уже упоминалось выше, поэтому остановимся только на двойных/парных комплексах. В погребении 8 зафиксированы скелеты двух взрослых людей (пол не указан), уложенных «валетом» головами в противоположные стороны на СВ-ЮЗ. В погребении 2 захоронены взрослый и ребенок, также «валетом», взрослый головой на север, а ребенок на юг [Пузикова, 1978, с. 196–197, рис. 7].

Известно несколько погребальных памятников с разной ориентировкой в Прикамье. Так, в погребении 10 могильника Маклашевка II (ананьинская культура, VIII–VI вв. до н.э.), обнаружено коллективное захоронение трех человек, двое из которых уложены головами на запад, а один на восток [Збруева, 1952, с. 31]. На могильниках пьяноборской культуры (II в. до н.э. – III в. н.э.) отмечено несколько погребений с противоположной ориентировкой (Камышлы-Тамак, Чеганда II, Чиатав).

О коллективном погребении могильника Чиатав уже говорилось выше, поэтому остановимся на других комплексах. В погребении 106 могильника Чеганда II один костяк лежал головой на ВСВ, а другой на ЗЮЗ. Их пол не установлен [Генинг, 1970, с. 28]. В погребении 48 могильника Камышлы-Тамак исследовано двойное/парное захоронение, в котором умершие были уложены ногами друг к другу, в противоположные стороны, женщина головой на СЗ, а мужчина – на ЮВ. Таким образом, здесь имеет место редкий случай, схожий с бестамакским, когда умершие лежат ногами друг к другу. В могильнике Камышлы-Тамак встречается много индивидуальных погребений разного пола, ориентировка которых тоже различная. Как отмечает Б. Б. Агеев, наблюдается обусловленность ориентировки от пола умершего. Исследователь считает, что женщины, похороненные в этом могильнике, происходили из других родов, а мужчины были местными. В целом, разные ориентировки на пьяноборских могильниках, по мнению ученого, связаны с принадлежностью захороненных к разным родоплеменным подразделениям [1992, с. 23, 88–89, рис. 17].

Подобные наблюдения отмечены при исследовании Кошибеевского могильника в Среднем Поволжье (первая половина I тыс. н.э.). На памятнике зафиксирована разная ориентировка погребенных, в т.ч. и в одной могиле. Это противолежащие костяки, ногами друг к другу, головами на восток и запад. Е. Н. Кемаев подмечает, что западная ориентировка на этом памятнике характерна для женщин [2011, с. 123–126]. По-видимому, близкая по содержанию традиция уходит глубоко в древность. У фатьяновских племен эпохи бронзы Волго-Окского междуречья преобладала традиция хоронить мужчин в западном направлении, а женщин в восточном [Крайнов, 1972, с. 189–190]. Еще одним примером является Мариупольский могильник эпохи неолита в Приазовье. В длинной траншее последовательно, а также ярусами захоронены десятки умерших. Особенностью памятника является ориентировка женских костяков головой на запад, а мужских на восток. Предположительно, это связано с разной родоплеменной принадлежностью погребенных [Столяр, 1955, с. 31–32].

Таким образом, иногда просматривается и определенная закономерная связь половой принадлежности и ориентировки по сторонам горизонта. Трактовка таких случаев как свидетельство разной родоплеменной принадлежности подкрепляется и этнографическими данными. К примеру, экзогамные традиции кочевых тюрко-монгольских народов, особенно в более ранние периоды, предписывали браки за пределами определенной родственной социальной группы. Порой, жен привозили даже из отдаленных родов и племен [Владимирцов, 1934, с. 46–48; Абрамзон, 1951, с. 144–145; 1976, с. 51; Кисляков, 1969, с. 49–52, 61; Бекжанова, 2018, с. 51–56]. Не говоря уже о получении женщин в результате захвата или похищения, известного многим народам мира с древнейших времен [Першиц, 1982, с. 122–123, 126–127]. В случаях инокультурного происхождения они и после вхождения в другую родоплеменную группу продолжали считаться носителями своих традиций и иногда их хоронили по обычаям бывших соплеменников [Вохменцев, 2009, с. 14; Кирюшин и др., 2003, с. 66].

Хотя общее место погребения являлось одним из наиболее важных признаков рода, предназначенное только для ее членов [Морган, 1935, с. 50–51, 165–166; Маркс, Энгельс, 1986, с. 39, 54; Итина, 1977, с. 215], практически это не всегда было возможным [Столяр, 1955, с. 31–32], особенно в условиях подвижного образа жизни. К тому же, уже в эпоху бронзы, судя по археологическим данным, в процессе распада родовых отношений не существовало строго соблюдения этого правила [Итина, 1977, с. 224]. Поэтому на родовых могильниках могли быть захоронены и выходцы из других родоплеменных групп.

Таким образом, встречающаяся в археологии разная ориентировка погребенных в пределах могильника, кургана или погребения может отражать также и разнородовую/разноплеменную, а

также разноэтническую принадлежность захороненных. Эти признаки могут и не прослеживаться, если фиксируемые археологией ритуальные действия (способ захоронения, ориентировка, поза умерших) или инвентарь не имеют существенных отличий у погребенных разного происхождения. Нередко одинаковый погребальный обряд присущ разным этническим группам [Техов, 1980, с. 42].

Различная ориентировка иногда встречается и в ярусных захоронениях. Такие комплексы известны с эпохи неолита. В ямном погребении из Молдавии известно захоронение мужчины, лежащего скорченно на спине головой на север в сопровождении верхнего погребения женщины с ребенком в иной позе с антитезной ориентировкой без инвентаря. Ярусные погребения с различной ориентировкой встречаются в памятниках окуневской, афанасьевской и катакомбной культур. К примеру, в погребении окуневской культуры в Южной Сибири верхнеярусное захоронение женщины с обильным набором украшений сопровождало нижнее погребение со сравнительно бедным инвентарем и противоположной ориентировкой [Хлобыстина, 1982, с. 13, 15-18].

В раннем железном веке тоже известны ярусные захоронения с разной ориентировкой. На Алтае в заполнении двух могильных ям курганов Уландрыка (пазырыкская культура) были захоронены мужчины (рабы?) без инвентаря и ориентированы по-другому, на северо-запад. В. Д. Кубарев интерпретирует их как рабов-пленников из другого этноса [1987, с. 29–30, табл. XIX; XLIII]. Известен ряд памятников савромато-раннесарматского времени из Южного Приуралья с ярусными погребениями. В курганах 1 и 38 могильника Шаншар были обнаружены могилы, где костяки одного яруса располагались головами на северо-восток, а другого – на юго-запад. Пол умерших не определен, хотя в одном из них, судя по инвентарю, возможно, были погребены мужчина и женщина [Гуцалов, 2004, с. 135, 147–148]. Как видим, разная ориентировка в ярусных захоронениях, в ряде примеров, может интерпретироваться причинами социального и этнического характера. Должно быть, в определенных случаях обе причины переплетались, если представители иноэтнической группы воспринимались как неполноправные члены общества, которым не полагались погребальные почести, принятые для сородичей.

Иначе объясняют разную ориентировку в парных разнополовых захоронениях М. А. Итина и А. М. Мандельштам. В частности, на материалах погребальных памятников эпохи бронзы Степной Евразии и Средней Азии исследователи считают, что такие проявления погребального обряда как обычай хоронить мужчин и женщин на разном боку, а также «полярная» ориентировка соблюдались лишь для подчеркивания половой принадлежности погребенных [Итина, 1977, с. 215–216]. Думаем, в отношении ориентировки не так все однозначно, так как различная ориентировка встречается не только в погребениях с разной половой принадлежностью.

Выводы

Таким образом, разная ориентировка погребенных в одной могиле известна во многих археологических культурах древней Евразии. Такие случаи встречаются редко и не составляют характерную черту погребальной традиции древних обществ. Поэтому пока трудно однозначно интерпретировать такие погребения. Причины могли быть различными: социально-возрастные, гендерные, родоплеменные/этнические, ритуальные и другие. Поэтому для интерпретации каждого подобного случая необходим комплексный анализ.

Как уже ранее отмечалось, в раннесарматских памятниках II–I вв. до н.э. от Волги до Дона прослеживается увеличение североориентированных погребений [Сергацков, Шинкарь, 2003; Деревянко, 2017 и др.]. А в Северном Причерноморье они были господствующим типом погребальных памятников, которые, по мнению многих исследователей, оставлены роксоланами

[Симоненко, 1993; Деревянко, 2016; 2017 и др.]. Относительно Волго-Донских погребений с северной ориентировкой, И. В. Сергацков и О. А. Шинкарь, обращая внимание на то, что большинство из них сопровождалось вооружением, считают их воинскими захоронениями, что и обусловило такой не характерный для ранних сарматов обряд погребения [2003, с. 165–170, рис. 3, 1]. Однако известные на Среднем Дону североориентированные захоронения не содержали в своем составе предметов вооружения [Деревянко, 2017, с. 38–42]. Погребения с северной ориентировкой II–I вв. до н.э. появились в Сарматии на фоне целого ряда других инноваций восточного облика (деревянные колоды, некоторые типы клинкового оружия, поясные ажурные и гагатовые пряжки, «ложковидные» застёжки и др.), что позволяет предположить иноплеменной/иноэтнический характер происхождения таких захоронений [Скрипкин, 2000, с. 17–40; 2014, с. 218–222].

Расположение женских и мужских костяков погребения № 138 мог. Бестамак головами в разные стороны – весьма нестандартный случай обращения с умершими. Погребальные почести, оказанные представителям женского пола (за исключением может быть отсутствия мясной пищи у девочки), наличие «личного» инвентаря, а также равнозначное расположение «женщин» и «мужчин» в могильном пространстве свидетельствуют об их относительно равном положении по отношению к мужчинам. По крайней мере не подчеркивается их подчиненность или низкий статус. Хотя не исключено определенное превосходство сильной половины. По всей видимости, северная ориентировка «женщин» объясняется их происхождением из другой этнической группы, другого племени или рода, имевших иные представления о пути в загробный мир. Это предположение подкрепляется импортным характером гончарной кружки и бусин. Возможно, их владельцы были связаны с населением, пришедшим в урало-казахстанские степи из более восточных или южных территорий (роксоланы?), привнесшим в Сарматия северную ориентировку и многие другие инновации. Пришлые племена, по всей видимости, не представляли собой сильную и многочисленную группировку кочевников, так как они не оказали кардинального влияния на этнокультурный облик ранних сарматов. Возможно, часть этих мигрантов продвинулась через занятые другими сарматскими кочевниками Волго-Донские степи в Северное Причерноморье, где им удалось обосноваться компактной группой и удерживать эту территорию на протяжении нескольких столетий.

Захороненные из погребения № 138 мог. Бестамак умерли одновременно, либо с небольшим промежутком времени. Причины смерти могли быть самыми разными: гибель вследствие агрессивных действий, несчастный случай, инфекционные болезни и др. Также остается только догадываться относительно связей между умершими лицами. Предположительно, «мужчин» и «женщин» связывали семейно-брачные отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамзон С.М.* Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество (этнографические материалы и исследования). Труды института этнографии. М.: АН СССР, 1951. Т. 14. С. 132–156.
2. *Абрамзон С.М.* Нормы брака у киргизов в прошлом // СЭ. 1976. № 1. С. 49–57.
3. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
4. *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата: Наука, 1963. 320 с.
5. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья (Археология СССР. Вып. Г1–12. САИ). М.: Наука, 1975. 94 с.

6. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья (Археология СССР. Вып. Г1–12. САИ). М.: Наука, 1978. 104 с.
7. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья (Археология СССР. Вып. Г1–12. САИ). М.: Наука, 1982. 87 с.
8. *Бабенко В.А., Березин Я.Б.* Сарматские погребения могильников Айгурский 2 и Барханчак 2 (северное Ставрополье) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX: Археология, краеведение. Ставрополь: Наследие, 2009. С. 279–320.
9. *Бадмаев А.А.* Баранья лопатка в обрядовой практике бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2015. Т. 14. Вып. 7: Археология и этнография. С. 255–263.
10. *Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А.* Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: БАУР, 2005. 236 с.
11. *Бейсенов А.З.* Погребальные памятники и кульгово-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана (VII–I вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 1997. 26 с.
12. *Бейсенов А.З.* Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. памяти выдающегося казахского археолога К.А. Акишева / отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 7–34.
13. *Бекжанова Б.К.* Анализ мотива экзогамного брака в каракалпакских сказаниях // Вестник северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Сер. Эпосоведение, 2018. № 4. С. 51–57.
14. *Берлизов Н.Е.* Отражение возрастной стратификации савромато-сарматских племен эпохи раннего железа в погребальной обрядности // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 255–258.
15. *Берсенева Н.А.* Социальная археология: Возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 214 с.
16. *Берсенева Н.А.* «Семейные» (?) погребения синташтинской культуры (эпоха бронзы Южного Урала) // Казахское ханство в потоке истории: сб. науч. ст., посвящ. 550-летию образования Казахского ханства. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 339–345.
17. *Берсенева Н.А., Гильмитдинова А.Х.* Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.) // ВААЭ. 2013. № 2 (21). С. 36–44.
18. *Бессонова С.С.* Жертвоприношения подростков в скифских курганах // Киммерийцы и скифы: тез. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.И. Тереножкина (г. Мелитополь, 25–28 мая 1992 г.). Мелитополь: Ин-т археологии Украины, Гос. историко-археол. музей-заповедник «Каменная Могила» и др., 1992. С. 11–12.
19. *Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Уразова А.Б.* Исследования памятников ранних кочевников среднего Илека (некоторые итоги и перспективы) // Маргулановские чтения–2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2019. С. 234–242.
20. *Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.* Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: «Рифей», 2000. 269 с.
21. *Білінський О.О.* Проблема поховального обряду населення скіфського часу Посейм'я // Археологія і давня історія України. 2019. Вип. 4 (33). С. 255–262.
22. *Вадецкая Э.Б.* Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 236–246.
23. *Вдовченко Е.В.* «Мужское» и «женское» в погребальном обряде и обществе сарматов Подонья (на материале курганного могильника Новый) // Преподаватель XXI век. 2013. № 4. С. 287–294.

24. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: АН СССР, 1934. 223 с.
25. *Вольная Г.Н., Найфонова Ф.Г.* Образ барана в прикладном искусстве кобанской культуры и традиционной культуре населения центрального Кавказа // Известия СОИГСИ. 2016. № 21 (60). С. 5–23.
26. *Вохменцев М.П.* К вопросу об этнических взаимоотношениях (по материалам поселения Охотино I) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: ЮУрГУ, 2009. С. 13–14.
27. *Галданова Г.Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 115 с.
28. *Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть 1. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // Вопросы археологии Урала. 1970. Вып. 10. 257 с.
29. *Генинг В.В., Генинг В.Ф.* Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций: сб. науч. тр. Киев: Наукова думка, 1985. С. 136–152.
30. *Гимбатова М.Б.* Традиции гостеприимства и куначества у ногайцев (северокавказские и тюркские параллели) // Научная мысль Кавказа. 2007. № 1. С. 78–85.
31. *Глебов В.П.* Сарматские погребения с северной ориентировкой III–I вв. до н.э. на Нижнем Дону // Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе: тез. обл. семинара. Донецк, 1989. С. 155–156.
32. *Глебов В.П.* Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II–I вв. до н.э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: м-лы VII Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011. С. 34–48.
33. *Граков Б.Н.* Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии // АСГЭ. 1964. Вып. 6. С. 118–127.
34. *Гуцалов С.Ю.* Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004. 136 с.
35. *Гуцалов С.Ю.* О центрально-азиатских культурных компонентах в погребениях кочевников Южного Приуралья III в. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. История и исторические науки. 2009. № 3. С. 104–115.
36. *Деревянко А.В.* К проблеме выделения археологических древностей роксоланов // Научные ведомости. Сер. История. Политология. 2016. № 22 (243). Вып. 40. С. 20–25.
37. *Деревянко А.В.* Роксоланы на среднем Дону по данным археологии // Вестник ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. 2017. № 1. С. 38–43.
38. *Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.* О раннем железном веке Жетысу: некоторые итоги систематизации данных // Археология і давня історія України. 2018. Вип. 2 (27). С. 469–484.
39. *Дремов И.И., Семенова И.В.* Курган позднесавроматского времени у с. Березовка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2003. Вып. 5. С. 129–135.
40. *Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В.* Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: «Восточная литература» РАН, 2006. 159 с.
41. *Железчиков Б.Ф., Кригер В.А.* Катакомбные захоронения Уральской области // СА. 1978. № 4. С. 218–228.
42. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V. МИА. № 30. М., 1952. 326 с.
43. *Заднепровский Ю.А.* Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 73–87.
44. *Игуменьева Е.В.* К торговым связям кочевников Южного Урала VI–II вв. до н.э. // Троицкий вестник. 2008. № 3. С. 7–12.
45. *Итина М.А.* История степных племен Южного Приуралья (II – начало I тыс. до н.э.). Труды ХАЭЭ. М.: Наука, 1977. Т. 10. 246 с.

46. *Кадырбаев М.К.* Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–428.
47. *Кадырбаев М.К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время: сб. ст. / под ред.: А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 84–93.
48. *Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука КазССР, 1976. С. 137–156.
49. *Калиева С.С., Колбин Г.В., Логвин В.Н.* Могильник у поселения Бестамак // Маргулановские чтения: тез. докл. Петропавловск, 1992. С. 41–42.
50. *Калиева С.С., Логвин В.Н.* Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // ВААЭ. 2008. № 9. С. 32–58.
51. *Кемаев Е.Н.* Погребальные обряды Кошибеевского могильника // Вестник ЧГПУ, 2011. № 2 (70). Ч. 2. С. 120–127.
52. *Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.
53. *Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 2. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.
54. *Кисляков Н.А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии, и Казахстана. Л.: Наука, 1969. 240 с.
55. *Клепиков В.М.* К проблеме выделения сарматских памятников в III в. до н.э. // НАВ. 2000. Вып. 3. С. 97–107.
56. *Клепиков В.М., Скрипкин А.С., Сергацков И.В.* Прохоровская культура в Нижнем Поволжье: становление и трансформация // Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий: м-лы Междунар. науч. конф. (г. Оренбург, 21–25 апреля 2008 г.). Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 50–63.
57. *Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. М.: Наука, 1972. 274 с.
58. *Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифского времени Днепрового Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка, 1989. 336 с.
59. *Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.
60. *Кунгуров А.Л., Сингаевский А.Т.* Археологические памятники города Барнаула. Барнаул: Азбука, 2006. 200 с.
61. *Кушаев Г.А.* Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск: «Диалог», 1993. 175 с.
62. *Левина Л.М.* Памятники джетысарской культуры середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 61–72.
63. *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья (I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э.). М.: Восточная литература РАН, 1996. 396 с.
64. *Логвин А.В., Шевнина И.В.* О реконструкции погребения сарматского времени (по материалам могильника Бестамак) // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи: м-лы междунар. науч. конф. / отв. ред. З. Самашев. Астана: Президентский центр культуры РК, 2008. С. 249–254.
65. *Логвин А.В., Шевнина И.В.* Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: м-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК (г. Алматы, 12–15 декабря 2011 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 349–359.

66. *Логвин А.В., Шевнина И.В.* О совместных синташтинских погребениях могильника Бестамак // Человек и Север: антропология, археология, экология: м-лы всерос. науч. конф. (г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г.). Тюмень: Тюменский научный центр СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 133–139.
67. *Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В., Нетета А.В.* Сарматские материалы на могильнике Бестамак // НАВ. 2008. Вып. 9. С. 155–169.
68. *Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М.* Новое в исследованиях археологического наследия Торгая // Новая методология казахстанской исторической науки: поиски и обретения: сб. докл. Республиканской науч.-практ. конф. Костанай: Костанайский областной историко-краеведческий музей, 2014. С. 41–49.
69. *Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М.* Раннесарматское погребение кургана 1 могильника Каратомар // Маргулановские чтения – 2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 316–327.
70. *Лоховиц В.А.* Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик // Кочевники на границах Хорезма. Труды ХАЭЭ. М.: Наука. Т. XI. 1979. С. 134–150.
71. *Мажитов Н.А.* Чиатавский могильник // Башкирский археологический сборник. Уфа: АН СССР, 1959. С. 100–113.
72. *Мамедов А.М., Китов Е.П.* Погребальный обряд ранних кочевников Верхнего Илека (по материалам могильника Сапибулак) // Изв. НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. № 6. 2015. С. 19–60.
73. *Мандельштам А.М.* Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992а. С. 107–116.
74. *Мандельштам А.М.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992б. С. 178–196.
75. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. 639 с.
76. *Матвеева Н.П.* Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск: «Наука», 1993. 175 с.
77. *Матренин С.С., Тишкин А.А.* Поясные пряжки кочевников Алтая хуннуского времени: классификация и типология // Известия Алтайского госуниверситета. 2015. № 3 (87). Т. 2. С. 143–152.
78. *Могильников В.А.* Гороховская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992а. С. 283–291.
79. *Могильников В.А.* Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992б. С. 292–311.
80. *Могильников В.А.* Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992в. С. 254–273.
81. *Морган Л.Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Институт народов Севера, 1935. 350 с.
82. *Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С.* Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. 392 с.
83. *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. М.: АН СССР, 1963. Вып. Д1–10. 56 с.
84. *Мошкова М.Г.* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972. МИА. № 153. С. 27–48.
85. *Мошкова М.Г.* О назначении пряслиц в погребениях мужчин // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И.И. Гушиной. Тр. ГИМ. 2012. Вып. 191. С. 338–351.
86. *Нурмуханбетов Б.Н., Трифионов Ю.И.* Курганные могильники Шубарат и Молалы (краткая характеристика и культурно-хронологический анализ) // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур: сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога Б. Нурмуханбетова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 10–19.

87. *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.: Наука, 1991. 256 с.
88. *Патаева В.Д.* Традиционная обрядность у тюркских и монгольских народов // Вестник Бурятского госуниверситета. 2015. № 1. С. 34–37.
89. *Перищиц А.И.* Похищение невест: правило или исключение? // СЭ. 1982. № 4. С. 121–127.
90. *Погодин Л.И.* К характеристике военной структуры саргатской общности // IV исторические чтения памяти М.П. Грязнова: м-лы науч. конф. Омск: ОмГУ, 1997. С. 116–121.
91. *Подушкин А.Н.* Материалы могильника Культобе I в. до н.э. – II в. н.э.: о сарматах и сюнну в Южном Казахстане // Кадырбаевские чтения – 2016: м-лы V Междунар. науч. конф. Актюбе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2016. С. 204–212.
92. *Пузикова А.И.* Городище Марица – памятник лесостепных культур скифского времени в Посеймье (по итогам работ 1973–1974 гг.) // СА. 1978. № 3. С. 183–198.
93. *Пишеницына М.Н.* Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 224–236.
94. *Пишеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.
95. *Пишеничнюк А.Х.* Филипповка: Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
96. *Пишеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш.* Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа: АН СССР. Башкирский филиал, 1976. С. 132–149.
97. *Савинов Д.Г.* Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2012. 180 с.
98. *Сеитов А.М.* Древние кочевники Тургая середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография / отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 182–206.
99. *Сергацков И.В., Шинкарь О.А.* Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. 2003. Вып. 6. С. 165–178.
100. *Симоненко А.В.* Сарматы Таврии. Киев: Наукова думка, 1993. 144 с.
101. *Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Саратовский госуниверситет, 1984. 150 с.
102. *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Саратов: Саратовский госуниверситет, 1990. 240 с.
103. *Скрипкин А.С.* Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. 2000. Вып. 3. С. 17–40.
104. *Скрипкин А.С.* Сарматы и Восток. Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2010. 370 с.
105. *Скрипкин А.С.* О восточных связях сарматов во II–I вв. до н.э. // Сарматы и внешний мир: м-лы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН; Центр «Наследие», 2014. С. 216–222.
106. *Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.
107. *Смирнов К.Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.
108. *Смирнов К.Ф.* «Амазонка» IV в. до н.э. на Дону // СА. 1982. № 1. С. 120–130.
109. *Смирнов К.Ф.* Раннесарматский курган под Новоорском Оренбургской обл. // Древности Евразии в скифо-сарматское время: сб. ст. / под ред.: А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 10–14.
110. *Смирнов К.Ф.* Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 165–177.
111. *Столяр А.Д.* Мариупольский могильник как исторический источник // СА. 1955. Т. XXIII. С. 16–37.
112. *Таиров А.Д.* Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. С. 3–205.

113. *Таиров А.Д.* Памятники «коргантасского типа»: взгляд со стороны // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья: сб. науч. ст. / отв. ред. В.К. Мерц. Павлодар: Павлодарский госуниверситет им. С. Торайгырова, 2006. Вып. 2. С. 182–199.
114. *Таиров А.Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. 274 с.
115. *Техов Б.В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника). М.: Наука, 1980. 93 с.
116. *Тишкин А.А., Дашковский П.К.* Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.
117. *Хабдулина М.К.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Гылым, 1994. 170 с.
118. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 171 с.
119. *Хлобыстина М.Д.* Ярусные погребения Евразийской степи в бронзовом веке // КСИА. 1982. Вып. 169. С. 13–20.
120. *Шевнина И.В., Ворошилова С.А.* Детские погребения эпохи развитой бронзы (по материалам могильника Бестамак) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: ЮУрГУ, 2009. С. 59–63.
121. *Шульга П.И.* О захоронениях коргантасского типа // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. науч. статей, посвящ. памяти археолога К.А. Акишева / отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 405–418.

Түйін

Ғасырлар көрінісіндегі әйел бейнесі:

Үлкен Торғай мен оған іргелес аймақтардың материалдары бойынша.

Ұжымдық монография / жауапты ред. Ғ. А. Базарбаева, Г. С. Жұмабекова.

Алматы: Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2020. 160 б.

Кітапта әйелдің бейнесін және осы тақырыпқа байланысты мәселелерді зерттеу нәтижелері ұсынылған. Шығармашылық ұжымға еліміздің түрлі ғылыми орталықтарының мамандары: Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Т. Жүргенов атындағы Қазақ ұлттық өнер академиясы (Алматы қ.), Л. Н. Гумилёв атындағы Еуразия ұлттық университеті (Нұр-Сұлтан қ.), А. Байтұрсынов атындағы Қостанай өңірлік университетінің археологиялық зертханасы, Батыс Қазақстан облыстық тарихи-өлкетану мұражайы (Орал қ.) тартылған.

Мәлеметтер екі тарауға бөлінген. Бірінші тарау қазіргі заманнан қола дәуіріне дейінгі кезеңді қамтиды; екінші тарауда қазақ даласының кейбір бөлігіндегі ерте темір дәуірі туралы мәліметтерге талдау жасаланады.

Кітаптың бөлімдері археологиялық және этнографиялық мәліметтерге негізделген әйелдің рөлі мен бейнесіне қатысты сұрақтардың әртүрлі аспектілерін көрсетеді: қазақтың зергерлік әшекейлерімен жүргізілген жұмыс нәтижелері ғылыми айналымға енгізілді (*С. А. Шкляева*); отандық археологиядағы ортағасырлық дәуірдегі гендерлік мәселелер бойынша әдебиеттерге шолу жасалды (*Б. М. Хасенова*) және Бестамақ қорымының Сынтасты мәдениетінің әшекейлері талданды (*И. В. Шевнина, А. В. Логвин*).

Қазақстан мен оған іргелес аймақтардың ерте темір дәуіріндегі археологиялық материалдар негізінде ерте көшпенділер қоғамында әйел отбасы немесе ру ошағының иесі және қамқоршысы ретінде белгілі бір рәсімдерді орындады (*Г. С. Жұмабекова, Ғ. А. Базарбаева*), б.д.д. VI–IV ғғ. әйелдер қызметіне тек шаруашылық жұмыстар ғана емес, салттық-сиқырлы әрекеттер де кірді (*Я. А. Лұқпанова*). Бестамақ қорымының № 138 (б.д.д. III–II ғ. соңы) жерлеу материалдарын зерделеу негізінде *А. М. Сеитов* дайындаған бөлімді гендерлік мәселені зерттеудің белгілі бір кезеңі деп санауға болады.

Ұсынылған ұжымдық монография ғасырлар бойы Дала әйелі рөлін зерттеудің белгілі бір қорытындысын шығарады және зерттеушілердің назарына жан-жақты кешенді зерттеуді талап ететін жаңа мәселелерді қояды.

Кітаптағы қазақ этнографиясына байланысты суреттерді *Жанболат Жанабаев пен Айжан Қалишора* дайындады.

Abstract

The image of woman reflected in centuries:

A case study from Great Turgay and neighbouring regions.

Collective monograph / G. A. Bazarbayeva, G. S. Jumabekova (eds.).

Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2020. 160 p.

This monograph summarises the results of studies related to the image of woman, and the associated issues. The creative team is represented by specialists from various national research centres, including A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, T. Jurgenov Kazakh National Academy of Arts (Almaty), L. N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan), the laboratory for the archaeological research of the A. Baytursynov Kostanay Regional University, West Kazakhstan Regional Local History Museum (Uralsk).

The content is provided in two chapters. In the first chapter, the sections are organised from the modern period to the Bronze Age; the second chapter outlines the analysis of data for the Early Iron Age of several regions of the Kazakh steppes.

The sections of this book reflect various aspects of issues related to the role and image of woman based on archaeological and ethnographic data: the results of analysis of the Kazakh jewellery (*S. A. Shklyayeva*) are introduced into scientific discourse; presented are also the overview of literature on gender issues for the medieval period in the national archaeology (*B. M. Khasenova*) and the study of ornaments of the Syntashta-Petrovka Culture from the burial ground of Bestamak (*I. V. Shevnina, A. V. Logvin*).

Based on the Early Iron Age archaeological materials from Kazakhstan and surrounding regions, it has been concluded that, in the early nomadic society, woman performed certain rituals as the mistress and patron of the family and ancestry hearth (*G. S. Jumabekova, G. A. Bazarbayeva*), her functions in the 6th–4th c. BC included not only economic activities, but also ritual and magical aspects (*Ya. A. Lukpanova*). The section prepared by *A. M. Seitov*, based on the analysis of materials from burial 138 (late 3rd – 2nd c. BC) of the Bestamak cemetery, can be considered as a certain milestone in the gender research.

The presented collective monograph outlines the research into the role of woman in the Steppe during the past centuries, and raises new questions, which require further complex studies.

Illustrative material on Kazakh ethnography for this volume was prepared by *Janbolat Janabayev and Aizhan Qalshora*.

Список сокращений

АН КазССР –	Академия наук Казахской ССР
АркГПИ им. Б. Алтынсарина –	Аркалыкский государственный педагогический институт им. Б. Алтынсарина. Аркалык
АСГЭ –	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург
АЭАЕ –	Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БГПУ –	Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа
БНЦ УрО РАН –	Башкирский научный центр Уральского отделения Российской Академии наук. Уфа
БААЭ –	Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВГУ –	Воронежский государственный университет. Воронеж
ВКО –	Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан
ГИМ –	Государственный исторический музей. Москва
ГМИ РК–	Государственный музей искусств РК им. А. Кастеева. Алматы
ГРВЛ –	Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва.
ЕНУ им Л.Н. Гумилева –	Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. Нур-Султан
ЗКАЭ –	Западно-Казахстанская археологическая экспедиция
ЗКО –	Западно-Казахстанская область Республики Казахстан
ИА РАН –	Институт археологии Российской Академии наук. Москва
ИАС –	История и археология Семиречья. Алматы
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург
ИИЯЛ УНЦ РАН –	Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук. Уфа

ИОЛЕАЭ –	Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. Москва
ИПОС СО РАН –	Институт проблем освоения севера Сибирского отделения Российской Академии наук. Тюмень
КарГУ им. Е. Букетова –	Карагандинский государственный университет им. Е. Букетова
КН МОН РК –	Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
КОИКМ –	Костанайский областной историко-краеведческий музей. Костанай
КСИА –	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
МАЭ РАН –	Музей антропологии и этнографии АН СССР/РАН им. Петра Великого (Кунсткамера). Ленинград/Санкт-Петербург
МГУ –	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
МНИ –	Музей народного искусства. Москва
МОН РК –	Министерство образования и науки Республики Казахстан
НАВ –	Нижеволжский археологический вестник. Волгоград
НАН РК –	Национальная Академия наук Республики Казахстан. Алматы
НГУ –	Новосибирский государственный университет. Новосибирск
НИИ им. К.А. Акишева –	Научно-исследовательский институт археологии им. К.А. Акишева. Нур-Султан
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола». Алматы
ОГПУ –	Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург
ОмГУ –	Омский государственный университет. Омск
ПА –	Поволжская археология. Казань
ПГУ им. С. Торайгырова –	Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова. Павлодар

РА –	Российская археология. Москва
РГГУ –	Российский государственный гуманитарный университет. Москва
РЭМ –	Российский этнографический музей. Санкт-Петербург
СА –	Советская археология. Москва
САИ –	Свод археологических источников. Москва, Ленинград
СОИГСИ –	Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. Владикавказ
СО РАН –	Сибирское отделение Российской Академии наук
СПбГУ –	Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
СЭ –	Советская этнография. Москва
ТиПАИ –	Теория и практика археологических исследований. Барнаул
ТИИАЭ АН КазССР –	Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук КазССР
ТюмГНГУ –	Тюменский государственный нефтегазовый университет. Тюмень
УрО РАН –	Уральское отделение Российской Академии наук
ХАЭЭ –	Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЧГПУ –	Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. Чебоксары
ШҚО –	Қазақстан Республикасының Шығыс-Қазақстан обласы
ЮНЦ РАН –	Южный научный центр Российской Академии наук. Ростов-на-Дону
ЮУрГУ –	Южноуральский государственный университет. Челябинск
СААН –	Central Asian Analytical Network

Сведения об авторах

Базарбаева Галия Аппазовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан; galiya2002@gmail.com

Джумабекова Гульнара Саиновна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом первобытной археологии Института археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан; gdzhuma@mail.ru

Логвин Андрей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, заведующий лабораторией археологических исследований Костанайского регионального университета имени А. Байтурсынова, г. Костанай, Казахстан; logvin_a@mail.ru

Лукпанова Яна Амангелдиевна – научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана и Западно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея, г. Уральск, Казахстан; lukpanovayana@gmail.com

Сеитов Абай Мейрамович – научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, учитель средней школы, г. Костанай, Казахстан; sajrim@mail.ru

Хасенова Бахыт Мулдашевна – докторант очной формы обучения Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан; alicar@inbox.ru

Шевнина Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, старший преподаватель кафедры Истории Казахстана, научный сотрудник лаборатории археологических исследований Костанайского регионального университета имени А. Байтурсынова, г. Костанай, Казахстан; shevnina_i@mail.ru

Шкляева Светлана Аркадьевна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, профессор Казахской национальной академии искусств им. Т.К. Жургенова, г. Алматы, Казахстан; swetlana.shklyaewa@yandex.kz

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава 1 Украшения: изящество сквозь века	
1.1 Региональные особенности украшений народной казахской одежды Сарыарки конца XIX – начала XX в. (коллекции музеев Алматы, Аркалыка и Костаная)	7
<i>С. А. Шкляева</i>	
1.2 Гендерная символика эпохи средневековья по данным археологии	43
<i>Б. М. Хасенова</i>	
1.3 Синташинские украшения в контексте одного могильника (по материалам некрополя Бестамак)	58
<i>И. В. Шевнина, А. В. Логвин</i>	
Глава 2 Образ женщины казахской степи эпохи раннего железа	81
2.1 «Быть женщиной — что это значит? Какою тайною владеть?»	83
<i>Г. С. Джумабекова, Г. А. Базарбаева</i>	
2.2 Женщины «племени воинственного, свободного, непокорного»	108
<i>Я. А. Лукпанова</i>	
2.3 «Мужчины» и «женщины», культурно-хронологический и этносоциальный аспекты исследования: по материалам погребения № 138 могильника Бестамак	132
<i>А. М. Сеитов</i>	
Түйін	153
Abstract	154
Список сокращений	155
Сведения об авторах	158

Научное издание

**Образ женщины в отражении веков:
по материалам из Большого Тургая и сопредельных регионов.**

Коллективная монография.

Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020.
Ответственные редакторы: Г. А. Базарбаева, Г. С. Джумабекова
Компьютерная верстка и дизайн – Ольга Кузнецова
На обложке – рисунок Д. Джанабаева.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 21.09.2020. Формат 70×108 1/16
Усл. п. л. 29,9. Гарнитура «Times New Roman». Тираж 70 экз.

Отпечатано в типографии «Хикари»